

Превращение США в империю наподобие уже сошедших с мировой сцены европейских империй — Австро-Венгерской, Британской, Российской (и Советской) — вызывает закономерные опасения, причем не только у жителей других стран, но и у самих американцев. Ведь это превращение сопровождается процессами, оказывающими негативное воздействие на экономику и социальную сферу самих Соединенных Штатов, а имперская политика, как показывает исторический опыт, чревата социально-политическими потрясениями в «колониях», способными вызвать цепную реакцию и обернуться катаклизмами и в новоявленной метрополии. Поэтому клич «Янки, гоу хоум!» все чаще раздается в самой Америке, а лозунг восстановления «старой республики» (той республики, которая рисовалась Вашингтону, Джефферсону, Гамильтону и другим отцам-основателям) становится все популярнее среди американцев.

Лидером этого движения за возвращение к «хорошо забытому старому» является Патрик Бьюкенен. По замечанию еще одного рецензента «Смерти Запада» Бориса Раменского, «политическая линия Бьюкенена находит все больше сочувствия и понимания в правых кругах нашей страны характерным для нее сочетанием ультраконсерватизма и изоляционизма. Бьюкенен — последовательный критик как “глобализма”, ассоциирующегося с политикой Клинтона и деятельностью разного рода международных финансовых организаций типа МВФ и ВТО, так и “гегемонистского” курса нынешней администрации. Он выступал против военной акции США в Косово и в настоящее время весьма критически высказывается относительно планов Буша и его команды по Ираку. Являясь несомненным маргиналом американской политики, он, тем не менее, может считаться маргиналом статусным — чью позицию нельзя не принимать во внимание»*.

«Маргинальное» положение Бьюкенена — очевидное преувеличение журналиста. Консервативная идея, которую олицетворяет собой фигура Бьюкенена, может оказаться единственной надежной опорой в «разомкнутом постмодернистском мире» (А. Столяров) — по крайней мере, до тех пор, пока не оформится качественно новая идея, способная изменить мир. И потому к Патрику Бьюкенену стоит прислушаться.

Константин Ковешников

* Раменский Б. Что предрекает Западу Пэт Бьюкенен?
<http://antropotok.archipelag.ru/text/a111.htm>.

ПАТРИК ДЖ. БЬЮКЕНЕН

ПРАВЫЕ И НЕ-ПРАВЫЕ

КАК НЕОКОНСЕРВАТОРЫ
ЗАСТАВИЛИ НАС ЗАБЫТЬ
О РЕЙГАНОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ПОВЛИЯЛИ
НА ПРЕЗИДЕНТА БУША

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга и ее автор многим обязаны целому ряду людей. Прежде всего — Фреди Фридман, моему агенту и редактору четырех моих предыдущих книг, которая прочла несколько глав весной 2004 года, предложила название для книги и переправила ее моему издателю Тому Данну из издательства «St. Martin's». Том согласился опубликовать книгу в августе, если окончательный вариант рукописи будет готов к концу июня. Тому и Шону Десмонду, редактору издательства, с которым я также работал над «Смертью Запада», — моя искренняя благодарность.

Выражаю признательность своим давним друзьям Аллану Рискинду и Сэму Фрэнсису, которые прочли рукопись и сделали немало замечаний и предложений, а также авторам и ученым, читавшим отдельные фрагменты рукописи: Ричарду Д. Фишеру-младшему, специалисту по Китаю; Брайану Ридлю, бюджетному эксперту фонда «Наследие», который рецензировал главу «Двуличие консерваторов»; Аллану Тонельсону из Торгово-промышленной палаты, который тщательнейшим образом изучил главу «Экономическая измена». Я согласился со многими их замечаниями и благодарю их от всей души, и не их вина, если в окончательном варианте текста остались какие-либо упущения и неточности.

Наконец, я хотел бы поблагодарить Кару Хопкинс и У. Джеймса Энтла-третьего из журнала «Американский консерватор», которые потратили много времени на приведение рукописи в порядок, а также Веронику Янос из того же журнала за техническую помощь в работе с компьютером, в которой автор отчаянно нуждался.

АМЕРИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ЗЕНИТЕ МОГУЩЕСТВА

Даже Британская империя в пору своего наивысшего могущества не доминировала в мире так, как доминирует сегодня Америка. Башмаки американских солдат топчут земли, на которые никогда не ступала нога воинов королевы Виктории. Наши военные корабли заходят в порты всех континентов. Наши военные технологии на многие десятки лет опередили технологии других народов. Наш ВВП составляет 30 процентов мировой экономики.

Бренды наподобие «Кока-колы», «Макдональдса» и «Ливайса» известны повсеместно, от Катманду до Курдистана. Музыка, которую слушает молодежь во всем мире, — американская или написанная ей в подражание. Американцы ежегодно получают львиную долю нобелевских премий в науке, медицине и экономике. Голливудские фильмы собирают наибольшую аудиторию. Доллар — мировая расчетная единица. Международный валютный фонд, удержавший от банкротства десятки национальных экономик, имеет штаб-квартиру в Вашингтоне и подотчетен министерству финансов США. Американский ан-

глийский является современной *lingua franca* Интернета и международной элиты.

Когда в мире возникают кризисы — будь то на Балканах, на Кавказе, в Кашмире или на Ближнем Востоке — в роли миротворцев выступают американские дипломаты. Практически по любой мерке — военная и экономическая мощь, технологии, стандарты жизни, культурное доминирование, социальные и политические свободы — Америка представляет собой сегодня «золотой стандарт», ту самую «гиперсилу», на которую сетуют на Кэ д'Орсе.

Однако на ум почему-то приходит история, которую, по легенде, поведал Линкольн своим друзьям, пришедшим проводить его, когда он покидал Спрингфилд, дабы возглавить поход за воссоединение нации. Некий восточный монарх, сказал Линкольн, велел своим мудрецам отыскать слова, которые окажутся правдивыми всегда и везде. Мудрецы удалились и погрузились в размышления, а когда предстали вновь пред владыкой, они изрекли: «Все пройдет».

Давайте надеяться, прибавил Линкольн, что к Америке это не относится.

Увы, Америка не избежала общей участи. Все республики, все империи, все цивилизации рано или поздно уходят в небытие. Римская республика начала умирать в тот день, когда легионы Цезаря пересекли Рубикон, дабы провозгласить своего полководца диктатором Вечного города. Цицерон предупреждал — но толпа не слушала его, ибо ей было все равно. Четыреста лет спустя гот Аларих перевалил через Альпы, и его орды похоронили величайшую империю в истории человечества.

Что погубило Рим? Утрата веры в старых богов и старинные добродетели? Упадок аристократии? Развращение народа «хлебами и зрелищами»? Разнуздан-

ные безумства распутных императоров? Войны, в которых было растрчено имперское золото? Сокращение рождаемости? Нарастающая иммиграция варваров, не испытывавших любви ни к римской культуре, ни к римской истории? Порочная практика «разбавления» римских легионов иноземными рекрутами?

Все это — лишь симптомы неотвратимой кончины. А в чем же причина?

Император Юлиан Отступник, герой гиббоновского «Упадка и разрушения Римской империи», верил, что Рим не переживет предпринятой Константином христианизации, каковая подменяла воинские доблести принципом «Возлюби ближнего своего». Империя не в состоянии пережить утрату древней языческой веры. Когда умирает религия, культура и взросшая на ней цивилизация также умирают. И в самом деле — когда Рим готов был пасть под ударами варваров, священники выходили к городским воротам и молили о пощаде личностей вроде гунна Аттилы.

В наше время империи рушатся буквально на глазах. Двадцатое столетие оказалось настоящим кладбищем империй. Австро-Венгерская, Германская, Российская и Оттоманская сгнули в пламени Первой мировой. Империя Восходящего солнца закатилась в 1945 году. Британская империя, охватывавшая четверть территории земного шара и пятую часть его населения, сгнула через четверть столетия после своего «наивысшего пика» в 1940 году. Советская империя, протянувшаяся на двенадцать временных зон, от Берингова пролива до Эльбы, с форпостами в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и даже на Карибских островах и в Центральной Америке, развалилась вследствие утраты веры в 1989 году. Она была последней из великих империй двадцатого века. Все исчезли, уцелела только Америка.

Однако вторжение в Ирак и война за насаждение демократии в арабских и исламских государствах, никогда демократии не знавших, могут обернуться классическим примером «имперского перенапряжения», погубившего столь многие империи прошлого. Фаллуджа, где американские морские пехотинцы вынуждены были отступить, так и не выполнив задания по уничтожению террористов, убивших четырех американцев, может оказаться той самой точкой, с которой американское могущество начнет идти на убыль.

В поезде, который нес его в 1946 году в Фултон, где ему предстояло произнести свою знаменитую речь о падении «железного занавеса», Черчилль мрачно признался своему американскому спутнику: «В следующей жизни я хотел бы родиться в Америке. Ваша страна — это будущее мира. Великобритания миновала свой зенит».

Удивительное признание в устах человека, олицетворявшего собой британский патриотизм! Тем не менее чувства великого политика вполне понятны. Ведь Черчилль занимал пост Первого лорда Адмиралтейства, когда империя находилась в самом расцвете, и воочию наблюдал из-за штурвала, как грандиозный корабль начинает тонуть. Историки выискивают причины краха Британской империи в девятнадцатом столетии. Некоторые утверждают, что к крушению индустриальной державы привела свобода торговли: Британия в двух мировых войнах заплатила чертовски высокую цену за свою повседневную зависимость от импорта.

В конце девятнадцатого века Великобритания как будто приняла тезис: «Богатство в деньгах» и признала финансовое превосходство более актуальным, нежели промышленная мощь. Дабы поддержать мировую

торговую систему своего собственного изготовления, Британия жертвовала национальными интересами — равно как и мы, американцы, кладем свои национальные интересы на алтарь современного Молоха, глобальной экономики.

Впрочем, если потребуется назвать одну-единственную причину краха Британской империи, ответ будет прост: война. Англо-бурская война была британским Вьетнамом. Она повлекла за собой утрату веры в превосходство англосаксонской цивилизации и распространение еретической идеи о том, что Британская империя, отрицавшая за «цветными» чувство человеческого достоинства и готовность к самопожертвованию, уже не является морально оправданной.

Затем Британия на десятилетие (с 1914 по 1918 и с 1939 по 1945 год) оказалась втянутой в кровопролитную смертельную схватку с наиболее могущественной сухопутной державой Европы. В обеих войнах Британия сражалась в одиночку с первого и до последнего дня. В 1945 году она вышла из войны кровоточащей, разоренной, изможденной, едва живой. Ей предстояло распрощаться с имперскими амбициями, впасть в социалистические иллюзии, принять план Маршалла и уступить пальму первенства в принятии важнейших геополитических решений для Европы и мира в целом Америке. К концу последнего премьерства Уинстона Черчилля (а он начинал с члена теневого кабинета в 1911 году) Британия представляла собой лишь тень былого величия.

Год спустя бывшей империи пришлось вытерпеть небывалое унижение. В годы войны генерал Эйзенхауэр подчинялся приказам Черчилля; став президентом, Эйзенхауэр приказал преемнику Черчилля Энтони Идену оставить Суэц — и пригрозил в случае неподчинения обрушить курс фунта стерлингов. После чего

Америка фактически отпихнула Британию и примерила на себя имперскую тогу. К моменту смерти Черчилля (1965) от империи, над которой никогда не заходило солнце, не осталось и следа. На ум приходят знаменитые строчки поэта Шелли:

Все рушится. Нет ничего быстрее
Песков, которым словно не пристало
Вокруг развалин медлить в беге дней*.

Как замечает политик-лейборист сэр Рой Денэм:

«В начале двадцатого столетия Британия как центр крупнейшей мировой империи пребывала в зените могущества и славы. Конец же столетия Британия встречает в качестве малой державы, лишившейся своей империи... На деле сегодня она занимает немногим более почетное место, чем Швейцария. Со времен падения Испании в семнадцатом веке упадок Британии — величайший в мировой истории».

Британский историк А. Дж. П. Тэйлор писал: «Хотя целью Великой Нации является победа в Великой Войне, единственный способ уцелеть в прежнем качестве заключался в том, чтобы не воевать». В Первой мировой потери Британии составили 720 000 человек, во Второй мировой она потеряла еще 400 000 человек; иными словами, за десятилетие войн Британия пролила кровь храбрейших и достойнейших своих сыновей и растратила все богатства империи.

Америка же воздерживалась от участия в мировых войнах дольше любой другой державы и потому понесла значительно меньшие потери. Лишь спустя четыре

* Перевод В. Микушевича. — Здесь и далее примеч. ред.

года после того, как англичане, французы, немцы и русские принялись уничтожать друг друга со скоростью шесть тысяч человек в день, brave янки высадились в Европе и переломили ход войны на Западном фронте — всего за полгода до заключения мира. Лишь спустя четыре года после того, как Гитлер оккупировал Францию, у берегов Нормандии замаячили американские транспорты — ровно за одиннадцать месяцев до «дня V». В обеих мировых войнах мы вели себя как Фортинбрас в «Гамлете» — являлись в финальной сцене, к шапочному разбору, вступая в залитый кровью тронный зал, чтобы принять бразды правления.

В годы «холодной войны» Америка сумела избежать схватки с Советским Союзом, схватки, которая грозила нам большим хаосом и разрушения нежеле, те, которые причинили Британии мировые войны. Мы — последняя сверхдержава, поскольку мы практически не участвовали в грандиозных сражениях двадцатого столетия, вступали в них, когда они близились к завершению, и пострадали поэтому значительно меньше остальных.

Однако с окончанием «холодной войны» наша элита принялась тщательно и словно преднамеренно копировать все ошибки британского правящего класса, приведшие империю к гибели, — от высокомерной похвальбы до отпугивания союзников и до развязывания имперских по своей сути войн в регионах, где национальным интересам США никогда и ничто не угрожало. Отвергая мудрый совет Джона Куинси Адамса, Америка вышла за пределы своих границ в поисках чудовищ, подлежащих уничтожению.

На протяжении полутора столетий Америка придерживалась вашингтоновского принципа: «Не заключать постоянных союзов». Ныне мы имеем на руках

договоры с пятьюдесятью государствами на пяти континентах, а наши гарнизоны размещены в сотне стран. Около 150 000 американских солдат ведут бесконечную войну в Афганистане и Ираке. Доведись Соединенным Штатам столкнуться с серьезным кризисом в какой-либо другой точке земного шара, банкротство нашей внешней политики мгновенно станет очевидным для всех.

Президент Буш объявил, что США считают себя вправе начинать «предупредительные» войны против любого государства «оси зла», обладающего оружием массового уничтожения (сегодня это Северная Корея и Иран, где существуют программы производства ядерного оружия). Президент также заявил, что США считают себя вправе объявить войну любому государству, посмевшему бросить вызов Америке в любом регионе мира. Эти два тезиса составили так называемую «доктрину Буша», суть которой — перманентная война за перманентный мир. Но войны несут смерть республикам. «Никакая нация, — предупреждал Мэдисон, — не сможет сохранить свободу в разгар сражений».

В 2003 году США вторглись в страну, которая ничем нам не угрожала, не нападала на нас, не стремилась с нами воевать; вторглись, чтобы искоренить в этой стране оружие массового уничтожения — которым, как выяснилось позднее, она вовсе и не располагала. Военный кабинет уверил президента Буша в том, что оружие массового уничтожения непременно найдется, что американских солдат встретят цветами, что в Ираке восторжествует демократия, которая быстро распространится по всему Ближнему Востоку, и что наша победа убедит израильтян и палестинцев сесть за стол мирных переговоров.

Ничего этого не произошло. Те из нас, кого упрекали в отсутствии патриотизма за отказ поддержать

вторжение в Ирак и кто предрекал, что мы получим собственный Ливан с 25 000 000 населения, оказались правы. Сегодня мы увязаем все глубже, а наша армия несет ежедневные потери в войне за установление демократии в стране, никогда ее не знавшей.

Партизанская война серьезно подорвала престиж США. Ненависть к президенту Бушу подобно эпидемии охватила весь арабский мир, от Марракеша до Мосула. Добровольцы прибывают в Ирак, чтобы сражаться с американцами, из Сирии, Саудовской Аравии и Ирана. Весной 2004 года новости об издевательствах над иракскими военнопленными в тюрьме Абу-Грайб привели к массовым антиамериканским выступлениям на Ближнем Востоке. Быть может, мы развязали войну цивилизаций, избежать которой — в наших же интересах. Никогда раньше исламский мир не относился к Америке с такой непримиримой ненавистью.

Что касается домашних дел, доходы бюджета 1990-х годов растаяли как дым благодаря тому, что расходы на военные кампании в Афганистане и Ираке существенно превзошли самые мрачные прогнозы экономических советников президента. Бюджетный дефицит США превышает 4 процента ВВП. С учетом того что торговый дефицит приближается к 6 процентам ВВП, доллар за три года потерял треть своей стоимости по отношению к евро. С того момента как состоялась инаугурация президента Буша, в стране сократилось одно из каждых шести рабочих мест. К середине 2004 года стало ясно, что президент не намерен сокращать ни единого из множества агентств, департаментов и федеральных программ этого левиафана — государственного аппарата, пожирающего пятую часть бюджета. Более того, он не наложил вето ни на один законопроект!

Численность коренного (в современном значении) населения Америки перестала увеличиваться. Уровень

рождаемости упал ниже уровня воспроизводства. Прирост населения США ныне обеспечивается иммигрантами, легальными и нелегальными, из Азии, Африки и Латинской Америки. Религиозный, этнический и расовый состав населения страны, которую традиционно считали чадом Европы, меняется гораздо быстрее, чем это когда-либо происходило в мировой истории — в эпоху, когда вопросы расовой принадлежности, этноса и веры раздирают государства в клочья. Плавильный котел утратил свою магию. Новоприбывшие не желают ассимилироваться. Мы превращаемся в то, против чего предостерегал еще Теодор Рузвельт, — в «многоязычный пансион для целого мира».

Все социологические опросы показывают, что американцы требуют перекрытия каналов нелегальной иммиграции и сокращения иммиграции легальной. Однако президент и Конгресс отказываются исполнять свои конституционные обязанности и защищать Соединенные Штаты от фактического иноземного вторжения.

Начальное и среднее образование в США представляют собой злую пародию на образование. Результаты тестов ухудшаются на протяжении десятилетий и не идут ни в какое сравнение с результатами в других развитых странах. В наших университетах уровень невежества поистине скандальный, студенты ничего не знают об истории страны, а большинство специалистов в точных науках прибывает к нам из-за рубежа.

Республиканская партия, поначалу возглавлявшая движение Америки к промышленному превосходству, допустила деиндустриализацию страны, потворствуя транснациональным корпорациям, чьи президенты щедро финансируют партийные кампании. Американские корпорации закрывают предприятия на территории США и открывают новые в Китае, развивают аутсорсинг в Индии, приманивают выходцев из Азии, ко-

торые вытесняют американцев из офисов, и нанимают на подсобные работы нелегальных иммигрантов. Можно сказать, что Республиканская партия совершила экономическое предательство.

При этом, хотя семеро из девяти судей были назначены президентами-республиканцами, Республиканская партия не сумела подчинить себе Верховный суд, который фактически осуществляет в нашей стране социальную, моральную и культурную революцию.

Поневоле возникают зловещие ассоциации с Римом: упадок религии и морали, развращение класса деловых людей, деградация и разрушение культуры... Многие из старинных церквей Америки ныне опустели. Католическую церковь, наиболее многочисленную по числу прихожан, раздирают склоки, ересь и открытое неверие.

Тем не менее, если судить по вашингтонским меркам (с позиции силы), «сострадательный консерватизм» Джорджа Буша торжествует. В 2004 году республиканцы контролировали обе палаты и в целом доминируют в Конгрессе уже на протяжении десятилетия.

С поражения Голдуотера в 1964 году республиканцы одержали победу на семи из десяти президентских выборов и стали «американской партией». Сегодня кажется, что страна едина с партией ничуть не меньше, чем в «ревушие двадцатые», когда у руля стояли Гардинг и Кулидж. Но победа досталась дорогой ценой — отказом от принципов.

Исторически республиканцы являлись партией консервативных ценностей — сбалансированного бюджета, здорового скептицизма по отношению к войнам за рубежом, приверженности традиционным добродетелям и яростного сопротивления возрастанию власти государства и превращению страны в мировую империю. Все это осталось в прошлом. Чтобы завоевать

места на самом верху, многие продали души тому дьяволу, с которым клялись бороться не покладая рук.

Партия приняла «новоимперскую» внешнюю политику, которую отцы-основатели сочли бы отступлением от веры. Партия отринула философию Тафта, Голдуотера и Рейгана и превратилась в партию «большого правительства», за которую долго ратовали рокфеллеровские республиканцы, прежде изгонявшиеся консерваторами из храма. Многие республиканцы отказались от стремления сделать Америку страной, нечувствительной к цвету кожи, и принялись скрещивать шпаги в культурных войнах.

В Вашингтоне не осталось консерваторов. Те, кому надлежало быть сторожевыми псами ортодоксии — консервативные мыслители и политики, — оказались не менее податливыми в вопросах соблюдения партийной линии, чем кардинал Лоу в его борьбе с хищными клириками Бостонской епархии.

Консерватизм, которому учили такие лидеры двадцатого столетия, как Роберт Тафт, Барри Голдуотер, Рональд Рейган и Джесс Хелмс, увы, мертв. Через сорок лет после того, как консерваторы подчинили себе партию на съезде в сан-францисском «Cow Palace», через десять лет после «республиканской революции» 1994 года, что они могут предъявить, кроме председательства в сенатских комиссиях и министерских портфелей?

«Великая старая партия» может быть рейгановской в налоговой политике, но она — вильсоновская в политике внешней, рузвельтовская в политике торговой и джонсоновская в политике бюджетной. Прагматизм во всем — таков девиз сегодняшнего дня. Современную философию республиканцев можно свести к следующему положению: «К черту принципы; значение имеет только власть, которая принадлежит нам, а не им».

Однако принципы имеют значение. История учит, что если мы предаемся порокам республики и поддаемся искушению покупать голоса общественными деньгами, дабы отвлечь население «хлебами и зрелищами» и дабы вести имперские войны, мы тем самым разрушаем всякую надежду на лучшее будущее. И точно так же, как настал день расплаты для Линдона Джонсона, проводившего политику «масла и винтовок», придет день, когда петух пропоет и для Джорджа У. Буша.

В 1960 году Барри Голдуотер огляделся вокруг и в своем «Признании консерватора» произнес слова, которые я охотно повторяю сегодня:

«Я обвиняю консерваторов — нас — себя. Наши неудачи... суть неудачи всего консервативного движения. Мы, консерваторы, убеждены в том, что наше общество серьезно больно, мы знаем, что консерватизм есть залог спасения нации, мы верим, что страна нас поддерживает, — и все же мы не в состоянии продемонстрировать пригодность консервативных ценностей для нужд сегодняшнего дня.

Пожалуй, эти слова требуют небольшой правки. Мы больше не ощущаем, что «страна нас поддерживает». Мы потеряли Америку — быть может, навсегда. Когда и как это произошло, где мы, консерваторы, сбились с пути? Как Америке отыскать дорогу к той конституционной республике, какой она была некоторое время назад? Или же в нас говорит ностальгия, а старая республика канула в небытие навеки?

«Избави нас, Боже всемогущий!» — воскликнул Патрик Генри в годину куда более темную, чем нынешняя. Я не верю, не могу принять как данность тот факт, что старая республика не подлежит восстановлению. Наши родители сумели справиться с Великой депрес-

сией и выдержать страшнейшую войну в истории человечества, не поддавшись страху и отчаянию; наше поколение выстояло в длившейся сорок лет «холодной войне», а грядущее поколение сможет, если ему достанет знаний и решимости, возродить старую республику. И поддержать нас.

Вот краткое содержание этой книги. Она посвящена тому, как консерваторы сбились с пути, почему правые не правы и как случилось, что в контролируемом республиканцами государстве, лидеры которого ежедневно клянутся в своей приверженности консерватизму, возник крупнейший в истории страны дефицит бюджета, а сама страна оказалась втянутой в вильсоновскую имперскую войну по превращению арабского Ближнего Востока в американский Средний Запад. Еще эта книга — о заговоре, который подрывает консервативные устои, ибо заговорщики не верили в них изначально. У них имелись собственные планы и цели. Короче говоря, цель этой книги — вернуться назад, выяснить, где мы сошли с дороги, и восстановить в правах консервативную политику принципов, в которой сегодня столь отчаянно нуждается наша страна. Я писал эту книгу для грядущего поколения консерваторов, которые, по моему мнению, будут не менее недовольны «повседневной политикой», чем были мы в их возрасте.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И «ВОЕННЫЙ ПРЕЗИДЕНТ»

Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступающего в битву за святое и правое дело.

*Григорий Померанц,
русский религиозный философ*

Мы пересекли границу между Республикой и Империей.

Гарет Гарретт, 1952

На следующий день после разрушения башен Всемирного торгового центра, унесшего 11 сентября 2001 года жизни трех тысяч американских граждан, французская газета «Le Monde» вышла под шапкой: «Все мы — американцы». Мир скорбел вместе с нами, когда мы хоронили погибших. Большинство людей в мире поддержало акцию возмездия, предпринятую США, дабы покарать людей, совершивших это преступление, и режим, который их спонсировал.

Три года спустя Соединенные Штаты, почти лишившись поддержки союзников, которых мы оберегали все сорок лет «холодной войны», ввязались в партизанскую схватку с государством, не имеющим никакого отношения к террористической атаке.

Как такое могло произойти? В ответ на этот вопрос можно лишь повторить за Ричардом Уивером, автором одноименной книги: «Идеи имеют последствия». Кровопролитная и дорогостоящая война в Месопотамии, война, которой не видно конца, есть результат идей — не тех, с которыми Джордж У. Буш пришел в Белый дом, но тех, к которым он обратился после шока сентября 2001 года.

Чьи же это идеи? Мы еще узнаем. Но для начала — немного истории. Вспомним конфликт, разгоревшийся внутри Республиканской партии пятнадцать лет назад, ибо «консервативный заговор» начался с окончанием «холодной войны».

Когда в 1989 году, с падением Берлинской стены, Советская империя стала распадаться, сделалось очевидным, что конец «холодной войны», определявшей миссию Америки в мире, уже не за горами. Американцы встали перед необходимостью разработки новой внешней политики. Оуэн Харрис из журнала «National Interest» пригласил автора этих строк принять участие в симпозиуме по вопросу о роли Америки в мире после «холодной войны», вместе с неоконсерваторами Джинном Киркпатриком, Беном Уоттенбергом и Чарльзом Краутхаммером.

Киркпатрик, бывший представитель США в ООН, выразил надежду на то, что мы вновь станем теми, кем были до растянувшихся на полстолетия «горячих» и «холодных» войн 1939–1989 годов: «Времена, когда американцам приходилось нести столь тяжкое бремя (как «холодная война»), миновали. С возвращением к нормальной жизни мы вновь можем стать нормальной страной — и озаботиться насущными проблемами образования, семьи, промышленного и технологического развития».

Уоттенберг полагал, что Америке не стоит запирается в «домашних стенах»; наоборот, она должна как

можно скорее начать «глобальную кампанию» по установлению демократии во всем мире.

Картина, нарисованная Краутхаммером, была еще более грандиозной. «Стремлением Америки должна стать интеграция с Европой и Японией внутри сверхсуверенного образования, которое будет экономическим, культурным и политическим гегемоном в мире». Старой республике надлежало раствориться в этом новом образовании.

«Новый универсализм, — по словам Краутхаммера, — потребует сознательного отказа не только от американского суверенитета, но и от суверенитета как такового. Звучит шокирующе, но на самом деле все не так страшно».

Для многих откровения Краутхаммера и вправду оказались шокирующими. Оправившись от потрясения, вызванного предложением от отказа от национального суверенитета ради тройственного сверхгосударства, я ответил Краутхаммеру статьей «Америка во-первых, во-вторых и в-третьих». В этой статье я защищал антиинтервенционистскую внешнюю политику, коренящуюся в нашей истории, традициях и мудрости отцов-основателей. С завершением «холодной войны», лишившись могучего соперника с чуждой идеологией, мы вполне могли бы вернуться к традиционной внешней политике, блюдущей наши национальные интересы.

В рамках этой политики Америке следовало бы отказаться от союзов времен «холодной войны» и сложить с себя обязательства по защите союзников от прекратившей свое существование советской угрозы. Нам следовало бы снять силки, расставленные Даллесом и Ачесоном по всему миру и сулившие вовлечь нас в любую грядущую заварушку в Азии, Европе и на Ближнем Востоке — несмотря на то, что в этих регионах жизненным интересам США более ничто не угрожало. Я называл такую политику «просвещенным национализмом»

и призывал к осторожности, прежде всего — к недопущению вильсоновских по духу крестовых походов за глобальную демократию, уже в ту пору провозглашенных в качестве новой американской миссии в мире.

«С окончанием "холодной войны" мы должны беспристрастно взглянуть на окружающий нас мир, всегда готовый найти повод, чтобы потратить средства и силы США на крестовые походы и войны, имеющие мало общего с подлинными национальными интересами Соединенных Штатов.

Нас заманивают прежде всего демократическими иллюзиями, поклонением демократии как форме правления и неумемным стремлением причастить весь мир этой вере — либо объяснить, почему кто-либо не желает причащаться. Как и любое идолопоклонство, демократизм выдает ложного бога за истинного, подменяет любовь к стране любовью к процессу».

Статья завершалась такими словами: «Подлинных национальных интересов США не найти в гегемоническом, утопическом мировом порядке».

Эта статья увидела свет зимой 1990 года. В августе того же года Ирак вторгся в Кувейт и объявил его территорию своей девятнадцатой провинцией. По мнению иракского руководства, была восстановлена историческая справедливость: ведь Кувейт от Ирака отделил Черчилль, когда обе страны после Первой мировой войны находились под британским мандатом. «Не бывать этому!» — гневно воскликнул Джордж Г. Буш-старший. Благодаря Ираку наш сорок первый президент обрел свое призвание.

Мастерскими дипломатическими действиями он создал могучую коалицию арабских стран и государств — членов НАТО. Опираясь на финансовую помощь Гер-

мании и Японии, поддержку Совета безопасности ООН, одобрение Конгресса, штыки английских, французских, египетских, сирийских и саудовских солдат, выступивших заодно с американцами, Буш объявил о начале операции «Буря в пустыне». После пяти недель воздушных налетов сухопутным силам США понадобилось всего сто часов, чтобы изгнать иракскую армию из Кувейта и оттеснить ее по «шоссе смерти» к Басре и Багдаду.

К концу военной операции действия президента Буша одобряли 90 процентов американцев. А в октябре 1991 года он выступил в ООН и заявил, что не собирается возвращать американские войска домой, но планирует начать крестовый поход за установление «нового мирового порядка». Соединенные Штаты, сказал президент, возглавят объединенные нации в борьбе за наказание агрессоров и поддержание мира.

Так человечество узнало о новой миссии Америки. При этом с американским народом, которому предстояло кровью и собственными доходами бесконечно платить за соответствие имперской роли, никто не посоветовался.

Будучи избран как наследник Рейгана, президент Буш отказался от рейгановской философии — рейганомики, как ее стали называть. Он твердо вознамерился израсходовать средства и силы Америки на вильсоновские по духу попытки превратить Америку в мирового полицейского. Это не консерватизм. И потому 10 декабря 1991 года я выступил против политики Буша и заявил в конце своего выступления в Нью-Гемпшире:

«Джордж Буш доблестно сражался в величайшей из войн Америки. Он — человек чести, мужественный и благородный, отдавший полжизни служению стране. Но расхождения между нами слишком глубоки...

Он глобалист, тогда как мы — националисты. Он верит в возможность установления Pax Universalis, мы же верим в старую республику. Он готов растратить материальное и духовное богатство Америки на сражения за некий новый мировой порядок; для нас Америка стояла и будет стоять на первом месте».

Десять недель спустя я получил 37 процентов голосов против 51 процента у Буша. На следующий день в предвыборную борьбу включился Росс Перо, и через восемнадцать месяцев после парада в честь победы в войне в Заливе на Констительюшн-авеню главнокомандующий лишился своего поста, получив наименьший процент голосов со времен Уильяма Говарда Тафта в 1912 году. Однако Буш не преминул оставить наследство. Он открыл Америке дорогу к имперскому будущему. Между днем, когда он принес клятву, и днем, когда его сын вступил в Белый дом, Соединенные Штаты вторглись в Панаму, организовали интервенцию в Сомали, оккупировали Гаити, расширили НАТО до границ России, создали протектораты в Кувейте и Боснии, семьдесят восемь дней бомбили Сербию, захватили Косово, приняли политику «двойного сдерживания» в отношении Ирака и Ирана и отправили тысячи солдат топтать саудовскую почву, священную для всех мусульман. В своей книге 1999 года «Республика, а не империя» я доказывал, что реакция неизбежна:

«Соединенные Штаты безоглядно проводят неоимпериалистическую политику, которая неизбежно вовлечет нас в любой сколько-нибудь значимый конфликт грядущего столетия — а ведь войны несут гибель республикам... Если мы не сойдем с этого курса "последовательных интервенций", наши враги однажды обратятся к оружию слабых — террору и со временем нанесут тер-

рористические удары по территории США. И тогда сама свобода, суть республики, окажется под угрозой».

В 2000 году, будучи кандидатом «партии реформ», я повторил свое предостережение:

«Наши постоянные игры с огнем не могут не привести к пожару... Разве нам не достаточно уроков прошлого — от взрыва рейса Pan-Am 103 и бомб во Всемирном торговом центре в 1993 году до террористических актов против наших посольств в Найроби и Дар-эс-Саламе? Разве еще кому-то непонятно, что интервенционизм — инкубатор терроризма? Или требуется катастрофа на территории США, чтобы наши политики, увлеченные играми, осознали опасность имперских амбиций? Америка сегодня стоит перед выбором. Мы можем стать гарантом мирового порядка и безопасности — или мировым полицейским, который усмиряет непокорных. Если выберем второе, рано или поздно нас ожидает кровавая стычка, с которой мы не сможем справиться».

И 11 сентября 2001 года «катастрофа на территории США» произошла.

Ужаснувшаяся и шокированная, Америка потребовала возмездия — и Джордж У. Буш откликнулся на это требование. Не менее эффективно, чем его отец, он составил коалицию против талибских последователей Усамы бен Ладена. Он заручился согласием президента Путина на размещение американских контингентов в бывших советских республиках Узбекистан и Туркменистан, получил разрешение президента Муншаррафа на переброску американских солдат в Пакистан, пассивную поддержку Ирана и Китая и активную помощь НАТО. После того как американские агенты составили списки подразделений Северного альянса,

участвующих в операции, и подкупили недовольных пуштунов, Буш приказал уничтожить «Талибан» и изгнать «Аль-Кайеду» из Афганистана. Через три месяца война закончилась.

Затем Буш принялся раздвигать границы империи и намного превзошел достижения своего отца и Билла Клинтона. Сегодня американские войска базируются в Грузии, Казахстане, Узбекистане и Таджикистане, США ведут переговоры по размещению своего контингента в Азербайджане. Но пускай Россия, Иран и Китай одобрили операцию по искоренению «Талибана», они никогда не согласятся на постоянное военное присутствие США в сердце Азии, куда не проникли даже англичане в пору наивысшего могущества Британской империи.

Одиннадцатое сентября изменило Буша. Подобно тому как его отец обрел призвание после вторжения Ирака в Кувейт, Джордж У. Буш нашел свое призвание на обломках башен-близнецов в Нижнем Манхэттене. И это призвание таково: вести Америку к глобальной войне с терроризмом на протяжении всего срока президентства — и до конца наших жизней.

Через девять дней после 11 сентября Буш выступил на совместном заседании палат Конгресса и в своем выступлении, наиболее эмоциональном за все время пребывания на посту, изложил принципы, которым отныне будет следовать Америка:

«Наша война с терроризмом начинается с "Аль-Кайеды", но ни в коем случае на ней не заканчивается. Она не закончится до тех пор, пока все до единой террористические группы международного масштаба не будут обнаружены, остановлены и уничтожены... Каждому государству, где бы оно ни находилось, предстоит

принять решение. Либо вы с нами, либо вы с террористами. Отныне всякое государство, приветчающее или поддерживающее террористов, будет рассматриваться Соединенными Штатами как враждебное».

Используя риторику, восходящую к Нагорной проповеди («Тот, кто не со Мной, тот против Меня»), Буш разделил мир надвое: «Либо вы с нами, либо вы с террористами».

К октябрю Буш расширил список врагов Америки, включив в него не только те страны, которые были причастны к событиям 11 сентября, но и те, которые когда-либо вообще поддерживали террористов, и предупредил во всеуслышание: «Каждому режиму, поддерживающему терроризм, придется заплатить за эту поддержку. Союзники террористов не менее их самих виновны в преступлениях и понесут одинаковое с ними наказание».

Кроме того, президент стал в рассуждениях о войне с терроризмом обращаться к «моральной риторике», называть наших противников «злодеями» и «злоумышленниками», а иностранным дипломатам на встрече в Госдепартаменте сообщил: «Идет война между добром и злом».

Для Буша террористы — не преступная банда и не заговорщики, они олицетворяют собой мировое зло. Он настаивает на том, что в их действиях нет иной цели, иной причины и иного объяснения, кроме приверженности злу. «Злодеи», по словам президента, суть те, кто «не имеет ни страны, ни идеологии, они движимы исключительно ненавистью». С точки зрения Буша, война — отнюдь не продолжение политики другими средствами, как учил Клаузевиц, но моральный императив, подминающий политику. Специалист по международной политике Эндрю Бацевич пишет:

«С самого начала президент Буш рассматривал эту войну как своего рода крестовый поход, а себя — как своего рода проводника Божественной воли».

В ноябре на базе Форт-Кэмпбелл, где размещается 101-я воздушная дивизия, президент впервые перечислил признаки режимов, которым суждено испытать на себе наш гнев:

«Америка обращается с посланием ко всему миру. Если вы укрываете террористов, вы сами террористы. Если вы обучаете или вооружаете террористов, вы сами террористы. Если вы кормите террористов или финансируете их деятельность, вы сами террористы и вам придется держать ответ перед Соединенными Штатами».

Президент причислил к вражескому лагерю все страны, причастные, по мнению Государственного департамента, к спонсированию террористов. В этот список вошли Ливия, Судан и Иран — несмотря на то, что все они поддерживали контртеррористическую операцию в Афганистане.

ОСЬ ЗЛА

В своем обращении к нации в 2002 году президент Буш пошел еще дальше, причислив Иран, Ирак и Северную Корею к «оси зла» и предъявив всем трем виртуальный ультиматум:

«Мы проявляем терпение, но оно неечно. Я не стану ждать развития событий, пока угроза не постучится в наши двери. Я не стану ждать, пока опасность не подберется к нашим берегам. Соединенные Штаты Америки не позволят наиболее злонамеренным режимам в мире угрожать нам самым чудовищным на свете оружием».

Этимися словами президент Буш ошеломил многих среди тех, кто поддерживал его действия. Какое отношение Ирак, Иран и Северная Корея имели к событиям 11 сентября? Почему он позволил себе предъявить ультиматум Ирану, Ираку и Северной Корее, когда продолжают существовать и действовать «Аль-Кайеда» и ее союзники? Когда Иран, Ирак и Северная Корея угрожали Америке «самым чудовищным на свете оружием»?

Президент Буш намеренно назвал эти три страны «осью зла», ибо на память сразу приходит рейгановское определение СССР — «империя зла», а также страны Оси — нацистская Германия, императорская Япония и фашистская Италия. Их участь станет вашей участью, предупредил президент Северную Корею, Иран и Ирак.

Отбросив совет Теодора Рузвельта «говорить тихо, но сжимать в руке большую палку», президент Буш ударился в громогласную риторику. «Мы не позволим» — открытая угроза войны для предотвращения доступа какой-либо из стран «оси зла» к атомному, биологическому или химическому оружию (ABC weapons, как их называли во времена «холодной войны»), то есть, как принято выражаться сегодня, к оружию массового уничтожения.

Угрозы Буша в адрес стран, ничем нам не грозивших, не имеют прецедентов в истории. Трумэн никогда не пытался припугнуть Сталина ядерной войной, пускай СССР и испытал в 1949 году собственную атомную бомбу. Линдону Джонсону не пришлось в голову грозить Китаю, когда тот в 1964 году провел ядерные испытания. Да, Соединенные Штаты всегда прилагали усилия к предотвращению распространения ядерного оружия, однако СССР, Великобритания, Франция, Китай, Израиль, Индия и Пакистан приобрели это оружие без сколько-нибудь серьезного противодействия со стороны США.

Тем не менее Буш вынес предупреждение Ирану, Ираку и Северной Корее. Риски какая-либо из этих стран подступиться к обладанию ядерным оружием или вступить в более широкий круг тех, кто располагает оружием биологическим и химическим (еще с Первой мировой), — им угрожает «предупредительная акция», то есть война, итогом которой станут разоружение и смена власти. Быть может, произнося свою речь, президент не знал, что в Северной Корее и Иране программы по изготовлению ядерного оружия уже реализуются.

Как бы то ни было, президент Буш не имел права угрожать суверенным странам. Конституция США не наделяет президента полномочиями на ведение предупредительных войн. Стремясь достичь черчиллевских высот, спичрайтеры Буша, что называется, перегнули палку. При этом, как показали последующие события, сам Буш искренне верил своим словам и собирался действовать именно так, как обещал.

ВЕСТ-ПОЙНТСКИЙ МАНИФЕСТ

После того как президент включил в число подозреваемых страны «оси зла», не имевшие отношения к событиям 11 сентября, коалиция, сколоченная американцами во имя борьбы с терроризмом, начала распадаться. В обращении к выпускникам военной академии Вест-Пойнт 2 июня 2002 года Буш тем не менее не остановился на достигнутом. Он сформулировал новую миссию вооруженных сил США в «пост-сентябрьском» мире:

«Устремления нашей нации всегда выходили за пределы наших границ. Мы сражаемся, как сражались все-

гда, за справедливый мир — за мир, в котором главенствует свобода человека. Мы будем защищать этот мир от угроз со стороны террористов и тиранов. Мы будем сохранять этот мир, выстраивая дружеские отношения с другими великими державами. И мы будем распространять этот мир, поощряя возникновение свободных, открытых обществ на всех континентах».

Утверждая за Америкой право «распространять мир», президент принял на себя глобальную миссию, которой не осмеливался взвалить на свои плечи ни один из его предшественников. Кстати сказать, если отбросить вильсоновскую риторику, Америка никогда не вела войн во имя столь призрачной ценности как «мир, в котором главенствует свобода человека».

Все войны, в которых участвовала Америка, велись ею ради достижения сугубо американских целей. Мы устроили революцию, чтобы сбросить британское иго; мы сражались в войне 1812 года, ибо Королевский флот отказался уважать права наших моряков, а «ястребы войны» увидели возможность отобрать Канаду у ненавистных англичан. Мы вторглись в Мексику, чтобы удержать Техас и присвоить Калифорнию. Линкольн развязал гражданскую войну ради сохранения Союза североамериканских штатов. Мы воевали с Испанией, потому что хотели изгнать испанцев из нашего полушария. Начавшаяся с освобождения Кубы, война 1898 года завершилась как война колониальная — оккупацией Филиппин и утверждением Американской империи на Тихом океане.

Мы вступили в Первую мировую войну, потому что кайзер отказался признать наш нейтралитет и начал торпедировать наши корабли, доставлявшие припасы его врагам. Мы участвовали во Второй мировой, потому что на нас напали в Перл-Харборе. Мы сражались в

Корею и во Вьетнаме, чтобы не допустить подпадания этих стран под влияние коммунистической империи, чьей целью было уничтожить нашу страну и наш образ жизни. Мы вступили в войну в Заливе, чтобы изгнать оккупантов-иракцев из Кувейта и сохранить кувейтскую и саудовскую нефть в руках дружественных нам правителей.

Выступая в Вест-Пойнте, президент Буш фактически отверг как устаревшие доктрины сдерживания и устрашения, которые принесли нам победу в «холодной войне», и вновь высказался в поддержку политики предупредительных войн:

«Сдерживание невозможно, когда оружие массового поражения попадает в руки неуравновешенных диктаторов, которые могут снарядить этим оружием ракеты или тайне передать его своим союзникам-террористам... Если мы будем ждать, пока угроза материализуется полностью, окажется, что мы ждали слишком долго.

Войну с терроризмом не выиграть оборонительной тактикой. Мы должны перенести боевые действия на вражескую территорию, разрушить планы врага и устранить угрозу до того, как она успеет материализоваться. В новых условиях единственная дорога к безопасности — это дорога действий. И наша страна будет действовать».

В отношении террористов президент, безусловно, прав. Никакие меры предосторожности не остановят террориста-самоубийцу, решившего пожертвовать своей жизнью ради того, чтобы направить авиалайнер на Всемирный торговый центр. Но в отношениях с другими государствами политика сдерживания и устрашения еще никогда нас не подводила. Мы сдержали Сталина и Мао, хотя оба они обладали колоссальными ядерными арсеналами.

Тем не менее, по мнению президента Буша, с «неуравновешенными диктаторами» наших дней, наподобие Ким Чен Ира, иранских мулл или Саддама Хусейна, политика сдерживания уже не гарантирует безопасности. Но почему? В конце концов, ни один из режимов, причисленных к «оси зла», не нападал напрямую на Соединенные Штаты.

Президент также изложил «доктрину Буша» в ее новом варианте, присвоив США право не допускать, чтобы какая-либо страна сумела достичь такого уровня развития, на котором она могла бы бросить вызов стратегическому превосходству Соединенных Штатов:

«Соперничество между великими державами неизбежно, но вооруженных конфликтов всегда можно избежать... Америка располагает неоспоримым военным перевесом, который она намерена сохранять и впредь. Этот перевес лишает смысла дестабилизирующую гонку вооружений, свойственную предыдущим эпохам, и ограничивает соперничество между странами сферами торговли и других мирных занятий».

Поразительно! Президент Буш открытым текстом сообщил Пекину, Москве и Дели: вы можете конкурировать с нами в торговле, но мы не позволим вам стать настолько сильными, чтобы вы смогли бросить вызов нашему превосходству.

Это декларативное заявление — мы не потерпим соперничества, в будущем есть место только одному гегемону, и им будет Америка — представляет собой перчатку, брошенную в лицо всем реальным и потенциальным конкурентам, и вызов малым странам, которым не остается ничего другого, как объединяться против нас. Проводит Великобритания такую политику в девятнадцатом столетии, английскому парламенту пришлось

бы принять закон, по которому Королевский флот получал бы полную свободу действий, дабы не допустить возрастания морской мощи Соединенных Штатов.

Представитель фонда Гувера Тод Линдберг назвал заявление Буша о перманентном превосходстве США «отрезвляющим, если не пугающим».

Но президент еще не закончил. Там же, в Вест-Пойнте, он продолжил:

«Все государства, причастные к терроризму и агрессии, дорого за это заплатят. Мы не оставим мир на планете на откуп кучке обезумевших террористов и тиранов. Мы избавим нашу страну и весь мир от этой угрозы».

Давайте разберемся, что именно сказал президент. Всякий акт агрессии, где бы он ни был совершен, обернется возмездием со стороны США; всякий террористический акт повлечет за собой наши действия. Поскольку мы несем ответственность за «мир во всем мире». И мы избавим человечество от угрозы терроризма и тирании.

Но разве под силу такое какому-либо государству?

Израиль, обладающий чрезвычайно боеспособной армией и непревзойденной разведкой, оказался не в состоянии избавить от угрозы терроризма хотя бы Иерусалим. Ведь к террору причастны не только «Хамас», «Хезболла», «Исламский джихад», ИРА, колумбийские боевики, баскская ЕТА, «Тигры освобождения Тамила» и чеченские повстанцы, но и многие, многие другие организации и движения в странах третьего мира.

Неужели выпускникам Вест-Пойнта предстоит сражаться с третьим миром в целом?

Благоразумие — отличительная черта консерваторов. Найдется ли хоть одна благоразумная фраза в президентской речи? Но Буш все еще не закончил.

«Моральные ценности едины для всех мест, всех времен и всех культур», — заявил он. Но когда одна страна из 190 присваивает себе право определять мораль всех народов во все времена и пытается утвердить свои ценности для всего человечества — это моральный империализм, неизбежно влекущий за собой катастрофы и трагедии.

В нашей наихристианнейшей из стран секс до брака, гомосексуальные союзы и аборт считаются морально допустимыми с точки зрения культурной элиты. Исламские же общества признают их недопустимыми. И кто, по мнению президента Буша, прав? В Организации Объединенных Наций христиане объединяются с мусульманами, чтобы противостоять американским и европейским прогрессистам. И кто, по мнению президента, занимает сторону «моральных ценностей»? Если последние и вправду едины «для всех мест, всех времен и всех культур», почему люди расходятся во мнениях относительно этичности того, что мы учинили в Гамбурге и Дрездене, Хиросиме и Нагасаки?

«Мы — участники конфликта между добром и злом, и Америка откроет миру истинных злодеев», — пообещал президент Буш кадетам. Но в нашем манихейском мире кто олицетворяет зло в Чечне, на Шри-Ланке, в Кашмире? В войне против «злодеев» на чьей стороне Пекин? В Афганистане Америку поддерживали Иран, Пакистан и Северный альянс во главе с полководцами, повинными в массовых убийствах. Во Второй мировой войне нашим союзником был Сталин, в войне в Заливе — Хафез Ассад, в «холодной войне» — иранский шах и генерал Пиночет. Америка восторжествовала, запихнув «моральную чистоплотность» на дальнюю полку и подбирая союзников без слишком пристального изучения списка их прегрешений перед человечеством. Действовали ли мы аморально?

В Рейгановской библиотеке в ноябре 1999 года кандидат в президенты Буш отрекся от хвалебной риторики администрации Клинтона, вещавшей во всеуслышание о нашей «важнейшей» нации. «Давайте проводить такую внешнюю политику, которая будет отражать американский характер, — заявил Буш. — Скромность истинной силы. Смирение истинного могущества. В этом заключается американский дух. И именно он станет духом моей администрации».

В предвыборных дебатах против Эла Гора Буш говорил:

«Один из способов превратиться в глазах окружающих в "грязных американцев" состоит в том, чтобы бродить по миру и поучать — мол, мы делаем так, и вы повторяйте за нами... Соединенным Штатам нужно быть скромнее... скромнее в своих взаимоотношениях с другими странами, которые развиваются собственным путем».

Таков был консерватор, которого нация выбрала президентом.

Но в Вест-Пойнте скромность уступила место наглости: «Двадцатый век завершился, и мы видим, что в мире сохранилась одна-единственная модель развития. Исламский мир... должен осознать необходимость свободы».

По замечанию Тода Линдберга, перед нами «основополагающий документ нового мирового порядка с Америкой во главе и насаждением свободы в качестве важнейшей цели. Вы слышали о доктрине Монро? Выступление президента перед кадетами Вест-Пойнта с изложением доктрины насильственной свободы войдет в историю как нечто не менее знаменательное».

Под «свободой» президент подразумевал американскую концепцию свободы. Право поклоняться богам,

которых мы сами выбрали, право писать все, что захотим, говорить все, что пожелаем, право жить, как нам нравится. Однако само слово «ислам» означает «подчинение» — подчинение воле Аллаха. Мусульмане запрещают христианским миссионерам проповедовать в своих землях. В некоторых исламских странах попытка обратить мусульманина в иную веру карается смертью. Миллионы людей отвергают тезис об отделении церкви (мечети) от государства. Шариат — исламские правила поведения в повседневной жизни — должен, по убеждению миллионов мусульман, стать единым сводом законов для всех исламских стран. Вспомним реакцию мусульман по всему миру на кощунственные «Сатанинские стихи» Салмана Рушди.

Если президент Буш полагает наше общество «единственной сохранившейся моделью развития» и считает, что наше представление о свободе «должно быть осознано исламским миром», мы движемся к бесконечным войнам с исламским миром, в котором вера становится все более воинственной, а люди все громче возмущаются социальным, культурным и нравственным упадком, который для них олицетворяют Америка и Запад.

«Мы будем защищать мир, который обеспечит нам прогресс», — сообщил президент кадетам.

Однако в присяге вооруженных сил США нет упоминания о защите «мира, который обеспечит нам прогресс». Присяга требует защиты конституции Соединенных Штатов. Но президент утверждает, что вооруженные силы США, численностью 1,4 миллиона человек, отныне ответственны за искоренение терроризма, уничтожение тирании, сохранение «мира во всем мире» и недопущение какого бы то ни было соперничества с нами — поскольку нам, американцам, принадлежит единственная дорога к «прогрессу человечества».

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

21 сентября 2002 года Белый дом опубликовал документ в тридцать три страницы, озаглавленный «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов»; этот документ представляет собой кодификацию идей, высказанных президентом Бушем в Вест-Пойнте. Взаимоотношения со странами-изгоями, стремящимися приобрести оружие массового уничтожения, должны, по этому документу, строиться в полном соответствии со следующим положением из выступления Буша: «Мы живем в новом мире, где единственным путем к миру и безопасности является путь действия... Мы будем действовать в одиночку, если придется, осуществляя свое право на самозащиту через предупредительные акции».

Почему против Кубы, Ливана, Сирии, Ирака, Ирана и Северной Кореи нельзя использовать ту же политику сдерживания, к которой США прибегали в отношении сталинского СССР и маоистского Китая? В документе о стратегии национальной безопасности (далее для краткости СНБ) говорится:

«Сдерживание с меньшей вероятностью окажется эффективным против лидеров стран-изгоев, готовых рисковать, играющих жизнями своих подданных и богатствами своих государств...

Наши враги рассматривают оружие массового уничтожения как "оружие отбора". Для стран-изгоев это оружие служит средством запугивания и военной агрессии против соседей. Данное оружие позволит этим странам шантажировать Соединенные Штаты... дабы помешать нам сдерживать агрессивное поведение стран-изгоев и принимать иные адекватные меры».

Но ведь политика сдерживания доказала свою эффективность! Исключение лишь одно — Корея, где Сталин и Ким Ир Сен посчитали, что мы не будем вмешиваться: во всех остальных случаях эта тактика себя оправдала. Ни одна страна-изгой никогда не нападала на Соединенные Штаты, опасаясь неизбежного и, скажем так, массированного возмездия.

Из вышеприведенной цитаты вытекает, что администрация Буша опасается следующего: если страна наподобие Ирана завладеет ядерным оружием, она воспользуется им не для нападения на нас, но для ограничения нашей свободы действий и постепенного вытеснения нас из региона (подобно тому, как в годы «холодной войны» ядерный арсенал Москвы не позволял США вмешаться в дела Восточной Европы и сменить находившиеся у власти режимы).

СНБ практически дословно воспроизводит предостережение Буша: всякое государство, стремящееся к соперничеству с нами, рискует оказаться в состоянии войны с Америкой. «Наши силы достаточно велики для того, чтобы убедить потенциальных противников в бесперспективности наращивания военной мощи в надежде превзойти военную мощь Соединенных Штатов или хотя бы сравняться с ней».

Это имперский эдикт сверхдержавы, кичащейся собственным превосходством и стремящейся стать вечным лордом-протектором вселенной. Но против кого направлена эта угроза? Единственные сверхдержавы, претендующие на соперничество с США, — это Китай и Россия. Можно предположить, что СНБ тщательно изучили и в Пекине, и в Москве.

По мнению обозревателя газеты «Christian Science Monitor» Гейл Рассел Чэддок, СНБ представляет собой черновой набросок Рах Americana, «радикальнейшее изменение концепции национальной безопаснос-

ти США за минувшие полвека». Для Тима Райха из «Washington Post» СНБ есть «водораздел в американской внешней политике», документ, который «отвергает фундаментальные принципы, на протяжении пятидесяти лет служившие путеводной звездой сменявших друг друга президентов, — принципы устрашения и сдерживания».

Историк из Йельского университета Джон Льюис Гэддис пишет в статье, опубликованной в журнале «Foreign Policy»:

«Не было ничего подобного этой дерзости, этому размаху, этой перспективе с тех самых пор, как американцы более полувека назад приняли на себя бремя демократизации Германии и Японии, тем самым запустив процесс, остаться в стороне от которого сумели лишь немногие, в том числе мусульманский Ближний Восток».

Эндрю Бацевич, специалист по международным отношениям из Бостонского университета, рассуждая о стратегии национальной безопасности, восхищается

«...синтезом утопизма, от которого захватывает дух, и едва замаскированной *machtpolitik*. Документ читается так, словно он составлен не трезвомыслящими, закосневшими в своем консерватизме республиканцами, а неким гибридом президента Вудро Вильсона и фельдмаршала фон Мольтке-старшего».

Трумэн ввел политику сдерживания в употребление 12 марта 1947 года: именно в этот день он заявил, что Соединенные Штаты придут на помощь Греции и Турции, где произошли инспирированные Москвой мятежи. Свою речь он завершил знаменитой фразой: «Я полагаю, что Соединенные Штаты должны поддер-

живать свободных людей, которые сопротивляются попыткам отобрать у них свободу со стороны вооруженного меньшинства или давления извне». Такова была доктрина Трумэна: сдерживать распространение коммунизма, оказывая помощь воюющим народам на границах коммунистической империи.

Опираясь на доктрину Трумэна, мы отправились в Корею. Эйзенхауэр использовал эту доктрину на Ближнем Востоке. Та же доктрина усилиями Джона Ф. Кеннеди и Линдона Б. Джонсона привела нас во Вьетнам. Доктрина Рейгана представляла собой стратегию «отбрасывая»; применяя эту стратегию, США помогали антикоммунистическим режимам и сражались с вассальными режимами Советов на рубежах империи — в Никарагуа, Анголе и Афганистане.

Консерваторы считают, что Рейган и его доктрина сыграли решающую роль в победе Америки в «холодной войне». Тем не менее Рейган никогда не присваивал Америке права наносить превентивные удары или вести предупредительные войны с государствами, не нападавшими на Соединенные Штаты.

Советники Буша верят в то, что право превентивных ударов и предупредительных войн коренится в исконном праве каждого государства на самооборону. Во время Карибского кризиса, утверждают они, Кеннеди был готов уничтожить советские ракетные установки на Кубе, пока те не привели в состояние боеготовности. Что ж, верно; однако советские ракеты на Кубе представляли собой прямую, непосредственную угрозу территории США. Эти ядерные ракеты могли долететь до Вашингтона всего за двадцать минут.

Антанта вторглась в Россию в 1918 году, после того как Ленин, с ведома и одобрения германского Генерального штаба, пересек в опломбированном вагоне всю Германию и прибыл на родину, сверг Керенского и за-

ключил сепаратный мир с кайзером. Поскольку немцы лишили коалицию одного из ее участников, западные государства были вправе вмешаться, дабы восстановить законное правительство.

На помощь противникам большевиков были направлены американские, английские, французские и японские войска. Но уже год спустя единственным, кто настаивал на продолжении интервенции, оставался Черчилль. Прислушайся союзники к Черчиллю и перебрось они в Россию ветеранов с Западного фронта, коммунизм, возможно, удалось бы задушить в колыбели и мир не ужасался бы миллионам жертв Сталина, Мао, Ким Ир Сена, Кастро, Хо Ши Мина и Пол Пота.

История как будто оправдывает превентивные удары и предупредительные войны. Однако подобного рода политика чужда американским традициям. Полк дождался, когда мексиканская армия прольет «американскую кровь на американской земле», прежде чем попросил Конгресс объявить войну. Линкольн дождался нападения на форт Самтер, прежде чем призвать добровольцев к маршу на Юг. В 1917 году мы не вступали в войну с Германией до тех пор, пока ее подводные лодки не начали топить наши корабли. Японии мы не объявляли войну до Перл-Харбора. В Корею и во Вьетнаме мы вмешивались только тогда, когда само существование этих государств оказывалось под угрозой.

К превентивным ударом часто прибегали государства-агрессоры — например, Япония в 1904 году в Порт-Артуре и в 1941 году в Перл-Харборе или гитлеровская Германия в 1939 году в Польше. Либо подобная тактика становилась уделом государств, которые не могли позволить себе проиграть войну, — например, Израиль в Шестидневной войне 1967 года. Но

американцы никогда превентивными ударами не пользовались.

Специалист по международной политике Уолтер Рассел Мид сказал о стратегии национальной безопасности Джорджа У. Буша, что она «в нашем мире после “холодной войны”, вероятнее всего, сохранится в качестве основополагающего элемента американского мышления». Все возможно; но, на мой взгляд, Рах Америгана, вытекающий из этой стратегии, окажется той самой эпохой, которую историк Гарри Элмер Барнс называл «эпохой перманентной войны за перманентный мир».

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Летом 2002 года мы вместе с Таки Теодорой Кополус и Скоттом Макконнелом основали «Американский консерватор» — журнал, со страниц которого намеревались отговаривать власть предержавших от вторжения в Ирак (а барабаны войны уже в ту пору звучали громче и громче). В первой колонке первого номера — журнал выходит раз в две недели — я задался вопросом: «Что произойдет *после* того как отгремят фанфары по поводу смерти зловещего Саддама?» И сам ответил на свой вопрос так:

«С установлением в Багдаде “макартуровского регентства” Рах Америгана достигнет зенита своего могущества. Но эйфория спадет, и исламские народы примутся сражаться с имперскими силами, начнут партизанскую войну, прибегнут к террору. Они уже изгнали британцев из Палестины и Адена, французов — из Алжира, русских — из Афганистана, американцев — из Сомали и Бейрута, израильтян — из Ливана...

Мы продолжаем мостить дорогу к империи, но за следующим холмом нас ждут те, кто прошел этой дорогой прежде. Единственное, чему нас учит история, — тому, что мы у нее не учимся».

Но к тому времени президент успел принять решение. Причислив Ирак к странам «оси зла», обладающим оружием массового уничтожения, изложив свою доктрину предупредительных войн, в марте 2003 года президент Буш отдал приказ о вторжении. Операция заняла три недели. Однако за восемнадцать последующих месяцев Соединенным Штатам так и не удалось найти доказательств того, что Ирак собирался напасть на нас или на своих соседей, как и доказательств того, что Саддам каким-либо образом причастен к терактам 11 сентября, а также не удалось найти ни самого оружия массового уничтожения, ни признаков его разработки.

В итоге вскоре после падения Багдада причина, по которой мы начали войну, изменилась в выступлениях Буша столь же радикально, как в выступлениях Линкольна — причина, по которой развязал войну Союз североамериканских штатов. Выступая в ноябре 2003 года на собрании Национального демократического фонда, и позже, во дворце Уайтхолл в Великобритании, Буш заявил, что освобождение Ирака являлось частью «стратегии мирового демократического движения».

«Свободный Ирак в самом сердце Ближнего Востока! Появление такого государства знаменует собой поворотный пункт глобальной демократической революции, — сообщил Буш в Уайтхолле. — Наша приверженность распространению демократии в мировом масштабе... как альтернатива нестабильности, ненависти и террору... есть третья опора безопасности».

Выступление в Уайтхолле было чисто вильсоновским по духу. Мы поможем Ираку стать оплотом демократии «в самом сердце Ближнего Востока», потому что, по словам президента, поступая таким образом, «мы защищаем собственный народ». Вильсон во всей красе: только обеспечив «демократию в мире», мы гарантируем безопасность Америки. И это говорит президент-республиканец, называющий себя консерватором!

Но установление демократии — удел не одного Ирака. Та же участь ожидает Саудовскую Аравию, Египет и Пакистан, которые не спешат присоединиться к «глобальной демократической революции».

«Шестьдесят лет Запад старался смириться с отсутствием свободы на Ближнем Востоке, но эти годы не принесли нам безопасности — потому, что Ближний Восток, несмотря на все наши уступки, не желал идти нам навстречу... Поэтому Соединенные Штаты прибегли к новой политике, политике целенаправленного освобождения Ближнего Востока. Эта стратегия требует от нас все того же упорства, все той же энергии, все того же идеализма. И она несомненно принесет плоды».

Принесет плоды? Известно ли президенту Бушу, что Джимми Картер давил на иранского шаха, требуя демократических реформ, и все закончилось свержением шаха и переходом Ирана под власть аятолл? Неужели президент искренне верит, что, дестабилизируя обстановку в автократиях наподобие Египта, Саудовской Аравии и Пакистана, мы можем обеспечить безопасность своей страны? Кто придет на смену Мубарaku в Каире, кого вознесет на вершину, если падет саудовская монархия, кто окажется преемником Мушаррафа? Предыдущие народные восстания в арабском

мире подарили миру таких личностей, как Насер, Каддафи, Ассад и Саддам с его партией «Баат».

Если крестовый поход за демократию поспособствует установлению западной избирательной модели в Пакистане, как нам быть, когда пакистанский народ — предположим — проголосует за «Талибан»? Оккупация Ирака обернулась полномасштабной партизанской войной, сексуальные надругательства над заключенными в тюрьме Абу-Граиб восстановили против нас весь арабский мир — и как нам быть, если новое правительство, пришедшее к власти в результате свободных выборов, предложит нам выметаться из Ирака и объявит возвращение Кувейта под сень Багдада целью столь же священной, как возвращение Тайваня — для Китая?

Советники президента Буша могут сколько угодно называть свою стратегию глобальной демократической революции «рейгановской», но сам Рональд Рейган никогда к подобному не призывал. Несмотря на многочисленные требования «призвать автократов к порядку», Рейган прекрасно ладил с саудовскими шейхами, корейскими генералами и африканскими лидерами, и все они были на нашей стороне в «холодной войне». Свою миссию он представлял просто: защитить любимую страну от потенциальных угроз и принять помощь тех, кто протянул руку.

Рейган называл СССР «империей зла» и заявлял, что коммунизм — прямая дорога на свалку истории, но, как и подобало крепкому профсоюзному лидеру, каким он когда-то был, обозначив свою позицию, он с готовностью садился за стол переговоров. Он был упорен, но не агрессивен. Говоря вполголоса, он вырезал «американскую дубинку», ибо твердо знал, что история и Божественное провидение — на стороне Америки, а потому не совершал преждевременных телодвижений и не принимал скоропалительных решений.

Когда в 1981 году генерал Ярузельский в Польше расправился с «Солидарностью», Рейган отказался от международной изоляции Польши. Когда в 1983 году советский истребитель сбил корейский авиалайнер, Рейган, зная, что Москва не отдавала приказа, промолчал, ибо преступление само по себе как нельзя лучше свидетельствовало о характере режима, который его покрывал.

Когда СССР разместил ракетные комплексы СС-20 в Восточной Европе, Рейган в ответ распорядился переправить в Европу Западную «першинги» и крылатые ракеты. Но когда Горбачев согласился убрать СС-20, Рейган немедленно отозвал «першинги». Он гордился тем, что подписал первый за всю «холодную войну» договор о сокращении стратегических наступательных вооружений. Инициатива СОИ была ему дорога именно потому, что он ненавидел ядерное оружие. Он был против войны, потому что выступал за мир.

Всего трижды за свой президентский срок Рональд Рейган приказывал применить силу. Когда агенты Каддафи взорвали берлинскую дискотеку, убив одного американского солдата и ранив двадцать, ответ Америки «по Рейгану» оказался столь же взвешенным, как ответ Джефферсона магрибским пиратам. В Гренаде Рейган смахнул с шахматной доски советскую пешку только после того, как стала очевидной угроза безопасности американских студентов-медиков. Когда в Бейруте была взорвана казарма американских морских пехотинцев, Рейган отреагировал надлежащим образом — а затем отозвал пехотинцев. Он отверг все требования примерно наказать ливанцев, отомстить за смерть 241 человека и оккупировать Бейрут. Президент Рейган не считал, что Ливан входит в сферу жизненных интересов США, он осознал, что вынудил американскую морскую пехоту вмешаться в гражданскую вой-

ну, не имевшую отношения к Америке. Рональд Рейган имел достаточно мужества, чтобы признать ошибку и по возможности ее исправить.

Согласился бы Рейган на политику превентивных ударов, дабы избавить Америку от появления потенциальных соперников? Отказался бы он от политики сдерживания времен «холодной войны» как от устаревшей? Призывал бы он к глобальной демократической революции и свержению правящих режимов в странах, не угрожавших США и на нас не нападавших? Конечно, наверняка сказать сложно, но мне кажется, что ответ на все три вопроса — отрицательный.

Что же касается событий 11 сентября, можно только предполагать, как бы отреагировал на них Рейган. Впрочем, трудно поверить в то, что он вторгся бы в Ирак, не имея в своем распоряжении стопроцентных доказательств причастности Саддама к терактам и не будучи уверен в том, что лишь вторжение избавит нас от нападения Ирака на Америку. Несмотря на репутацию ковбоя, Рейган-президент всегда отличался такими качествами, как благоразумие, терпение и осмотрительность.

«Шестьдесят лет Запад старался смириться с отсутствием свободы на Ближнем Востоке, но эти годы не принесли нам безопасности — потому, что Ближний Восток, несмотря на все наши уступки, не желал идти нам навстречу...»

Этими словами президент Буш признал нашу политику на Ближнем Востоке со времен Франклина Д. Рузвельта неэффективной — ведь она не принесла нам безопасности, а наши союзники так и не стали демократическими государствами. Но это утверждение не соответствует истине. В годы «холодной войны» США на Ближнем Востоке пользовались поддержкой иран-

ского шаха, президентов Садата и Мубарака в Египте, саудовских шейхов, королей Марокко и Иордании. Быть может, президент Буш полагает, что политика США в отношении этих монархов и автократов «не принесла нам безопасности» — несмотря на то, что мы выиграли «холодную войну»?

Неужели политика всех одиннадцати предшественников мистера Буша на президентском посту, начиная с Франклина Д. Рузвельта, политика, не позволившая Советам завладеть мировыми запасами нефти, была столь уж неэффективной?

Как может президент Буш утверждать, что мы не будем в безопасности, пока в исламском мире не произойдут демократические перемены? Исламский мир *никогда* не был демократическим! Но до тех пор, пока мы не вторглись на Ближний Восток, нам оттуда угрожали только магрибские пираты.

Выступая в Уайтхолле, президент рассуждал о свободе как об осознанном выборе и о том, что люди, избравшие свободу, готовы ее защищать. Там почему бы не позволить исламским странам сделать этот осознанный выбор самостоятельно и самостоятельно его защищать?

«Вероятно, прежде всего нам следует изменить собственное отношение, — продолжал президент. — С нашей стороны будет проявлением культурного высокомерия считать, что Ближний Восток нельзя сделать демократическим».

Однако если двадцать две из двадцати двух арабских стран демократическими не являются, отсюда логически вытекает, что ближневосточная почва непригодна для той разновидности демократии, которая процветает в Новой Англии. Участникам собрания Национального демократического фонда такой вывод может

показаться оппортунистическим, но его подсказывает здравый смысл. Почти два года войны в Ираке доказали, что «менять собственное отношение» следует прежде всего демократическим империалистам.

Вмешиваясь во внутренние дела суверенных государств, мы обеспечиваем безопасность своей страны, — способна или история человечества подкрепить чем-либо этот тезис? Как американцы девятнадцатого столетия отреагировали бы на то, что англичане оккупировали бы Вашингтон и оставались бы на американской территории до тех пор, пока президент Эндрю Джексон не отменил бы рабство и не перестал бы дурно обращаться с индейцами?

Все социологические опросы населения арабских стран и мусульман в других регионах планеты показывают растущее недовольство гегемонией США и нашей поддержкой Израиля. Интервенции не способны упрочить положение США на Ближнем Востоке, поскольку эти интервенции сами представляют серьезную проблему. Отпечатки американских башмаков на священной аравийской земле привели к событиям 11 сентября. Террористы пришли к нам, потому что мы пришли к ним. Терроризм — плата за имперские амбиции. Если не хочешь платить — откажись от империи.

«Свобода обещана человеку небесами и является наилучшей надеждой на прогресс и светлое будущее», — говорит мистер Буш. Христиане привыкли верить тому, что небесами человеку обещано спасение, а надежда, истина и жизнь — это Иисус Христос. Неоконсерваторы провозгласили своим божеством демократию. Но почему Джордж У. Буш отступил от истинной веры и обратился к этому новоявленному золотому тельцу?

В последний раз американцы слышали риторику наподобие той, что звучала во дворце Уайтхолл и на

собрании Национального демократического фонда, в ту пору, когда нас в последний раз втянули в партизанскую войну. Линдон Джонсон заявлял, что наша цель намного благороднее, чем просто спасение Южного Вьетнама. По его словам, мы собирались «строить Великое общество на Меконге».

Очевидно, президента Буша обратили в новую веру — веру в то, что лишь демократизацией всего мира мы можем обеспечить безопасность Америки. Но наши предки в это не верили, более того, они не верили и в абсолютную ценность демократии. Они создавали республику, которая обеспечивала свою безопасность, воздерживаясь от участия в войнах на покинутом залитом кровью континенте.

Каковы же положения доктрины Буша, сформулированные в президентских выступлениях после событий 11 сентября 2001 года?

— Война с терроризмом есть война между добром и злом, и она не завершится до тех пор, пока мы не уничтожим все террористические ячейки мирового масштаба. Все страны мира должны сделать выбор — или вы с нами, или вы с террористами. Всякая страна, привлекающая или финансирующая группу, которую мы считаем террористической, является террористической страной, то есть нашей потенциальной целью.

— Никакому государству-изгою, в особенности Ирану, Ираку и Северной Корее, не позволено иметь оружие массового уничтожения. Соединенные Штаты оставляют за собой право наносить превентивные удары и начинать предупредительные войны против любой из этих стран, если у нее появится такое оружие.

— С Афганистана и Ирака мы начали мировую демократическую революцию, которая будет продолжаться до тех пор, пока все деспотические режимы Ближне-

го Востока не окажутся свергнутыми и не сменятся демократическими. Более того, эта революция не закончится, пока мир в целом не станет демократическим. Мы предпринимаем этот поход потому, что мы — это добро, а наши враги — зло, мы — «единственная сохранившаяся модель развития», и только в демократическом мире Америка сможет ощутить себя в безопасности.

— Никакому государству не будет позволено достичь такого уровня в своем развитии, чтобы бросить вызов США — в региональном или мировом масштабе.

Что можно сказать? Утопия чистой воды. И демократический империализм. Эта доктрина обескровит и ослабит республику и оставит ее в одиночестве. Эта доктрина отрицает всю мудрость отцов-основателей, заповедавших нам миссию Америки в мире. Эта доктрина представляет собой американскую версию «доктрины Брежнева», согласно которой Москва присвоила себе право вмешиваться там и тогда, где и когда возникала угроза коммунистическому строю. Отличие единственное: мы ратуем за демократию. Таково президентское отношение к «демократическому искусу», о котором ваш покорный слуга предостерегал еще первого президента Буша — пятнадцать лет назад в статье в «National Interest»:

«Предоставим другим решать самим, как им жить. Называть формы правления в других странах мира сферой жизненных интересов США — значит забывать историю и не прислушиваться к здравому смыслу. А для республики диктовать 160 государствам, как им жить и какую форму правления избрать, означает постоянно, бесконечно ввязываться в бесчисленные конфликты. Это — хрестоматийный пример “мессианского глобализма”, о котором предупреждал Дин Ачесон; если воспользоваться

выражением ученого Клайда Уилсона, это глобализация той деградировавшей формы протестантизма, которая известна как "Социальное Евангелие".

Уолтер Липпман в 1943 году писал: "Всегда и прежде всего мы должны преследовать национальные американские интересы. Если этого не происходит, значит, мы строим внешнюю политику на некой абстрактной теории прав и обязанностей, иначе говоря, возводим замки на песке. Мы должны проводить такую политику, за которую нашему народу не придется платить потом, кровью и слезами"».

Если благоразумие — отличительная черта консерваторов, то Джордж У. Буш к консерваторам более не принадлежит. Попытки превратить борьбу за демократию в «нравственный крестовый поход по всему миру, по мнению исследователя Класа Рина, выдают «нового якобинца», действия и мессианское рвение которого заставляют вспомнить о недоброй памяти вожакх Великой французской революции.

Однако эти идеи Джордж У. Буш почерпнул отнюдь не в Кроуфорде, штат Техас. Прежде чем принести присягу на конституции, он, можно предположить, редко слышал подобные «демократические» рассуждения. Кто же внушил ему подобные мысли? Кто вложил эти слова в его уста? Кто завлек нас на орошенные кровью наших солдат равнины Месопотамии?

ГЛАВА 2

ПАРТИЯ ВОЙНЫ: ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ИЗВРАТИЛИ АМЕРИКАНСКУЮ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

С окончанием «холодной войны» нам настоятельно требуется очевидный идеологический противник, достойный по амбициям, который сможет объединить нас в противостоянии ему.

Ирвинг Кристол (1996)

Не знаю, откуда взялись эти неоконны... Им как-то удалось подчинить себе президента. И вице-президента тоже.

*Генерал Энтони Зинни, бывший
командующий корпусом морской
пехоты, начальник Объединенного
Центрального командования
(1998–2000)*

Кто они такие, неоконсерваторы?

Первое их поколение составляли экстремисты, социалисты, прочие левые и либералы, поддерживавшие Франклина Рузвельта, Трумэна, Джона Кеннеди и Линдона Джонсона. Когда в 1972 году Макговерн подчинил себе Демократическую партию — под лозунгами сокращения военных расходов и возвращения американских солдат из-за рубежа, — эти либералы «холодной войны» вдруг осознали, что их игнорирует собственная партия.

Оказавшись в свободном плавании, они в конце концов прибились к республиканцам и были, что называется, приняты на борт, когда многолетние усилия консерваторов завершились триумфом Рейгана. Иными словами, неоконсерваторы были участниками «революции Макговерна», которая представляла собой политический итог социальных и культурных революций 1960-х годов.

Кевин Филипс писал в ту пору, что неоконсерватор будет скорее редактором журнала, чем рабочим на стройке. Сегодня типичный неоконсерватор — исследователь на зарплате в какой-либо общественной организации наподобие АИП* или его клонов вроде Центра изучения политики безопасности или Проекта «Новый американский век». Почти никто из них не связан с кампанией Голдуотера, этим катализатором современного консерватизма, почти никто не вышел из деловых или военных кругов. Как заметил один остряк, неоконсерваторам куда лучше известно устройство фабрик мысли (think tanks), чем танка «Абрамс». Их герои — герои левого крыла: Вильсон, Франклин Рузвельт, Трумэн, Мартин Лютер Кинг, а также сенаторы Генри «Черпак» Джексон и Дэниел Патрик Мойниган.

Среди подпавших под влияние неоконсерваторов такие личности, как Джин Киркпатрик, Билл Беннет, Майкл Новак и отец Ричард Джон Нойхаус. Нередко к сочувствующим им относят исследователей Чарлза Мюррея и Джеймса К. Уилсона.

По численности движение неоконсерваторов невелико и не является общенациональным — как говорили в 1970-е, «сплошные вожди и никаких индейцев». Большинство неоконсерваторов евреи, однако в Аме-

* Американский институт предпринимательства в области исследований социальной политики.

рике среди писателей и других интеллектуалов-евреев львиную долю составляют либералы, нередко весьма нелицеприятно отзывающиеся о неоконсерватизме. Даже среди правых далеко не все писатели-евреи принадлежат к неоконсерваторам, хотя Израиль в этом кругу имеет активную поддержку (что не более удивительно, чем неприятие абортот католиками, мормонами и прихожанами евангелической церкви).

«Это движение основано на внешней политике», — замечает миссис Бут. Точнее, это движение первоначально подпитывалось страхом перед СССР, который считался смертельным врагом Америки и Израиля. Перед началом Шестидневной войны 1967 года Сирия и Египет получили советское оружие, и то же произошло и перед войной Йом Киппур в 1973 году.

В своей статье «Какой-такой неокон?» в газете «Wall Street Journal» миссис Бут называет поддержку Израиля «ключевым элементом неоконсерватизма». Других «ключевых элементов» она, впрочем, не перечисляет, но упоминает о том, что журнал американского Еврейского конгресса «Commentary» является «библией неоконсерваторов».

После поражения США во Вьетнаме советская империя предприняла ряд шагов, военных и стратегических, дабы нарастить свои ракетные арсеналы до уровня, сопоставимого с нашим, и включить в сферу своего влияния Южный Вьетнам, Камбоджу, Эфиопию, Мозамбик, Анголу, Гренаду, Никарагуа и Афганистан; в последнем, впервые с 1945 года, Красная армия вела боевые действия за границами Советского блока.

К 1976 году «разрядка» в консервативных кругах стала ругательным словом, а неоконсерваторы начали объединяться с правыми в организации наподобие Комитета по существующей угрозе. Мы рассматривали

друг друга как союзников в общем деле — «холодной войне». Консерваторы — антикоммунисты по рождению; неоконсерваторы же пылали рвением новообращенных. Нас объединял враг в лице коммунизма и Советской империи. Но к середине 1980-х годов наиболее прозорливые из консерваторов уже догадывались, что «чужаки» среди нас не разделяют наших традиций, убеждений и идей. В 1986 году Клайд Уилсон писал:

«Излишества радикализма заставили многочисленные поголовья либералов перейти границу и осесть на нашей территории. Эти перебежчики сегодня вещают от нашего имени, однако говорят они тем же языком, каким пользовались всегда. Мы привыкли к нему, научились терпеть этот язык, но терпим он только в сравнении с грубой речью иноземных варваров. В нем нет слов для обозначения того, что мы действительно ценим. Наши наследие захвачено коварным узурпатором».

Согласно Ирвингу Кристолю, «крестному отцу» движения,

«...исторической задачей и политической целью неоконсерватизма должно стать... обращение Республиканской партии и американских консерваторов в целом, даже против их воли, и выработка консервативной политики нового типа, подходящей для управления современной демократией».

Среди традиционных ценностей консерваторам прежде всего надлежало отказаться от идей, изложенных в «Прощальном послании» Вашингтона: что американцам не следует участвовать в войнах за рубежами страны, что они должны избегать «постоянных союзов» и «страстных привязанностей» с другими наци-

ями. Неоконсерватизм предлагал Америке интервенции, войну за демократию и не ослабевающую с годами поддержку Израиля. В статье «Неоконсервативные методы убеждения» (2003) Кристол, бывший в 1930-е годы активным троцкистом, провел параллель между нынешними Соединенными Штатами и Советским Союзом:

«Крупные государства, чья идентичность определяется идеологически, как СССР прошлых лет или Соединенные Штаты сегодня, имеют не только насущные материальные заботы, но и идеологические интересы. Без учета чрезвычайных ситуаций, США всегда чувствовали и будут чувствовать себя обязанными защищать демократическое государство от антидемократических угроз, внутренних и внешних. Вот почему в наших собственных интересах было прийти на помощь Великобритании и Франции во Второй мировой войне. Вот почему мы считаем необходимым сегодня защищать Израиль, самому факту существования которого угрожают. И не нужно сложных геополитических расчетов, чтобы осознать эту обязанность».

Это утверждение противоречит истории, и Кристол наверняка о том осведомлен. Когда союзники 3 сентября 1939 года объявили войну Гитлеру, Франклин Рузвельт отнюдь не поспешил «прийти на помощь Великобритании и Франции». В тот день он ограничился «беседой у камелька», в которой прозвучали уверения в недопущении «подрыва мира» в Соединенных Штатах. Когда в мае-июне 1940 года Франция отчаянно просила самолеты, пытаясь отсрочить свое падение, Рузвельт ограничился телеграммой со словами поддержки. Лишь спустя восемнадцать месяцев после оккупации Франции мы объявили войну Гитлеру — в ответ на

объявление Германией войны нам. Америка воевала не потому, что стремилась защитить демократию. Мы вступили в войну, чтобы покарать японскую империю, подло напавшую на нас в Перл-Харборе.

Короче говоря, Кристол повторяет либеральные мифы.

В «холодной войне» мы привечали как союзников Чан Кайши и президента Дьема, Салазара и Франко, Сомосу и иранского шаха, Сухарто, Сигмана Ри и Пака Чжон Хи, корейских генералов, греческих «черных полковников», милитаристов в Бразилии, Аргентине и Турции, президента Маркоса и генерала Пиночета. Эти автократы казались нам более надежными, чем демократические лидеры наподобие Неру, Улофа Пальме, Вилли Брандта и Пьера Трюдо. Когда доходит до непосредственной угрозы США, «холодной» или «горячей», идеология отправляется в мусорную корзину и мы, американцы, повторяем за Ницше: «Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ».

Индия — страна демократическая и по размерам в двести раз больше Израиля. Однако в противостоянии Индии с Пакистаном мы принимали сторону последнего. Почему? Потому что пакистанцы — наши союзники, а Индия сотрудничала с Москвой. И то обстоятельство, что Индия — демократия, а Пакистан — автократия, уже не имело значения.

Неужели Кристол действительно верит, что мы предоставили Израилю 100 миллиардов долларов помощи и поддерживаем его практически во всех конфликтах только потому, что Израиль — демократическая страна?

Неоконсервативное «обращение Республиканской партии и американских консерваторов в целом» осуществлялось через средства массовой информации,

которые неоконсерваторы сегодня контролируют, — «Weekly Standard», «Commentary», «The New Republic», «National Review», а также через редакторские колонки «Wall Street Journal», газеты, которую на протяжении трех последних десятилетий возглавлял ныне покойный Роберт Бартли. Немногочисленные неоконсерваторы пользуются непропорционально большим влиянием в обществе благодаря организациям, которые они себе подчинили, средствам массовой информации и тесным, можно сказать, дружеским связям с властью предержащими. Но как им удалось «охмурить» президента?

«ВУЛКАНЫ»

До 2000 года Джордж У. Буш казался «чистой табличкой» и демонстрировал полную неосведомленность во внешней политике. Его отец был конгрессменом, представителем США при ООН, послом в Китае, директором ЦРУ, а при Рейгане восемь лет исполнял обязанности вице-президента. Однако сын выказывал полное равнодушие к внешнеполитическим вопросам. В ходе предвыборной кампании 2000 года он перепутал Словению со Словакией, назвал жителей Греции «грецианцами» и провалил блиц-опрос, когда интервьюер попросил его назвать по именам лидеров четырех крупнейших держав.

Тем не менее Буш представлялся стороннему наблюдателю «инстинктивным консерватором». Он призывал к более «смирненному» подходу к событиям в мире, что резко контрастировало с постоянной похвалой Мадлен Олбрайт по поводу нашей «незаменимости» в мире. Он скептически воспринимал рассуждения о ведущей роли США в мировой политике.

Он обещал «пристально изучить существующие договоренности, переоценить американскую тактику и установить, возможно ли достичь поставленных целей».

Но в его окружение уже успели проникнуть заговорщики, сами себя именующие «вулканами». Среди них, приглашенных Кондолизой Райс, наиболее известны Пол Волфовиц и Ричард Перл. Рассказ Перла о первой встрече с будущим президентом весьма напоминает восторги Фейджина при первом знакомстве с Оливером Твистом:

«Едва взглянув на сорокалетнего Буша, я понял, что он — другой. Мне сразу стали понятны две вещи. Первое — он мало что знает. Второе — ему хватает уверенности в себе, чтобы задавать вопросы, открывающие неполноту его знаний. Большинство людей не торопятся признаваться в своей неосведомленности, в том, что прежде они не слышали того или иного слова. Но Буш к таким не принадлежит».

Так началось обучение Джорджа У. Буша кристоловской «консервативной политике нового типа, подходящей для управления современной демократией» — всего за несколько месяцев до того, как он принес присягу и стал президентом Соединенных Штатов.

КТО ТАКОЙ ВОЛФОВИЦ?

В 1992 году, когда Волфовиц был заместителем министра обороны, из его епархии произошла весьма примечательная утечка информации. Волфовиц и его помощник Льюис «Скутер» Либби подготовили для министра Ричарда Чейни документ под названием «Основы национальной военной стратегии». Журна-

лист Бартон Геллман из газеты «Washington Post» назвал этот документ «секретным меморандумом, призванным определить политику нации на грядущее столетие».

В документе обосновывалась необходимость присутствия вооруженных сил США на всех шести континентах, дабы удерживать «потенциальных соперников от стремления приобрести более значимую роль в региональном или мировом масштабе». Стратегия сдерживания признавалась устаревшей, ее предлагалось заменить стратегией «установления и укрепления нового мирового порядка».

Меморандум Волфовица предусматривал «военные гарантии» США Восточной Европе и, по словам Геллмана, «признавал Россию серьезнейшей потенциальной угрозой Соединенным Штатам и допускал возможность контратаки со стороны США и НАТО в случае вторжения русских в Литву».

По Волфовицу, эта прибалтийская республика входила в сферу жизненно важных интересов США и стоила того, чтобы ради нее вступить в войну с обладающей ядерным оружием Россией. Но как Америка могла спасти Литву? План Волфовица, в изложении Геллмана, основывался

«...на боевых действиях на суше, на море и в воздухе, с использованием 24 мотопехотных дивизий НАТО, 70 эскадрилий истребителей и шести авианосцев с группами сопровождения, которым вменялось в обязанность "запереть русский флот в восточной акватории Балтийского моря"; предусматривалась бомбежка линий снабжения российской армии и применение бронетанковых войск для изгнания русских из Литвы. Авторы меморандума утверждают, что Россия вряд ли прибег-

нет к ядерному оружию, но доказательств в пользу такого вывода не приводят».

Примечательно и поразительно в этом сценарии то, что президент Буш-старший фактически одобрил годом ранее действия Горбачева, который ввел в Вильнюс спецназ. За три недели до того, как произошла утечка информации и меморандум Волфовица был опубликован, Буш и Ельцин сделали совместное заявление: «Россия и Соединенные Штаты более не рассматривают друг друга как потенциальных противников».

Согласно доктрине Волфовица, США должны поддерживать свое военное превосходство, чтобы не допустить появления у какой-либо другой страны желания «приобрести более значимую роль в региональном или мировом масштабе». Волфовиц постулировал, что США не позволят никому — будь то Россия, Германия, Япония, Китай или Индия — подняться до статуса региональной сверхдержавы. Вдобавок Пентагон предполагал готовиться к войнам, цели которых выходили далеко за рамки защиты интересов США.

«Соединенные Штаты не могут стать мировым полицейским и принять на себя ответственность за искоренение всякого зла в мире, но мы оставляем за собой право нанесения превентивных точечных ударов по тем, кто угрожает не только нашим интересам, но и интересам наших друзей и союзников, и кто может серьезно дестабилизировать обстановку в мире».

Реакция на публикацию документа была ожидаемой. Сенатор Джо Биден назвал меморандум «верной дорогой к Рах Америкапа». Сенатор Эдвард Кеннеди заявил, что планы Пентагона «направлены, как пред-

ставляется, на увеличение финансирования военного ведомства до уровня “холодной войны”. Белый дом и президент Буш-старший фактически отrekliсь от меморандума, и о документе забыли. Но в сентябре 2002 года, когда Чейни, Волфовиц и Либби вернулись к власти, меморандум извлекли из-под спуда: на сей раз он появился в виде официального документа, выпущенного президентской администрацией под названием «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки».

КТО ТАКОЙ РИЧАРД ПЕРЛ?

Будучи помощником сенатора Джексона, Перл играл значительную роль в американской внешней политике со времен президента Никсона. На протяжении всей своей карьеры он был тесно связан с израильтянами. В 1970 году было установлено, что он по правительственной телефонной линии сообщал секретную информацию с заседаний Совета национальной безопасности в израильское посольство.

В 1996 году Перл в соавторстве с Дугласом Фейтом и Дэвидом Вурмсером подготовил для Биньямина Нетаньяху стратегический план «Бескровный прорыв: Новая стратегия безопасности Святой земли». В этом плане новому премьер-министру Израиля советовали растоптать соглашение о перемирии, подписанное в Осло его предшественником, павшим от руки убийцы Ицхаком Рабином, и прибегнуть к агрессивной тактике, основанной на «принципе превентивности».

«Израиль в сотрудничестве с Турцией и Иорданией может обеспечить себе благоприятное стратегическое

окружение, ослабляя, сдерживая и даже устрашая Сирию. Усилия следует сосредоточить на отстранении от власти в Ираке Саддама Хусейна — эта цель должна стать одним из приоритетов израильской политики».

Согласно выкладкам Перла сотоварищи, главным противником Израиля признавалась Сирия, но дорога к Дамаску вела через Багдад. В работе 1997 года «Стратегия для Израиля» Фейт пошел еще дальше и предложил Нетаньяху вновь оккупировать «территории под контролем Палестины» — несмотря на «возможное кровопролитие». Смелее же всех оказался Вурмсер, постоянный сотрудник АИП. Он заявил, что США и Израилю необходимо объединить силы и нанести ряд предупредительных ударов на территории от Северной Африки до Ирана:

«Израилю и Соединенным Штатам следует расширить границы конфликта, чтобы нанести роковой удар, не просто обезоружить, но уничтожить центры радикализма в регионе — режимы Дамаска, Багдада, Триполи, Тегерана и Газы. Это приведет к осознанию того факта, что воевать с США или Израилем равносильно самоубийству».

Вурмсер советовал искать возможности для превентивных ударов: «Подходящей возможностью будет кризис». Дэвид Вурмсер опубликован свой план совместных боевых действий Израиля и США 1 января 2001 года — *за девять месяцев до событий 11 сентября!*

Когда Джордж У. Буш 20 января 2001 года вступил в должность президента, Перл был назначен председателем Совета по оборонной политике, Волфовиц стал заместителем министра обороны, Фейт — первым за-

местителем, Вурмсер же мигрировал из специальных помощников первого заместителя госсекретаря Джона Болтона в «лавочку» Фейта в Пентагоне на пост специального помощника Либби, ставшего главой администрации вице-президента Чейни. Либби и Болтон, разумеется, поддерживали Волфовица и Перла. По данным израильской газеты «Ha'aretz», в феврале 2003 года Болтон «на встрече с представителям израильского правительства заявил, что у него нет сомнений в скором нападении Америки на Ирак и что необходимо впоследствии разобратся с угрозой со стороны Сирии, Ирана и Северной Кореи».

Волфовиц, Перл, Фейт, Вурмсер, Болтон — все они принадлежат к клике специалистов по международной политике, академических ученых и исследователей, считающих, что интересы США и Израиля связаны неразрывно. Арно де Боркгрейв назвал их «вашингтонскими ликудниками» и заявил, что они «несут ответственность за политику США на Ближнем Востоке с того момента, когда Буш занял свое кресло» и что они пытаются выстроить американскую внешнюю политику «в духе доктрины Шарона–Буша». На самом деле «вашингтонские ликудники» планировали войну против Ирака и готовили к ней президента задолго до событий 11 сентября.

Двадцать шестого января 1998 года президент Клинтон получил письмо, в котором ему предлагалось в традиционном послании Конгрессу о положении в стране признать «насущной целью американской внешней политики» свержение Саддама Хусейна и отдать приказ «о боевых действиях, если дипломатия не поможет». Согласись президент с этим предложением, уверяли подписанты письма, они «приложат все усилия и окажут всемерную поддержку человеку, при-

нявшему столь тяжкое, но необходимое решение». А еще они предостерегали, что «от того, как мыотреагируем на эту угрозу, будет зависеть безопасность в мире в первой половине XXI столетия».

Письмо подписали Эллиот Абрамс, Билл Беннет, Джон Болтон, Пол Волфовиц, Роберт Каган, Уильям Кристол, Ричард Перл — и Дональд Рамсфелд. За четыре года до событий 11 сентября они публично призывали Америку к вторжению в Ирак; теракты 11 сентября стали лишь удобным предлогом для войны, которую они планировали целое десятилетие.

В апреле 2001 года на встрече в Белом доме с помощником Буша по борьбе с терроризмом Ричардом Кларком, посвященной обсуждению ситуации с «Аль-Кайедой» и Усамой бен Ладеном, Волфовиц хмуро обронил: «Не понимаю, почему мы все время говорим об этом типе бен Ладене... Есть и другие, не менее опасные... Иракские террористы, например».

Когда Кларк упомянул о возможной причастности «Аль-Кайеды» к первому взрыву во Всемирном торговом центре в 1993, Волфовиц отмахнулся: «Вы слишком хорошо думаете о бен Ладене. Он не может стоять за этим, если только его не спонсирует какое-нибудь государство».

Кларк возразил: «Мы тщательно изучаем этот вопрос с пятницы. Никто в правительстве не верит в такой расклад... Это “Аль-Кайеда”. Это не Саддам». — И прибавил: «Как с Гитлером и его “Mein Kampf”, нужно верить, что эти люди и вправду поступят так, как обещают».

Волфовиц вспыхнул: «Как можно сравнивать Холокост с этой кучкой террористов из Афганистана?!»

Пол Волфовиц одержим Ираком, и этой одержимостью он заразил администрацию президента. В первые

часы после террористических атак 11 сентября он предлагал Бушу забыть об Афганистане и напасть на Ирак. Журнал «Time» позднее назовет его «интеллектуальным крестным отцом» иракской войны, а газета «Jerusalem Post» присвоит ему титул «Человек года».

БАРАБАНЩИКИ И ЗАПЕВАЛЫ

Утром 12 сентября, появившись в Белом доме, Кларк испытал потрясение:

«Я ожидал продолжения череды совещаний, на которых обсуждалось, где и когда террористы нанесут следующий удар... Вместо этого меня встретили разговоры насчет Ирака. Поначалу я не мог поверить, что при подобных обстоятельствах можно рассуждать о чем-либо еще, кроме поимки "Аль-Кайеды". Но наконец сообразил — и мне едва не сделалось дурно, — что Рамсфелд и Волфовиц собираются воспользоваться нашей национальной трагедией, чтобы осуществить свои замыслы в отношении Ирака. С самого начала своей деятельности в администрации, и даже ранее, оба они призывали к войне с Ираком».

К полудню Рамсфелд продолжал настаивать на том, что нужно «достать Ирак». Когда Колин Пауэлл заметил, что следует сосредоточиться на более насущных проблемах, то есть на «Аль-Каеиде», Рамсфелд его словно не слышал. Кларк вспоминает:

«Рамсфелд жаловался, что в Афганистане не нашлось достойных целей для бомбежки; по его словам, мы должны разбомбить Ирак, где таких целей в избытке. Мне было показалось, что Рамсфелд шутит, однако я

быстро понял, что он абсолютно серьезен. Президент, как ни удивительно, не отверг саму возможность бомбежки Ирака...»

Описываемые события происходили 12 сентября 2001 года, когда вся Америка еще пребывала в шоке. В тот же день Билл Беннет заявил Си-Эн-Эн, что «мы вступили в борьбу между добром и злом», что Конгресс должен объявить войну «агрессивному исламу» и что нам надлежит использовать «силы подавления». В качестве целей возможной атаки он перечислил Ливан, Ливию, Сирию, Ирак, Иран и Китай. Газета «Wall Street Journal» незамедлительно опубликовала список потенциальных целей и призвала США нанести авиаудары по «базам террористов в Сирии, Судане, Ливии, Алжире и, возможно, в отдельных районах Египта». Ни одна из этих пяти стран, как и ни одна из шести, упомянутых Беннетом, не была, разумеется, причастна к терактам 11 сентября.

Согласно автору книги «Буш-победитель» Бобу Вудворду, 15 сентября «Пол Волфовиц выдвинул доказательства в пользу нападения на Ирак, а не на Афганистан». Почему именно на Ирак? Потому, что, как утверждал Волфовиц на заседании Совета безопасности, «результаты нападения на Афганистан видятся сомнительными, тогда как в Ираке у власти находится откровенно враждебный нам режим, с которым легко справиться. Он уязвим».

Через пять дней, 20 сентября, президенту Бушу было направлено открытое письмо за пятьюдесятью подписями — в том числе подписями Билла Беннета, Норманна Подгореца, Джина Киркпатрика, Ричарда Перла, Уильяма Кристола и Чарлза Краутхаммера. Письмо представляло собой политический ультиматум. Дабы сохранить поддержку подписантов, Бушу

предлагалось уничтожить организацию «Хезболла», предупредить Сирию и Иран о том, что они, сохраняя контакты с этой организацией, вызывают подозрения, — и свергнуть Саддама. Отказ напасть на Ирак, говорилось в письме, «повлечет за собой неминуемое и сокрушительное поражение в войне с международным терроризмом».

Девять дней спустя после терактов в США эта крохотная клика интеллектуалов осмелилась заявить президенту Соединенных Штатов и главнокомандующему американскими вооруженными силами, что если он не последует их совету, его публично признают виновным в «неминуемом и сокрушительном поражении в войне с международным терроризмом»!

Однако ни «Хезболла», ни Сирия с Ираком и Ираном не имели отношения к событиям 11 сентября. Тем не менее президент получил предупреждение. Или он воспользуется народным гневом и втянет Америку в вереницу войн с государствами, на нас не нападавшими, но враждебными Израилю, или ему, президенту Бушу, предстоит столкнуться с политическим возмездием.

«Биби» Нетаньяху, бывший премьер-министр Израиля, ежедневно появлялся практически на всех телеканалах, подобно новому «гражданину Жене»*, и призывал нас покончить с «империей террора». Эта

* Имеется в виду Эдмон Шарль Жене, посол Французской республики, прибывший в Америку в апреле 1793 года. Жители бывших колоний устроили ему восторженный прием. Когда власти обвинили Жене в нарушении обещания не снаряжать захваченный британский фрегат в качестве корсара, посол пригрозил обратиться через голову властей ко всему американскому народу. Вскоре он был отозван Францией.

империя, уверял нас «Биби», включает в себя такие организации, как «Хамас» и «Хезболла», а также Иран, Ирак и «палестинский анклав».

Никто из них не был причастен к событиям 11 сентября; более того, Ливия, Сирия, Иран и арафатовская Организация освобождения Палестины осудили теракты в Нью-Йорке и других городах США. Судан вошел в контртеррористическую коалицию. Можно сколь угодно неприязненно относиться к правящим в этих странах режимам, но что они сделали такого, чтобы Соединенные Штаты объявляли им войну? В своей колонке в «USA Today» от 26 сентября 2001 года я предостерегал:

«Война, которой требуют Нетаньяху и неоконсерваторы, война, в которой США и Израилю будут противостоять все радикальные исламские государства, есть война, которой добивается бен Ладен, война, которую замыслили убийцы, посылая захваченные ими авиалайнеры на Всемирный торговый центр и Пентагон. Если Америка вправду желает оказаться в изоляции, тогда ей действительно следует послушать неоконсерваторов».

Чем дальше в прошлое отступало 11 сентября, тем настойчивее «партия войны» пыталась развязать войну на Ближнем Востоке — пока Америка не опомнилась. Перл опубликовал в «New York Times» статью, утверждавшую, что время на исходе, что Саддам все ближе подбирается к обладанию ядерным оружием:

«С каждым днем Саддам все ближе к осуществлению своей мечты о ядерном арсенале. Нам известно, что он во множестве тайных лабораторий реализует программу по обогащению природного урана и получе-

нию ядерного оружия... Насколько близко к цели он пошел? Мы не знаем, мы можем только гадать, сколько ему осталось — три года, два года, один день?..»

С точки зрения Перла, существовали и неоспоримые доказательства причастности Саддама к терактам 11 сентября: «Имеются подтвержденные данные о встрече в Праге высокопоставленного представителя иракской разведки с Мохаммедом Аттой, руководителем угонщиков». Том Догерти из Проекта «Новая американская безопасность» (ПНАМ) призывал к немедленному вторжению в Ирак: «Не нужно ждать, пока экспедиционный корпус станет насчитывать полмиллиона человек... Нужно напасть — и оккупировать Ирак, когда бои закончатся».

Догерти вторил Йона Голдберг из «National Review»: «Соединенные Штаты должны объявить войну Ираку, поскольку война в данном регионе необходима, а Ирак является наиболее подходящей целью». Голдберг изложил в своей статье и так называемую «доктрину Лидена», сформулированную бывшим сотрудником Пентагона Майклом Лиденом: «Приблизительно каждые десять лет США требуется выбирать какую-нибудь маленькую страну и как следует ей вмазывать, чтобы показать, что слова у нас не расходятся с делами». Сам Лиден был более осторожен в выражениях. В книге «Война против терроризма» он перечислил режимы, которые Америке надлежит уничтожить:

«Прежде всего мы должны свергнуть террористические режимы, начав с "большой тройки" — Ирана, Ирака и Сирии. После этого мы можем заняться саудовцами...

Когда тирании Ирана, Ирака, Сирии и Саудовской Аравии будут низвержены, мы перейдем к прочим... Мы

должны обеспечить осуществление демократической революции...

Упрочение стабильности — миссия, недостойная Америки, тупиковое направление международной политики. Мы не хотим стабильности в Иране, Ираке, Сирии, Ливане и даже в Саудовской Аравии; мы хотим, чтобы положение дел в этих странах изменилось. Вопрос дня состоит не в том, стоит ли дестабилизировать, а в том, как это сделать».

Переходя к изложению «исторической миссии» Америки, Лиден пишет:

«Нам надлежит прибегнуть к “творческому разрушению” как в самом нашем обществе, так и за его пределами. Мы каждый день уничтожаем прежний порядок, будь то в бизнесе, науке, литературе, искусстве, архитектуре или кинематографе, в политике и в юриспруденции. Наши враги всегда ненавидели этот круговорот энергии и креативности, который угрожает их традициям (каковы бы те ни были) и делает очевидной их неспособность идти с нами вровень... Мы должны уничтожить их, чтобы реализовать свою историческую миссию».

Подобные приведенному выше пассажи ближе по духу к Робеспьеру, чем к Роберту Тафту, и выпячивают истинную сущность неоконсерватизма, не имеющую ничего общего с подлинным консерватизмом.

Для «Weekly Standard» список врагов Лидена оказался слишком коротким. Мы должны не только объявить войну террору, уничтожить террористические ячейки и наказать страны, поддерживающую террористов; по мнению «Standard», нам следует воевать со всеми «группами и режимами, *намеренными* поддерживать террористов в будущем» (курсив мой. — П. Б.).

У Роберта Кагана и Уильяма Кристола закружились головы от перспективы Армагеддона. Грядущая война «распространится и охватит множество стран... Она напомнит собой столкновение цивилизаций, которого все надеялись избежать... Вполне вероятно, что многие “умеренные” арабские режимы будут вынуждены сбросить маску и явить свое истинное лицо».

Норман Подгорец в «Commentary» превзошел даже Кристола. Он призвал нас «принять свою судьбу» и вступить в войну цивилизаций, ибо историческая миссия Джорджа У. Буша состоит во вступлении страны «в Четвертую мировую войну — войну против радикального ислама»:

«Режимы, которые давно заслуживают свержения... ни в коей мере не ограничиваются тремя отдельными представителями “оси зла” (Иран, Ирак, Северная Корея). Как минимум в это число следует включить Сирию, Ливан и Ливию, а также таких “друзей” Америки, как Саудовская Аравия, Египет Хосни Мубарака и Организация освобождения Палестины».

Буш должен отринуть «боязливые советы непоколебимо робкого Колина Пауэлла», пишет Подгорец, и «найти в себе мужество, чтобы установить в побежденном исламском мире новую политическую культуру». Как война с «Аль-Каейдой» потребовала от нас уничтожения «Талибана», так и, по Подгорецу,

«...волей-неволей мы вскоре вынуждены будем свергнуть пять, шесть или семь тираний в исламском мире (включая и такого спонсора террористов, как Организацию освобождения Палестины Ясира Арафата). Мне представляется, что результатом подобной войны может стать новая имперская миссия Америки, которая должна будет

проследить за установлением в регионе вместо нынешних деспотий наследственных демократий, приверженных реформам и модернизации. Я также предвижу утверждение чего-то наподобие протектората США над нефтяными запасами Саудовской Аравии: ведь все больше и больше удивления вызывает вопрос, почему 7000 принцев и шейхов имеют практически неограниченную власть над нами и над миром в целом».

Упоминание о Четвертой мировой войне Подгорец позаимствовал, как он сам сообщил, у Элиота Коэна. Вскоре было замечено, что президент Буш ходит с книгой Коэна, в которой восхваляются военные успехи таких государственных деятелей, как Черчилль и Бен Гурион.

Список ближневосточных режимов, которые Подгорец, Беннет, Лиден, Нетаньяху и «Wall Street Journal» рассматривали как подлежащие уничтожению, включает в себя, таким образом, Алжир, Ливию, Египет, Судан, Ливан, Сирию, Ирак, Саудовскую Аравию, Иран, Организацию освобождения Палестины, а также организации «Хамас» и «Хезболла» и «радикальный ислам» в целом. В этом списке присутствуют все враги Израиля, которых Фейт и Перл обозначили в своем стратегическом плане для Нетаньяху в 1996 году.

Cui bono? Кому выгодны эти бесконечные войны в регионе, не входящем в сферу жизненных интересов США (конечно, не учитывая нефть, которую арабы вынуждены продавать, чтобы заработать себе на жизнь)? Кто выиграет от «войны цивилизаций» с исламом? Кто другой, кроме неоконсерваторов и Ариэля Шарона?

Кстати сказать, присутствие Шарона на заднем плане американской внешней политики неоспоримо.

В феврале 2003 года, в канун войны, он сообщил делегации конгрессменов, что после вторжения США в Ирак крайне необходимо «разоружить» Иран, Сирию и Ливию. Министр обороны Израиля Шауль Мофаз вторил Шарону: «Мы весьма заинтересованы в послевоенном обустройстве Ближнего Востока», — заявил он на Конференции американских еврейских организаций. Когда войска США займут Багдад, прибавил Мофаз, от Америки потребуются оказать «политическое, экономическое и дипломатическое давление» на Тегеран.

Заботило ли неоконсерваторов то обстоятельство, что вторжение в Ирак способно привести к падению дружественных США арабских режимов? Ни на йоту. Более того, их прельщала подобная перспектива. «Мубарак — временная фигура, — заявил Перл о президенте Египта. — Разумеется, мы справимся лучше, чем он». В ответ на вопрос о возможности войны в Ираке, которую он назвал «прогулкой», и ее последствий для правительств Египта и Саудовской Аравии, Кен Адельман сказал корреспонденту «Washington Monthly» Джошуа М. Маршаллу: «Если рухнут, туда и дорога».

Десятого июля 2002 года Перл пригласил на заседание Совета по оборонной политике Лорента Муравьца. В своем докладе, изумившем даже Генри Киссинджера, Муравец, бывший помощник Линдона Ларуша, определил Саудовскую Аравию как «источник зла, вдохновителя терроризма, наиболее серьезного противника». Соединенные Штаты, сказал Муравец, должны предъявить саудовцам ультиматум: либо они «изолируют или выдают нам лиц, подозреваемых в терроризме, в том числе сотрудников саудовской разведки», и прекращают всю «злонамеренную» пропаганду против Израиля, либо мы вторгаемся в страну, захватываем нефтяные скважины и оккупируем Мекку.

Муравьев также предложил «глобальную стратегию для Ближнего Востока»: «Ирак — тактическая цель, Саудовская Аравия — цель стратегическая, Египет — главный приз». Просочившиеся в печать сведения о выступлении Муравьева не позволяют судить, задался ли хоть кто-нибудь из членов Совета по оборонной политике вопросом, как миллиард мусульман отреагирует на появление американских солдат в мекканских мечетях?

Таким вот образом неоконсерваторы, на протяжении десяти лет замышлявшие и планировавшие войну в Ираке и призывавшие к ней, получили свою «прогулку».

В 1996 году Ирвинг Кристол писал: «С окончанием “холодной войны” нам требуется очевидный идеологический противник, достойный нашего внимания и способный объединить нас в противодействии ему».

Одиннадцатого сентября 2001 года противник, как говорится, постучался в дверь. У неоконсерваторов появился враг, «достойный уважения», — радикальный ислам, появилась новая идеология — идеология империи — и новая доктрина — демократизм, подготовка «Четвертой мировой» для обеспечения «демократической революции в мировом масштабе». У них вдобавок было то, что Ричард Перл и Дэвид Фрум называли «величайшим вызовом нашего поколения».

Тем не менее неоконсерваторам не удалось бы вовлечь Америку в войну с Ираком, не убедили они Буша, Рамсфелда, Чейни и Пауэлла в необходимости этой войны. Они не преуспели бы в своих намерениях, не занимая они ключевые посты в Пентагоне и в администрации вице-президента, необходимые для того, чтобы «задурить голову» советникам президента относительно причастности Ирака к событиям 11 сентября и

иракской ядерной программы. Их план не сработал бы, наконец, без содействия неоконсервативных масс-медиа и общегосударственных СМИ.

Как им удалось добиться успеха? В своей книге «Америка в одиночестве: Неоконсерваторы и мировой порядок» бывший советник президентов Никсона и Рейгана по внешней политике Стефан Холпер и исследователь Джонатан Кларк утверждают, что неоконсерваторы прибегли к откровенной лжи:

«Чтобы получить одобрение вынашивавшегося на протяжении десятилетия плана нападения на Ирак, неоконсерваторы распространяли заведомо ложные сведения: что Саддам Хусейн располагает ОМУ и намерен его использовать, что он поддерживает “Аль-Кайеду”, что если Саддама не устранить, оружие массового уничтожения попадет в руки “Аль-Кайеды”, которая использует его против Соединенных Штатов».

Генерал Зинни, бывший начальник Объединенного Центрального командования, работавший бок о бок с неоконсерваторами в Пентагоне, был поражен их высокомерием и кичливостью:

«Чем больше я видел, тем прочнее утверждался во мне мнение, что эта война — происки неоконсерваторов, не понимающих особенностей региона и потому стремившихся учинить там хаос. Это дилетанты из вашингтонских фабрик мысли, не имеющие ни малейшего представления о реальности».

Зинни фактически повторил слова Эдмунда Берка, сказанные в адрес лорда Нортона и его клики, чье безумное упрямство втянуло Британию в войну с американскими колониями: «Разве кто-либо из этих джентль-

менов, столь рвущихся к управлению всем человечеством, показал себя способным к управлению, обладающим хотя бы начатками знаний, потребных для управления... и для того, чтобы преодолевать трудности, с которыми они неизбежно столкнутся?»

И все же неоконсерваторы преуспели. Для этих империалистов от демократии вторжение в Ирак стало первым шагом к реализации проекта «Четвертая мировая война», предусматривающего свержение «исламо-фашистских» режимов — в Ираке, Иране, Сирии, Судане, Саудовской Аравии, Ливии и Ливане, выпестовывание новых лидеров, приученных к демократии и свободному рынку, и включение реформированных исламских государств в мировое сообщество под присмотром наставников-неоконсерваторов.

Какое будущее они предлагают нам? Сегодня они этого уже не скрывают. «Люди вновь готовы употреблять слово “империя”», — заявил в интервью «Boston Globe» Чарлз Краутхаммер. «Мы живем в империи, к которой каждый мечтает присоединиться», — вторит ему Мах Бут. «Истина состоит в том, что благожелательная гегемония, практикуемая США, притягательна для большинства населения земного шара», — пишет Роберт Каган.

Какова роль Америки в новом мировом порядке? По словам Кагана, «Америка ведет бомбардировки и наземные бои, французы, англичане и немцы используются в качестве полицейских сил в пограничных районах, а голландцы, швейцарцы и скандинавы предоставляют гуманитарную помощь». Что касается статуса мусульман в новой империи, они оказываются в положении кипплинговских «низших пород, не знавших закона». Но, подобно всем прочим «подданным», мусульмане отвергли роль, предназначенную им аколиитами новой американской империи.

«ЧТО ОБЕЩАЛИ ЭТИ МУДРЕЦЫ»

«Партия войны» сулила президенту Бушу «прогулку», утверждала, что нас встретят как освободителей, что демократия расцветет в Ираке и распространится по всему Ближнему Востоку, что палестинцы и израильтяне «преломят хлеб» и заключат мир. А противники вторжения и войны, подобно Роберту Новаку и автору этих строк заклеянные в «National Review» как «лишенные патриотизма традиционалисты», предостерегали президента, что реальная ситуация в Ираке может существенно отличаться от блистательного будущего, нарисованного неоконсерваторами.

В самый канун вторжения в статье «Чья война?», опубликованной в «American Conservative», я раскрыл — с документальными доказательствами — все подробности неоконсервативного заговора, перечислил имена заговорщиков и выступил с таким предупреждением: «Президента Буша завлекли в ловушку, которая может стоить ему президентского поста, а Америку надолго лишит мира, завоеванного для нас двумя поколениями участников “холодной войны”».

Как бы то ни было, неоконсерваторы подчинили себе президента и изрядно испортили его репутацию. Со взятия Багдада прошло восемнадцать месяцев, стоимость войны на данный момент для казны США составила 200 миллиардов долларов и продолжает расти, около 900 американских солдат уже убито, а счет раненых и изувеченных идет на тысячи. Зверства надзирателей в тюрьме Абу-Грайб заставили Америку покраснеть от стыда и усомниться в мудрости решения о начале войны. Ситуация в Ираке все ближе к хаосу и гражданской войне, и президент Буш, должно

быть, повторяет сейчас за лордом Мельбурном: «Что обещали эти мудрецы, не сбылось, а все, чем грозили проклятые глупцы, сбывается на глазах». Однако, как некогда Бурбоны, неоконсерваторы как будто ничему не учатся и ничего не забывают.

В феврале 2004 года Чарлз Краутхаммер на ежегодном торжественном обеде АИП вновь с восторгом заверял собравшихся, что американцы «создали крупнейшую в истории человечества империю». Мы — мировой «полюс силы... гарант международных отношений», мы «доминируем на планете».

«Со времен падения Рима, — продолжал Краутхаммер, — на Земле не возникало более дерзкого по своему размаху предприятия. И даже Рим не может сравниться с сегодняшней Америкой». Как пишет Фрэнсис Фукуяма, пассажи наподобие этих означают, что Краутхаммер «удивительно оторвался от реальности».

«Читая Краутхаммера, — поясняет Фукуяма, — невольно начинаешь думать, что война в Ираке принесла нам сокрушительную победу, что все упования и чаяния, возлагавшиеся на эту войну, исполнились в полной мере». На самом же деле, разумеется, сокрушительная победа существует только на бумаге.

Таковы люди, чьи идеи втравили Америку в величайшую авантюру последних сорока лет, вынудили совершить ошибку, более дорогостоящую, чем Вьетнам. Но кажется, что «золотые деньки» неоконсерваторов заканчиваются и что влияние «партии войны» на американскую внешнюю политику постепенно сходit на нет. Ведь вместо того, чтобы продолжать «победоносные» войны на Ближнем Востоке, президент Буш, госсекретари Рамсфелд и Пауэлл как будто ищут достойный выход из месопотамского тупика.

Более того, роль неоконсерваторов в подготовке и развязывании войны стала очевидной для общества наряду с самим фактом существования неоконсервативного заговора и поименными списками заговорщиков. Американцы также начали понимать, что, несмотря на все хвастовство по поводу «полюса силы», «благожелательной мировой гегемонии» и «американской империи», существуют пределы нашему могуществу — и мы приближаемся к этим пределам.

«Дыра» в бюджете снова расширяется, национальный долг вновь стремительно растет, а коммуникации боевой армии, насчитывающей всего 480 000 тысяч человек, чрезмерно растянуты. В резервных частях нарастает недовольство слишком частыми призывами и действиями слишком далеко от дома. В послании Конгрессу в 2004 году Буш отказался от рассуждений насчет «оси зла» и заявил: «Мы не стремимся доминировать. У нас нет имперских амбиций». Даже если президента снова убедят напасть на какую-либо арабскую страну из списка неоконсерваторов, он уже не получит — если не случится прямого нападения на США или на американских граждан за рубежом — санкции Конгресса. Впрочем, у него, похоже, нет подобных намерений.

Знаменитый американский военный теоретик полковник Джон Бойд некогда охарактеризовал стратегию как умение создать для себя столько, сколько возможно, «центров силы» и изолировать врага от максимального количества его «центров силы». Подобную стратегию блестяще использовал в войне в Заливе отец нынешнего президента. Он заручился поддержкой России и Китая в Совете безопасности ООН, убедил Германию и Японию финансировать боевые действия, Египет и Сирию — включить свои подразделения в состав

коалиционных сил, Великобританию и Францию — сражаться вместе с Америкой. Посулив каждому его долю трофеев — если хотите, назовите это имперской свободой, — Буш-первый привлек к войне с Ираком весь мир. И Джордж У. Буш с успехом повторил отцовские приемы в Афганистане.

Но неоконсерваторы предлагают нам антитезу этой стратегии. Они не желают сужать список врагов Америки до тех, кто нападает на нас. Они стремятся расширить театр военных действий и умножить число наших врагов, стремятся превратить «войну пожарных» в битву за гегемонию Америки в мире. Прими Буш-второй их стратегию, мы окажемся один на один с исламским миром при нейтралитете Европы и притворном невмешательстве Азии, жаждущей нашего унижения. Скажем прямо: для победы над «Аль-Кайедой», обеспечения безопасности нашей страны и наших интересов в арабском мире с его двадцатью двумя государствами и в исламском мире с его пятьюдесятью семью странами, от Марокко до Малайзии, жизненно необходимо, чтобы мы не допустили превращения войны с терроризмом в неоконсервативную войну за империю. Если это случится, мы потерпим поражение, Америка очутится в изоляции, а старая республика окончательно обанкротится.

«Ума хватает, мудрости ни на грош», — так высказался в адрес неоконсерваторов Рассел Кирк. Как пишет исследователь Клас Рис, по темпераменту неоконсерваторы часто являют собой противоположность консерваторам и заставляют вспомнить о якобинцах Великой Французской революции:

«Только чрезвычайно раздутое самомнение могло породить мечту о военной гегемонии в мире. Идеология благожелательной американской империи и миро-

вой демократии скрывает чудовищную жажду власти. Она знаменует собой появление нового американца, радикально отличающегося от американцев прошлого, стремившихся к скромности и смирению».

Неоконсерваторы буквально купаются в самомнении, и это самомнение вполне может оказаться причиной их краха — и нашей общенациональной катастрофы. Ибо, как писал Берк о горделивых правителях Британской империи в зените могущества:

«Среди мер предосторожности от амбиций ни в коем случае нельзя не упомянуть о мерах против нашей собственной дерзости. Должен признаться, меня страшит наше могущество и наши амбиции; меня страшит, что нас столь сильно боятся... Мы можем говорить, что не злоупотребим этим поразительным, доселе неслыханным могуществом. Но всякая другая нация будет думать, что мы обязательно им злоупотребим. Это кажется невозможным, но рано или поздно нынешнее положение дел приведет к союзам против нас, что может закончиться нашей гибелью».

ВРАЖДЕБЕН ЛИ ИСЛАМ?

Можно сопротивляться врагу, который вторгся в твою страну, но не идее, чье время пришло.

Виктор Гюго

Накануне Второй мировой войны исламский мир от Марокко до Малайзии находился под управлением европейских империй, и можно сказать, что на него практически не обращали внимания. Судьба мира решалась в противостоянии стран Оси — нацистской Германии, императорской Японии и фашистской Италии — и сталинистской России, которую поддерживали западные демократии — Великобритания, Франция и Соединенные Штаты.

Однако еще в 1938 году проницательный британский католик уловил исподволь назревающие перемены на Востоке и на Юге. «Мне всегда казалось возможным, — писал этот католик по имени Хилэр Беллок, — что возрождение ислама не за горами, что наши сыновья или внуки увидят возобновление грандиозной схватки между христианской культурой и ее величайшим противником на протяжении тысячи лет». Беллок оказался провидцем: ислам вновь обретает силу и готов потрясти устои западного мира двадцать первого столетия, повторяя опыт предыдущих столетий.

ИЗ ПУСТЫНИ

Через шестьсот лет после смерти Иисуса Христа Средиземноморье, *Mare Nostrum* («наше море») древних греков и римлян, представляло собой оазис христианства. И Западная, и Восточная Римские империи обратились к Христу. И тогда пришел ислам. Беллок в своей книге «Великие ереси» так описывает внезапное появление ислама в Европе:

«К 630 году нашей эры вся Галлия стала католической. Немногие уцелевшие полководцы-ариане и их отряды в Испании и Италии приняли истинную веру. Что касается ариан Северной Африки, император крестил их огнем и мечом.

Именно в этот момент, в миг торжества единого католичества, вере был нанесен неожиданный удар чудовищной силы. Восстал ислам, чего никто не мог предвидеть. Он явился из пустыни — и вскоре завоевал половину наших земель».

Мохаммед был купцом, прозябавшим в своей родной Мекке. Современные историки называют его наряду с Христом и святым Павлом самыми влиятельными людьми в истории человечества. Основанная им религия имеет больше приверженцев, чем католицизм, и число мусульман в мире стремительно растет.

Мохаммеда вели две идеи — подчинение Аллаху, единому и истинному Богу, и моральное возвышение соотечественников. По мере того как возрастало число последователей Мохаммеда, их все чаще стали называть мусульманами — «подчинившимися воле Аллаха».

Мекканские купцы относились к Мохаммеду с подозрением, жители Мекки не собирались терпеть его нападки на местных богов, и Мохаммеду в 622 году пришлось бежать в оазис Йасриб, позднее переименованный в Медину — Город Пророка. Там мусульмане построили первую мечеть, а год 622 стал первым годом Хиджры, то есть переселения, по мусульманскому календарю. В Медине Мохаммед сделался законодателем и вожаком общины; после череды нападений на мекканские караваны он решился выступить в поход на саму Мекку. В 630 году он триумфально возвратился в Мекку, разрушил идолов и совершил ритуальное очищение Каабы во имя истинного Бога.

Религиозные предписания ислама просты. Мусульмане, христиане и иудеи — все они дети Адама и Авраама (Ибрахима), а Бог иудаизма и Бог христианства есть истинный Бог. Но вот Иисус — не Бог, хотя ислам и признает его последним из великих пророков — предшественников Мохаммеда. Беллок пишет:

«Мохаммед с величайшим почтением относился к нашему Богу, равно как и к Богоматери. В день Страшного Суда (еще одна католическая идея, которой он учил) именно наш Бог, по Мохаммеду, станет судить людей, а никак не сам Мохаммед. Мать Христа, Богоматерь, "госпожа Марьям", всегда была для него первой из женщин».

При этом Мохаммед отвергал идею Воскрешения.

По исламскому вероучению, всех правоверных мусульман ожидает рай, в особенности тех, кто пал в джихаде, священной войне против неверных. Проклятым же уготованы все муки ада. Ислам допускает рабство и полигамию, ограничивая, впрочем, число жен у

одного мужчины — не более четырех. Свинина и алкоголь мусульманам запрещены.

Существуют «пять столпов» ислама. Во-первых, мусульманин должен верить, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мохаммед — Пророк Его. Должно подавать милостыню бедным. Должно пять раз в день совершать молитву, исполняя предписанные ритуалы и обращаясь лицом в сторону Мекки. Должно в священный месяц Рамадан поститься с рассвета до темноты. Должно, наконец, в течение жизни совершить, если позволяют средства, паломничество в Мекку.

Шариат — свод мусульманских законов и установлений; все мусульмане, вне зависимости от расовой и этнической принадлежности и социального статуса, принадлежат к *умме*, то есть мусульманской общине. Институт священничества исламу неведом, нет в нем и таинств. В мечетях молитвы возглавляют имамы, или духовные учителя.

Беллок считал ислам разновидностью христианской ереси, чье могущество опирается на «утверждение личного бессмертия, Единство и Бесконечное Величие Бога, Его Справедливость и Милосердие и... на утверждение равенства человеческих душ перед их Творцом». Он называл ислам реформистской религией и проводил параллели с «протестантами, реформаторами образов, мессы и целибата». Другой католический автор, Джо Собран, выдвигал схожее объяснение притягательности раннего ислама и стремительного роста его популярности:

«Ислам — простая религия, которую нетрудно понять обыкновенным людям. Его заповеди суровы, но немногочисленны. На завоеванных им землях побежденные зачастую чувствовали себя не поработченными,

а освобожденными, потому что ислам заменял прежние бюрократические правительства относительно нетребовательными органами управления — и снижал налоговое бремя. До тех пор пока с его заповедями соглашались, ислам оставался сравнительно либеральным. Он предлагал тысячу способ облегчить привычное существование... ведь мусульманин не может быть рабом».

По отношению к своим христианским и иудейским подданным мусульмане проводили политику «дани или меча». Религиозных людей, принадлежавших к «народам Книги», то есть чтивших Священное Писание, не обращали силой в новую веру, но принуждали платить налог. Церкви и монастыри продолжали существовать на землях, покоренных исламом, хотя христиане и оказывались отрезанными от своих братьев по вере в других странах Европы и испытывали, выражаясь современным языком, давление среды.

В исламе церковь (мечеть) неразрывно связана с государством. Халиф — одновременно религиозный и политический лидер. Противостояние шиитов и суннитов, длящееся по сей день, возникло из-за разногласий относительно порядка наследования Пророку Мухаммеду. Из борьбы за наследие Пророка произошло и династическое разделение мусульман — Фатимиды правили в Каире, Омейяды в Дамаске, а Аббасиды — в Багдаде.

Несмотря на многочисленные разногласия, в целом мусульмане едины. Все они читают слова Аллаха на арабском, священном языке Корана. Одна книга, один язык, одна вера, один халиф, единая торговая империя в бассейне Средиземного моря — не удивительно, что исламский мир обрел единство вопреки междоусобицам и соперничествам. Как заметил Беллок, можно

говорить и о единой исламской культуре, поскольку «изыскания ученых Багдада в скором времени становились доступны их собратьям в Кордобе».

ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ

«Ислам с самого начала был религией завоеваний», — пишет Дж. М. Робертс, автор «Истории Европы». И в самом деле, с момента своего возникновения ислам был воинственной религией, его последователей вело в бой неукротимое желание победить неверных и подчинить все человечество воле Аллаха.

Когда Мохаммед умер в 632 году, вся западная Аравия была мусульманской; на смертном одре Пророк вновь и вновь повторял собравшимся вокруг: «В Аравии не может быть двух вер», настаивая на изгнании христиан и иудеев из священной земли. Этот завет выполнил второй из праведных халифов, Омар. В течение нескольких лет праведные халифы объединили под знаменем ислама весь Аравийский полуостров, и мусульманские воины двинулись распространять веру по трем континентам.

Омар и его войско захватили Иерусалим, причем халиф распорядился пощадить христианские святыни. Всего за век после смерти Мохаммеда воины ислама завоевали Сирию, Палестину, Египет, Северную Африку, Португалию и Испанию. Половина территории бывшей Римской империи и христианского мира отныне принадлежала мусульманам.

Но при Пуатье, в самом сердце Франции, в 732 году, через сто лет после смерти Пророка, «исламский прилив» удалось остановить. Воинов ислама в одной из краеугольных битв истории победил «молот франков» Карл Мартел. Сложись битва иначе, христианство

не удержалось бы в Европе, его бы искоренили, как в городах Августина Блаженного и Афанасия Великого.

По мнению Бернарда Льюиса, с самого своего возникновения ислам рассматривал христианство как принципиального соперника:

«С первых дней новой веры мусульмане знали, что между людьми "территории войны" (дар ал-харб) существуют определенные различия. Большинство относилось к политеистам и идолопоклонникам, не представлявшим для ислама сколько-нибудь значимой угрозы и подлежащим обращению. Исключение составляли христиане, за которыми ислам признавал приверженность схожей религии и потому считал соперниками в борьбе за мировое господство (или, как предпочитали говорить мусульмане, за просвещение мира). Весьма примечательно, что среди коранических и прочих изречений в мечети Купол Скалы, одном из первых мусульманских сооружений за пределами Аравии, возведенной в Иерусалиме в 691–692 гг., находим немало антихристианских надписей: "Да славится Бог, сына не зачавший, товарищей не имеющий"; "Он Господь, Единый, Вечный, не зачинал Он и не имел, и спутников нет у Него"».

В Персидской и Византийской империях воины ислама столкнулись с той же «пустотой духа», какую встретили в испанских визиготах. Византийские земли перешли во владение ислама, Персидская империя пала спустя десяток лет после смерти Мохаммеда. Однако мужество императора Льва III остановило мусульман у Босфора и сохранило для христиан Константинополь. Воины ислама отступили за горы Тавра, и на триста лет Малая Азия осталась византийской провинцией, а христианство удержалось на Балканах.

К 750 году Омейяды уступили престол Аббасидам и халиф перебрался из Дамаска в Багдад. Багдадский халифат просуществовал до 1259 года, когда в Месопотамию (современный Ирак) вторглись монголы.

На Западе завоевания ислама при Пуатье не завершились. В IX веке воины ислама завладели Сицилией, Сардинией и Корсикой. В 846 году с Сицилии вышла морская экспедиция, мусульманские корабли поднялись по Тибру и разграбили Рим, осквернив могилы святых. Папа Лев IV возвел стену вокруг гробницы святого Петра и Ватиканского дворца (эта стена приблизительно соответствует границам нынешнего Ватикана). От восточных берегов до Гибралтарского пролива Средиземное море принадлежало вере и цивилизации, враждебной христианству. Половина христианского мира была завоевана, христианских купцов изгнали из Внутреннего моря.

Контратака началась через два с половиной столетия после осквернения Рима. В 1095 году на церковном совете во французском Клермоне папа Урбан II объявил о начале Первого крестового похода за освобождение Иерусалима и Гроба Господня, оказавшихся в руках неверных. «Те, кто насмехается над этим, слишком долго корпели над книгами при свете ламп», — пишет католический историк Уоррен Кэрролл.

«Настоящие мужчины и женщины, столь отличные от ученых абстракций, имели дом, который любили. Иисус Христос был настоящим человеком. Он любил свой дом. Его последователи и приверженцы любили землю и места, которые любил и по которым ходил Он, просто потому, что Он любил их. Полностью убежденные в Его божественности, они считали недопустимым, чтобы люди, не признающие Христа Богом, владели Его землей».

В 1099 году, возглавляемые Годфридом Бульонским и Раймоном Тулузским, крестоносцы захватили Иерусалим. Оба полководца получили титул короля — и оба отказались от золотой короны, поскольку находились в городе, где Христос носил терновый венец.

Мусульмане восприняли крестовые походы как агрессию христиан. Однако в 1095 году большинство населения в Палестине составляли, по-видимому, христиане, имевшие на эти земли прав не меньше, чем завоеватели. «Принято считать, что крестовые походы были актом неспровоцированной агрессии, — пишет Кэрролл. — Это утверждение неверно. До 1095 года агрессию осуществляли именно мусульмане. Не кто иной, как мусульмане, выступили зачинщиками противостояния, захватчиками исконно христианских земель». Первый крестовый поход представлял собой «справедливую войну, которая велась во имя высокой духовной цели, несмотря на многочисленные изъяны в реализации».

Если в Мекку сегодня вторгнется армия неверных, разве мусульмане не сочтут себя вправе начать джихад за освобождение своего священного города? Разве правоверные мусульмане устыдятся такой войны или станут извиняться за то, что ее развязали?

Из эпохального выступления папы Урбана не сохранилось ни фразы. Но утверждают, что этот бывший инок аббатства Ключи был весьма искушен в красноречии и, обращаясь к своим соотечественникам по-французски, убеждал их отказаться от феодальных распрей для богоугодного ратного подвига. Папа говорил о священной войне, которая должна объединить всех христиан, о войне за земли, «полные молока и меда» и находящиеся под гнетом турок-сельджуков, убивавших христианских паломников. Быть может, Урбан полагал, что крестовый поход поможет побе-

дять ту самую схизму, которая позднее разделила христианство на католиков и православных. Всем крестоносцам, которые погибли, папа заранее отпустил грехи. Когда он закончил говорить, слушатели вскочили в едином порыве, восклицая: «Deus vult!» — «Господь попустит!»

Число добровольцев намного превзошло ожидания Святого престола.

Другого взгляда на крестовые походы придерживается наша мультикультурная элита, которая считает походы проявлениями агрессивности христианства, сопровождавшимися грабежами и насилиями. Выступая в своей alma mater, университете Джорджтауна, экс-президент Клинтон предположил, что события 11 сентября 2001 года могут быть мстью за преступления Годфрида и Раймона:

«Те из нас, кто ведет свой род от европейцев, не могут считать себя невинными. Во время Первого крестового похода, когда христианские воины захватили Иерусалим, они прежде всего сожгли синагогу, где укрылись триста евреев, и убивали всех мусульманок и их детей на Храмовой горе. Со слов очевидцев взятия города, мы знаем, что солдаты поднялись на Храмовую гору, это священное для всех христиан место, по колено в крови. Могу сказать, что и по сей день на Ближнем Востоке рассказывают о зверствах крестоносцев — и мы по сей день расплачиваемся за эти зверства».

В Иерусалиме в 1099 году и вправду случилась резня, но та же участь ожидала рыцарей-христиан, их жен и детей, когда мамелюки завладели последней христианской крепостью Акра. Почему-то не припомнить извинений за это избиение. И почему американцы, первый президент которых был масоном и занял свой пост

лишь в 1789 году, должны в 2001 году расплачиваться жизнями за зверства участников крестового похода, созданного в 1095 году папой-французом? Этого Клинтон не объяснил.

Первый крестовый поход был успешным, однако остальные провалились. В 1187 году Иерусалим был захвачен Саладином, а Ричарду Львиное Сердце не удалось вернуть город. Вновь христианским Иерусалим стал только в 1917 году, когда в него вошли солдаты британского генерала Алленби. Что касается Акры, последнего оплота христианства в Палестине, эта крепость пала в 1291 году.

В конце XIII века Багдадский халифат был разгромлен и уничтожен монголами. Впереди монгольских орд на запад шли кочевые племена тюрков, осевшие на северо-восточном побережье Малой Азии, в Анатолии. Получившие прозвище османов по имени своего вождя Османа, на Западе они стали известны как турки-оттоманы.

Мужественные до фанатизма, они вдохнули в ислам новые силы. Войско османов вскоре пересекло Босфор, ступило на Балканы, покорило Болгарию и в 1389 году разбило сербов на Косовском поле. Османы сменили арабов в качестве мусульманских лидеров. На своих подданных-христиан они наложили «дань кровью»: одного из каждого пяти мальчиков отнимали у родителей и воспитывали как мусульманина, внушая ему вдобавок фанатичную верность султану. Так сложился корпус *yeni cheri* (новых воинов), или янычар. Всякое сопротивление взиманию этой дани жестоко каралось.

В 1453 году оттоманский правитель Мехмет Завоеватель осадил и взял штурмом Константинополь, возродив древнюю Римскую империю как империю му-

сульманскую. Христианам отныне дозволялось соблюдать церковные обряды, только если они соглашались платить султану особый налог. Многие соглашались и не отказывались от веры.

В 1520 году нашествие турок на Европу возобновилось. В 1521 году султан Сулейман Великолепный завладел Белградом. В 1526 году он разгромил венгерское войско при Мохаче; король Лайош II погиб в этом сражении. Три года спустя Сулейман осадил Вену. После трех недель безуспешной осады турки разграбили окрестности города, а Будапешт стал центром новой имперской провинции.

ДОЛГОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Когда Аббасиды захватили Дамаск, наследник Омейядов бежал в Испанию, намереваясь создать новый халифат. Так начался «золотой век» ислама на Иберийском полуострове. Столицей мусульманской Испании стала Кордоба, превратившаяся в самый населенный город Европы, центр культуры и интеллектуальных достижений. Однако к началу крестовых походов звезда ислама на Западе уже закатывалась. Мусульман изгнали с Сицилии, а в 1492 году католические короли Изабелла и Фердинанд вытеснили из Испании последних мавров. Реконкиста завершилась, Гранада пала, Испания вновь стала католической.

Далее развернулась борьба за господство в Средиземном море, произошел ряд сражений между флотом Сулеймана и кораблями правителя Священной Римской империи Карла I. Схватки продолжались на протяжении всей жизни этих монархов.

В 1570 году Сулейман овладел Кипром и угрожал Мальте и Криту, последним твердыням христианства

в восточном Средиземноморье. Папа Пий V призвал к новому крестовому походу. На призыв откликнулись Генуя, Венеция и Испания, приславшие корабли для флота, который выпало возглавить незаконному сыну Карла I Хуану Австрийскому.

Седьмого октября 1671 года этот принц-католик, использовав превосходящую огневую мощь христианского флота и прибегнув к превосходной тактике, потопил большинство из 273 кораблей турок. Погибли двадцать тысяч турецких моряков и солдат, были освобождены рабы-христиане, сидевшие на веслах вражеских кораблей. Так закончилась битва при Лепанто, величайшее морское сражение между христианами и мусульманами, восславленное во всей своей доблести и величии Г. К. Честертоном. В стихах Честертона, посвященных этой битве, слышится плеск волн и рокот барабанов Последнего похода:

Внемли! Не грома раскаты — гремит вдали барабан!
Встает с безымянного трона лишенный короны Хуан.
Сомненья отринуты. Больше советы ему не нужны.
Последний король Европы свой меч берет со стены..
Последний из трубачей глядит сквозь стены на юг,
Где режут волны морские носы оттоманских фелюг.
И молча, неустрашимый, он флоту сигнал подает —
Пора отправляться, други,
в последний крестовый поход.

В оттоманских архивах содержится краткий отчет о битве при Лепанто, составленный командующим турецкого флота Капудан-пашой. В нем всего две фразы: «Флот империи, коей покровительствует Господь, встретился с флотом проклятых неверных. Воля Аллаха обратилась против нас». В исторических хрониках империи, как утверждает Бернارد Льюис, автор книги

«Что пошло не так», эта битва известна как «Smgmt, турецкое слово, означающее разгром, сокрушительное поражение».

После Лепанто морскому господству Османской империи пришел конец. Враги христианства вынужденно обратились к пиратским набегам, европейских купцов тревожили магрибские пираты, обосновавшиеся в Северной Африке. Схватка за Средиземное море завершилась.

Последнее османское вторжение в Европу началось на востоке и закончилось второй осадой Вены. 11 сентября 1683 года столицу империи Габсбургов спас польский король Ян Собеский. Как писал османский хронист того времени: «Это было невиданное поражение, и не терпели мы ему подобного с самого начала Османской империи».

Турок мало-помалу стали вытеснять из Европы.

Чтобы изгнать османов с континента, папа Иннокентий XI создал Священную лигу, к которой присоединились Польша, Венеция и Россия, а также, хоть и на время, король-солнце Людовик XIV. В 1686 году был освобожден Будапешт, в 1688 — Белград, в 1689 году — Босния, хотя турки ухитрились на краткий срок вновь завладеть сербской столицей, когда в христианском войске случилась междоусобица. Так или иначе, Османская империя перестала быть охотником и превратилась в жертву.

В 1695 году царь Петр Великий взял крепость Азов на северном побережье Черного моря. Екатерина Великая упрочила его завоевания. После череды битв 1768–1774 годов османы покинули северный берег Черного моря, вынуждены были гарантировать ряд свобод христианам на Балканах, открыть для русских кораблей Босфор и Дарданеллы и принять Рос-

сию в качестве покровителя православных церквей в Стамбуле.

В 1798 году исламский мир вновь осознал свою слабость и беспомощность — молодой французский генерал Наполеон Бонапарт оккупировал Египет. Отступить Наполеона заставили не египтяне и не оттоманы, а фрегаты адмирала Горацио Нельсона, разгромившие французский флот в битве на Ниле.

В начале XIX столетия оттоманская хватка на Балканах стала слабеть. Греческое восстание 1821 года, в котором участвовал и в 1824 году отдал свою жизнь за свободу Греции английский поэт лорд Байрон и в ходе которого оттоманы использовали арабские войска, привело к посредничеству Британии, Франции и России. Когда турки отвергли предложенные им условия мира, объединенный флот трех держав нанес турко-египетскому флоту сокрушительное поражение при Наварине.

Император Николай I объявил туркам войну и при помощи сербов дошел едва ли не до Стамбула. Султан согласился предоставить большую независимость Греции и признал автономию Сербии и румынских княжеств Валахия и Молдова. Николай назвал султана «недужным европейцем» и начал в открытую строить планы по захвату империи.

Оттоманов спасли Британия и Франция, опасавшиеся возрастания могущества России больше, нежели мощи Турции. Когда в 1853 году Россия начала боевые действия против империи, британские и французские корабли прошли через Дарданеллы и высадили десант в Крыму. Россия потерпела поражение. Ценой помощи Британии и Франции стала свобода княжеств, которым в будущем предстояло сделаться современной Румынией. Император Наполеон III завладел Алжиром.

Оттуда в 1881 году французы вторглись в Тунис и заставили тунисского бея-мусульманина признать протекторат Франции.

Следующая русско-турецкая война 1877–1878 годов привела к новому разгрому Османской империи. Только вмешательство Британии и Австро-Венгрии на Берлинском мирном конгрессе заставило императора Александра III воздержаться от изначально предполагавшихся суровых условий мира. Впрочем, за свои услуги Лондон и Вена потребовали компенсацию. Британия получила право занять Кипр, к Австро-Венгрии же перешли на условиях протектората Босния и Герцеговина. Кроме того, султан был вынужден признать независимость Румынии, Сербии и Черногории.

Империя продолжала терять арабские и балканские земли. В 1882 году Королевский флот подверг обстрелу Александрию, британские войска оккупировали Египет и установили протекторат над формально зависимой от империи территорией. В 1884 году европейцы вновь устремили взгляд на Африку, и большинство мусульманских земель оказалось под управлением Запада.

В 1908 году Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. В 1911 году Италия решила принять участие в дележе лакомого кусочка и захватила североафриканские провинции Триполи и Киренаика. «Младотурки» объявили войну и отправили командовать армией Энвера-пашу, но итальянцы без труда разгромили малочисленное турецкое войско и помимо Триполи и Киренаики подчинили себе острова Додеканес в Эгейском море. Стамбул же ожидала худшая участь.

Половина имперской армии увязла в Северной Африке, а империя тем временем столкнулась с новой угрозой — со стороны Балканской лиги, созданной

королем Болгарии Фердинандом и объединившей Сербию, Грецию и Черногорию. Новообразованные балканские государства стремились отхватить свою долю империи, правившей ими на протяжении столетий. К изумлению остальной Европы, Балканская лига разгромила турок. (В 1913 году на Балканах разгорелась война между победителями, не поделившими трофеи.)

Двадцать восьмого июня 1914 года сербский националист Гаврило Принцип, мечтавший о расширении границ Сербии за счет клонившейся к упадку империи Габсбургов, застрелил в Сараево австрийского эрцгерцога Фердинанда и его жену. Через пять недель после роковых выстрелов Европа оказалась втянутой в четырехлетнее кровопролитие, в котором сербам, кстати сказать, предстояло потерять большую долю населения, чем любой другой стране. Тем не менее террорист Принцип добился своей цели. Его выстрелы развязали войну, которой суждено было уничтожить Австро-Венгерскую и Османскую империи и привести к возникновению нового государственного образования во главе с Сербией, включившего в себя Черногорию, Боснию, Хорватию, Албанию, Македонию и Венгрию.

Только при Галлиполи в 1915 году, в битве, которая стоила Первому лорду Адмиралтейства Уинстону Черчиллю его поста, османам сумели нанести поражение армиям союзников. Но в 1917 генерал Алленби вступил в Иерусалим — впервые за восемь веков исламского владычества Святой землей, а Лоуренс Аравийский возглавил восстание, освободившее арабов от османского правления.

Однако обещания, которые Лоуренс давал арабам, были проигнорированы. Британская и французская империи поделили между собой Сирию, Ливан, Палестину и Ирак и согласились на мандат Лиги Наций на этих территориях. Еще более унижительным для ара-

бов оказалось заявление лорда Бальфура, который в ноябре 1917 года сообщил, что «правительство Его Величества с одобрением относится к возможности создания еврейского государства в Палестине».

Давайте оценим потрясения, постигшие одну из величайших и древнейших в мире империй всего за одно столетие. В 1800 году Османская империя простиралась на три континента. Но к 1919 году, после того как союзники закончили согласовывать условия Версальского договора, Марокко поделили Испания и Франция, Алжир и Тунис отошли Франции, Ливия была итальянской колонией, Египет и Судан находились под протекторатом Британии, Ливан и Сирия управлялись Францией по мандату Лиги Наций, в Палестине, Заиорданье, Кувейте и Ираке, а также в Адене и на восточном побережье Аравии распоряжалась Британия, да и в Персии британское влияние было неоспоримым. Независимыми исламскими государствами остались лишь Йемен и Хиджаз.

В самой Турции Кемаль Ататюрк отменил халифат, символизировавший единство правоверных, и объявил страну светским государством.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМА

Хотя Версальский договор существенно расширил пределы Британской и французской империй, Великая война подорвала могущество этих стран и дух народов. Погибло три четверти миллиона английских солдат, потери Франции были почти вдвое выше. К тому же джинна уже выпустили из бутылки: «могильщик империй» Вудро Вильсон прибыл в Париж, чтобы проповедовать «самоопределение» для всех народов планеты.

Государственный секретарь Роберт Лэнсинг предугадал возможные последствия этой проповеди: «Эта фраза (насчет самоопределения) буквально заминирована! Она возбуждает надежды, которые невозможно реализовать... Как жаль, что эта фраза вообще прозвучала! Сколько бед она принесет!»

Вскоре после того, как замолчали пушки на Западном фронте, стали очевидны признаки близкого восстания в Египте и Индии. Западные империи держались за Северную Африку и Ближний Восток до 1945 года, когда внезапно арабские и другие исламские народы восстали, требуя независимости.

В 1948 году англичане оставили Палестину. Через четыре года армейские полковники совершили государственный переворот в Египте. Королю Фаруку велели не возвращаться в страну. В 1958 году произошла революция в Ираке, тело молодого короля Фейсала проволокли по улицам Багдада. К 1962 году, когда завоевал независимость Алжир, Марокко и Тунис уже успели освободиться от колониального владычества. В 1969 году король Ливии Идрис был смещен двадцатисемилетним полковником Каддафи. В 1974 году император Эфиопии лишился трона и был убит. Прозападно настроенного шаха Ирана свергли в 1979 году. Спустя несколько десятилетий после победы союзников во Второй мировой войне западные империи покинули исламские земли. И ныне на Ближнем Востоке «шатка оставленная почва»*.

Уже сменились два поколения, живших в независимости, но и сегодня трудно выделить хотя бы одно арабское или другое исламское государство на Ближ-

* У. Шекспир. Генрих IV. Часть II. Перевод Б. Пастернака.

нем или Среднем Востоке, сумевшее добиться успеха по западным стандартам.

Египтом на протяжении полувека правили офицеры: Насер, Садат, Мубарак. Повсюду бедность, Каир полностью зависит от туризма и американской помощи. Турция пережила несколько военных переворотов и получила девятнадцать займов Международного валютного фонда (МВФ). В Иране заправляют муллы, дважды проигравшие на всенародных выборах. Саудовская Аравия полагается на США, а ее нефтяные запасы — едва ли не единственный источник дохода.

После поражения в войне в Заливе Ирак в 2003 году был оккупирован американскими и английскими войсками. Алжир раздирает гражданская война между фундаменталистами и военными, уже унесшая сто тысяч жизней. Монархия Марокко чувствует себя неуютно. В Ливии по-прежнему у власти Каддафи. Судан, выражаясь поэтическим языком, поглощен тьмой. Иордания, 60 процентов населения которой составляют палестинцы, принадлежит к числу беднейших стран региона, несмотря на постоянную помощь Запада. Кувейт и прочие эмираты Залива купаются в богатстве, но стратегически все равно остаются зависимыми от США.

За вычетом нефти, совокупный экспорт двадцати двух арабских стран сравним с экспортом одной Финляндии. Их совокупный ВВП меньше ВВП одной Испании. Большая часть населения прозябает в бедности, процветание и богатство доступны крайне узкому кругу привилегированных.

Арабские страны значительно отстают по условиям жизни, уровню промышленного развития и технологиям не только от развитых индустриальных государств; их далеко опередили «азиатские монстры» —

Тайвань, Южная Корея и Сингапур, которые еще пятьдесят лет назад балансировали на грани нищеты. Лишь страны по другую сторону Сахары деградировали сильнее тех, что составляли когда-то ядро могущественной цивилизации.

Нефтяные запасы региона сокращаются из-за все возрастающей выработки. Пускай они пока достаточно велики, но их уже не хватает для поддержания достойного уровня жизни: ведь стремительно растет население, радикализирующееся благодаря нескончаемым призывам имамов к джихаду.

Что касается политического устройства, то после свержения ориентированных на Запад режимов арабские страны сначала обратились к национализму и социализму. Насеровский Египет — классический образец того и другого, несущий основную ответственность за величайшую катастрофу в современной арабской истории — поражение в Шестидневной войне. Все, кто следовал Насеру, от Каддафи в Ливии до Асада в Сирии и Саддама в Ираке, не смогли построить сколько-нибудь успешного общества.

При взгляде на арабский мир в глаза сразу бросаются диктаторы. Генералы, короли, шейхи, аятоллы, пожизненные президенты, которым угрожают асасины и которые опираются на тайную полицию. От Марокко до Пакистана в исламском мире не найти настоящей демократической республики. Ближе всех к последнему варианту государственного устройства подошла Турция (неарабская страна), президент которой Кемаль Ататюрк отделил мечеть от государства и попытался реформировать общество по западным образцам.

В 1979 году после революции аятоллы Хомейни в Иране сформировался первый современный исламист-

ский режим. Утвердилась политическая система, основанная на шариате и управляемая муллами. Судан и Афганистан последовали примеру Ирана — и все три не преуспели. «Талибан» искоренили американцы и войска Северного альянса. В Судане по-прежнему бушуют гражданская и межнациональная войны, в которых уже погибло свыше двух миллионов человек, а иранцы дважды голосовали против мулл.

Реализованный на практике в Афганистане, Судане и Иране, ислам проиграл. Как идеология, он не пользуется такой широкой поддержкой, как антизападные настроения, среди молодых. Иран не сумел наладить экспорт революций. Там, где исламские политики получают власть в результате выборов, как в Турции, они вынуждены избегать радикальных высказываний и действий. Что до Запада, вряд ли плакаты с изображением очередного аятоллы заменят плакаты с Че Геварой в студенческих общежитиях.

У исламского мира сегодня два пути: путь Хомейни и путь Ататюрка. Борьба развернется между исламом и секуляризмом, между аятоллами и имамами с одной стороны и ориентированными на Запад политиками и офицерами — с другой. Народы региона пока не знают, кому отдать предпочтение. Современная Турция — светское государство, молодежь которого декларирует исламские лозунги. Иран — государство исламистское, пытающееся уберечь молодых от «светских приманок» Запада, к которым они тянутся.

Арабские страны также оказались несостоятельными в военном отношении. Пять раз их побеждало крохотное государство с населением в пять миллионов человек. Будучи не в состоянии воевать с США и Израилем в открытую, исламские радикалы прибегли к орудию слабых — терроризму.

ЧТО ПОШЛО НЕ ТАК?

Оглядываясь в прошлое, никто не усомнится в том, что ислам породил цивилизацию, восемь столетий, от смерти Мохаммеда до открытия Америки, превосходившую христианский Запад. Бернард Льюис пишет:

«На протяжении многих веков ислам находился в авангарде человеческой цивилизации. С точки зрения мусульман, ислам и есть цивилизация, а за его пределами — только варварство и неверие...

В период между закатом античности и расцветом современности, то есть в эпоху, которую в европейской истории принято называть Средневековьем, притязания ислама были вполне обоснованными».

Уоррен Кэрролл согласен с этим выводом. Пока христианские народы в основном оставались неграмотными, ислам «распространялся семьсот лет подряд, овладел Балканами и венгерскими степями, едва ли не оккупировал Западную Европу в целом благодаря своему материальному и интеллектуальному превосходству». Тем не менее именно христиане открыли Новый Свет и проложили морские пути в Вест-Индию, Китай и Японию в обход Оттоманской империи. Этими путями отправились миссионеры и купцы, а затем — солдаты и гражданские служащие, необходимые для управления империями.

Один из главнейших вопросов истории заключается в следующем: почему исламская цивилизация после поражений при Лепанто и Вене столь быстро пришла в упадок? Почему Запад не только превзошел ее, но завоевал и колонизировал? Почему она отстала в

своем развитии? Целое тысячелетие мусульмане смотрели на европейцев, как римляне — на германские племена, то есть как на варваров. За сто лет до Йорктауна* Оттоманская империя была могущественнее любой другой страны. Но в XVIII и XIX столетиях исламская цивилизация была фактически растоптана Западом.

Некоторые утверждают, что ислам сдерживал развитие Оттоманской империи, не позволяя ей совершенствовать оружие, науку, технологии, промышленность, коммуникации, флот и форму правления. Но как может вера быть причиной упадка, когда на протяжении тысячи лет она оставалась опорой самой просвещенной культуры и самой развитой цивилизации на Земле? Отделение церкви от государства привело к возникновению либерального общества, но теократии отнюдь не всегда являются неудачными государственными проектами. Католическая Испания времен Изабеллы властвовала над Европой, равно как и протестантская Англия при Елизавете I, а в Европе после Второй мировой войны большой популярностью у избирателей пользуются партии христианских демократов.

Вместо того чтобы искать ответ на вопрос: «Что пошло не так?» в себе, исламские лидеры, как пишет Б. Льюис, смотрят вовне и требуют ответа на вопрос: «Кто с нами так поступил?» И подобно тому, как африканские режимы винят давно ушедших европейских колонизаторов во всех своих бедах, арабы и другие мусульманские народы обвиняют монголов, турок, евреев, англичан и американцев.

* Деревня в США, битва у которой в 1791 году, завершившаяся победой союзников над англичанами, фактически положила конец Войне за независимость.

Впрочем, в последние годы исламские народы испытывают не только унижения, но и радость победы. За последние четверть века исламские экстремисты нанесли серьезный урон европейским «оккупантам». Алжирские повстанцы тактикой партизанской войны добились ухода французов. Один-единственный террорист, взорвавший грузовик со взрывчаткой, уничтожил 241 морского пехотинца и заставил президента Рейгана вывести американские подразделения из Бейрута. В засаде в Могадишо погибли 18 солдат элитного подразделения американских войск, десятки получили ранения, а экспедиционный корпус был вынужден уйти из Сомали. Два дерзких террориста направили моторную лодку на эсминец ВМС США «Коул» в гавани Адена, встали, отдали честь — и взорвали лодку, погубив девятнадцать моряков и едва не потопив корабль стоимостью в миллиард долларов.

Афганские моджахеды с американским оружием в руках и готовностью умереть за Аллаха и свою страну нанесли СССР единственное военное поражение в его истории, поражение, обернувшееся коллапсом империи и гибелью сверхдержавы. «Хезболла» заставила израильтян, победивших в «настоящих» войнах с арабами, бежать из Ливана поджав хвост.

ПОЧЕМУ ОНИ НАС НЕНАВИДЯТ?

Когда 11 сентября 2001 года террористы направили самолеты на башни Всемирного торгового центра и на Пентагон, американцев шокировало то, сколько людей в исламском мире повторяли: «Америка это заслужила!»

Что же мы сделали, чтобы заплатить за это жизнями трех тысяч наших сограждан? Почему от Пале-

стины до Пакистана прокатились демонстрации в поддержку «Талибана»? Почему миллионы мусульман восхищаются Осамой? Почему исламские радикалы ненавидят нас настолько, что готовы пожертвовать жизнью, если появляется возможность убить кого-то из нас? Они же не рассчитывают на победу над США, правда? Может, они обезумели?

«Почему они нас ненавидят?» — спрашивали американцы после 11 сентября. Президент Буш дал понять, что его изумляет такое отношение:

«Я поражен тем, что ряд исламских стран выражает такую ненависть к Америке... Я поражен тем непониманием наших действий, которое демонстрирует эта ненависть... Подобно большинству американцев, я не могу в это поверить. Я же знаю, что мы не имели злых умыслов».

Когда исследователи стали искать другие ответы, их обвинили в «неуважении к Америке», в том, что они вторят вражеской пропаганде и пытаются переложить на нашу страну ответственность за преступления террористов.

На нас напали, заявил «National Review», потому что мы «могущественны, богаты и доброжелательны». Наши враги «ненавидят нашу демократию, наш либеральный рынок, наше процветание и экономические возможности, против которых и направили свою атаку террористы», — прибавил Джек Кемп.

«Они ненавидят именно то, что мы наблюдаем здесь и сейчас, — демократически избранное правительство, — поведал президент Буш Конгрессу. — Они ненавидят наши свободы, свободу вероисповедания, свободу слова, свободу выбирать, свободу не соглашаться с другими».

Организация «Американцы за победу над терроризмом», филиал «Американской помощи», декларировала в своем программном документе: «Радикальные исламисты напали на нас из-за наших демократических идеалов, нашей веры в свободу и равенство, реализуемой на практике».

Со всем уважением должен сказать, что эти объяснения оскорбляют даже интеллект второклассника. Неужели японцы напали на нас в Перл-Харборе потому, что мы были свободны, богаты и добры и имели низкие маргинальные налоги? Что такое с нами, американцами, что нам нередко не хватает того самого дара, который поэт Роберт Бернс назвал величайшим даром богов, — умения видеть себя такими, какие мы есть?

Нас ненавидят не потому, что мы есть. Нас ненавидят за то, что мы делаем. Отнюдь не наши принципы вызвали пандемию ненависти к Америке в исламском мире. Причина — в нашей политике.

Ничто не может оправдать преступления, совершенного 11 сентября. Ничто. И нам ни к чему пространные извинения и мольбы о пощаде тех, кто убил наших сограждан. Они заслуживают того наказания, которое получили. Но сегодня, после искоренения «Талибана», бегства бен Ладена и оккупации Ирака, мы должны задуматься над тем, почему исламские народы желают видеть Соединенные Штаты униженными и даже уничтоженными. Если мы хотим избежать столкновения цивилизаций, которое не сулит выгоды никому, нам следует прислушаться к тому, что говорят мусульмане — а не мы сами — по поводу Америки.

С точки зрения мусульман, мы виноваты в следующем.

1. Мы восхваляем демократию и права человека, однако поддерживаем диктаторов и олигархов, кото-

рые угнетают исламские народы и разворовывают их богатства.

2. Перебросив тысячи американских солдат, в особенности женщин, на священную почву Аравии, мы оскорбили арабов и осквернили землю, на которой расположены святыни ислама. Как пишут Иэн Бурума и Авишаи Маргалит, авторы книги «Окцидентализм: Запад глазами его врагов», «истинные ваххабиты, подобные Осаме бен Ладену... восприняли присутствие американских женщин в Саудовской Аравии как кощунство. Для него и его последователей это действие равнозначно тому, как если бы американцы прислали храмовых проституток защищать лишившихся мужества правителей Саудовской Аравии».

3. Американская неоязыческая культура — алкоголь, наркотики, аборт, «грязные» журнальчики, кощунственные книги, непристойные фильмы, дьявольская музыка — есть сатанинский соблазн, развращающий правоверных мусульман.

4. Американцы лицемерно пользуются политикой двойных стандартов во взаимоотношениях с арабами и Израилем. Мы наложили эмбарго на Ирак и осуществляли его блокаду, которая стоила жизни десяткам тысяч иракских детей, потому что Саддам отказался выполнять резолюции ООН. При этом мы помогали Израилю избегать выполнения этих резолюций, захватывать арабские поселения и лишать палестинцев того самого права, которое Америка клянется защищать.

5. Мы напали на суверенное арабское государство, которое на нас не нападало, не желало с нами войны и не могло оказать нам сопротивления, и оккупировали его под предлогом того, что Ирак причастен к ужасным событиям 11 сентября 2001 года и реализует программу создания оружия массового уничтожения для нападения на США. Этой ложью мы прикрывали свое стремле-

ние завладеть нефтяными запасами Ирака, уничтожить независимое арабское государство и распространить сферу американского влияния на Ближнем Востоке.

В глазах миллионов мусульман мы олицетворяем собой «империю зла».

Даже перечислять эти обвинения означает вести себя абсолютно непатриотично. И все же, поскольку мы — новый Рим, нас никогда не полюбят, поэтому мне представляется откровенной глупостью нежелание понять, что движет теми, кто ненавидит нас настолько, что аплодирует убийцам наших сограждан.

«Узнав своего врага, узнаешь себя, в тысяче сражений, в тысяче побед», — наставлял Сунь-цзы. Если мы должны сражаться с этими людьми, нам нужно понять, почему они нас ненавидят, — а мы предпочитаем успокаивать себя рассуждениями, что, дескать, на нас напали 11 сентября из-за нашей доброты! Да, теракты суть зло, но они не были ни бессмысленными, ни иррациональными. Это были целенаправленные действия, рассчитанные на то, чтобы унижить нас, уязвить, спровоцировать нас на ответ, способный привести к войне цивилизаций, о которой мечтает «Аль-Кайеда».

Оккупировав суверенную арабскую страну, непричастную к событиям 11 сентября, не нападавшую на нас и не имевшую оружия массового уничтожения, мы сыграли на руку бен Ладену. Мы подарили мусульманам от Марокко до Малайзии повод объединиться и дали им объединительный лозунг: «Американцы, вон из Ирака!»

Чтобы понять врага, мы должны прислушаться к его словам. В статье 1998 года «Лицензия на убийство», опубликованной в «Foreign Affairs», Бернард Льюис тщательно проанализировал декларацию войны против Америки, обнародованную в Лондоне арабской газе-

той. Льюис охарактеризовал эту «Декларацию Всемирного исламского фронта джихада против евреев и крестоносцев» как «великолепный образчик цветистой и местами даже весьма поэтической арабской прозы».

Автором текста был Осама бен Ладен, в ту пору разыскивавшийся по обвинению в подрыве наших посольств в Кении и Танзании. Он начал свою декларацию с цитирования наиболее воинственных отрывков из Корана, а затем заявил, что американцы — это новые крестоносцы:

«С тех пор как Аллах создал Аравийский полуостров... не выпадало на нашу долю испытания горше, нежели нашествие этих крестоносных орд, что растекаются саранчой, топчут нашу почву, пожирают ее плоды, разрушают ее плодородие; и происходит это в те дни, когда государства мира борются с мусульманами, точно голодные дерутся за место у тарелки с едой...

Вот уже восьмой год Соединенные Штаты оккупируют земли ислама, самую священную его территорию, Аравию, грабят ее, подавляют местных правителей, унижают народ, угрожают соседям, используют базы на полуострове, чтобы наносить удары по соседним исламским государствам...»

Вот первое обвинение против нас: мы — христианская империя, грабящая арабов, и наши сапоги — сапоги неверных! — топчут священную землю Хиджаза. Затем Осама обвинил Америку и Израиль в подготовке новой войны ради уничтожения Ирака и покорения всех мусульман:

«Невзирая на чудовищные разрушения, причиненные Ираку союзом крестоносцев и евреев, невзирая на бесчисленные жертвы, превышающие миллион человек, аме-

риканцы... намерены повторить эту бесчеловечную бойню. Мнится, будто недостаточно им продолжительной блокады после яростной битвы, после всех увечий и разрушений. И снова они идут, дабы уничтожить то, что осталось, истребить иракский народ и утратить его соседей...

Америка в этих войнах преследует цели экономические и религиозные, а еще содействует ничтожному еврейскому государству, отвлекая внимание мирового сообщества от захвата Иерусалима и убийств мусульман на улицах города».

Эти преступления, по Осаме, «свидетельствуют о том, что Америка объявила войну Аллаху, Пророку и всем мусульманам». Поэтому джихад против Америки есть священная обязанность каждого мусульманина.

Далеко не все мусульмане согласны с этим выводом. Но среди миллиарда мусульман на планете найдутся десятки миллионов согласных — в том числе в Саудовской Аравии, в Иордании, Кувейте, Египте и Пакистане; не будем забывать и о 5 или 6 миллионах мусульман во Франции и о 10 миллионах в Великобритании, Германии, Италии, Испании и других государствах Европейского союза. В завершение своей декларации Осам изложил фетву:

«Убивать американцев и их союзников, военных и гражданских, — обязанность каждого мусульманина, буде он в силах это сделать, в любом месте, где это окажется возможным, пока мечети аль-Акса [в Иерусалиме] и Харамам [в Мекке] не освободятся от чужеземного присутствия и пока их армии, разгромленные и побитые, не покинут земли ислама, утратив способность угрожать мусульманам...

По воле Аллаха мы призываем каждого мусульманина, верующего в Господа и уповающего на награду,

повиноваться Аллаху и убивать американцев и грабить их, где, как и когда он найдет это возможным. Также мы призываем мусульманских улемов, вождей, молодежь и воинов противостоять армии американских шайтанов и нападать на них и на тех, кто заодно с ними, кто из числа пособников дьявола».

В своей декларации Осама отождествляет себя со стремлением очистить исламский мир от скверны и одновременно использует популистские и националистические лозунги — избавить Ближний Восток от марионеточных, посаженных Америкой режимов, вытеснить Израиль с арабских территорий, покончить с разграблением богатств Аравии, поддержать Ирак, который крестоносцы хотят поставить на колени.

Чтобы победить бен Ладена и разгромить «Аль-Кайеду», США следовало сузить рамки конфликта и изолировать эту организацию и ее предводителя от всех исламских «центров силы», как это было сделано в Афганистане, где наши действия поддерживали Ливия, Иран, Пакистан и даже Судан. Вместо этого, послушавшись неоконсерваторов, Буш вторгся в Ирак, объединил против нас арабский мир, изолировал нас от Европы и реализовал изложенные в письме бен Ладена пророчества. Мы выиграли войну за три недели — и, возможно, потеряли мусульманский мир на целое поколение.

По данным социологического опроса, проведенного через год после вторжения в Ирак, 31 процент турок, 46 процентов пакистанцев, 66 процентов марокканцев и 70 процентов иорданцев были согласны с тем, что нападения террористов-смертников на американские посты в Ираке оправданны. Население всех четырех стран уверено в том, что после вторжения жизнь в Ираке стала хуже, чем при Саддаме. В каждой ис-

ламской стране, по данным опросов, немало людей высказывается за ужесточение сопротивления оккупантам. Бен Ладена поддерживают 45 процентов марокканцев, 55 процентов иорданцев, 65 процентов пакистанцев, и только 7 процентов из числа опрошенных в Пакистане одобряют действия президента Буша.

В Палестине 71 процент опрошенных — рейтинг выше, чем у Арафата, — доверяют Осаме бен Ладену. Отрицательное отношение к президенту Бушу в частности и Америке вообще достигло в исламском мире исторического максимума.

Осама и его продолжатели бросают семена в плодородную почву. После его фетвы, после этого призыва убивать американцев мы не можем не преследовать его, не пытаться уничтожить самого бен Ладена и его присных прежде, чем они снова убьют наших соотечественников. Да, мы настороже. Осама повторяет те же обвинения, которые бросали нам враги Запада на протяжении всего двадцатого столетия. Цена оккупации, цена имперских амбиций — террор. Исламские террористы устроили 11 сентября у нас, потому что мы пришли к ним. Самоубийцы атаковали нас в Нью-Йорке по той же причине, по которой были атакованы казармы морской пехоты в Бейруте. Мы ввязались в религиозную гражданскую войну — их войну, и они хотят, чтобы мы перестали вмешиваться.

Пятнадцать террористов из Саудовской Аравии направили самолеты на Всемирный торговый центр не потому, что им не нравился Билль о правах. Они хотели, чтобы мы перестали топтать священную аравийскую землю и ушли с Ближнего Востока.

Нам нужно ответить для себя на следующие вопросы. Обеспечит ли массированное военное присутствие США в исламском мире победу в войне, объявленной нам террористами, — ведь такова заявленная

цель? Окупает ли постоянное имперское присутствие в этом регионе непрекращающиеся террористические акты против граждан США? Успевают ли американские военные в Ираке убивать больше врагов, чем они создают новых? Какие интересы в этом регионе — нефть, базы, имперские амбиции — вынуждают нас рисковать атомной бомбардировкой собственной территории? Мы должны ответить на эти вопросы, потому что если террористы раздобудут ядерное оружие, они непременно попытаются доставить его в Соединенные Штаты и использовать по назначению.

КТО ЖЕ ВРАГ?

Кто же является настоящим врагом Америки в ее войне с терроризмом? И что требуется для победы над этим врагом? Враг ли нам ислам? Если так, шансов победить у нас меньше, чем в «холодной войне». В отличие от марксизма-ленинизма, просуществовавшего всего семьдесят лет, за исламом четырнадцать веков истории и он отнюдь не умирает — наоборот, стремительно набирает силу. «В 22 арабских странах население составляет 280 миллионов человек, и при постоянном увеличивающемся уровне рождаемости к 2020 году эта цифра составит от 410 до 459 миллионов», — пишет Томас Фридман.

Ислам — наиболее активно развивающаяся религия в Европе. Церкви и соборы пустеют, тогда как мечети исправно заполняются. Численность мусульманского населения в Европе растет благодаря эмиграции и высокому уровню рождаемости. Мусульмане начинают оказывать влияние на отношение Европы к политике США на Ближнем Востоке. «Евроцид» континенту пока не грозит, ислам в Европе воспринимается доб-

рожелательно. В самих Соединенных Штатах, где мусульмане составляют 1 процент населения, они чувствуют себя все более уверенно и приветствуют интерес к своей вере.

Самый серьезный противник современного ислама, противник, крадущий мусульманских детей, — отнюдь не христианство, а культура MTV, светская вера Америки в свободу, индивидуализм, потребление и гедонизм. Пусть расцветают сто цветов и продолжают хорошие времена...

Советские идеологи делили земной шар на «зону мира», где восторжествовал коммунизм, и «зону войны» за пределами коммунистического лагеря. Ислам делит земной шар на *дар ал-ислам* (мир ислама) и *дар ал-харб*, территорию войны, обитель неверных. Почти повсеместно сегодня исламский мир соприкасается с дар ал-харб — будь то Филиппины, Индонезия, южный Таиланд, Кашмир, китайская провинция Синьцзян, бывшие советские республики Средней Азии и Кавказа, Чечня, Косово, Босния, Македония, Палестина, Ливан, Судан или Нигерия — вдоль того, что гарвардский профессор Сэмюэль Хантингтон назвал «кровавыми границами». Воины ислама сходятся с индийцами, китайцами, русскими, сербами, израильянами и западными христианами в джихаде, главным оружием которого является террор.

«Как следует из мировой истории, распространение ислама никогда не шло мирным путем, — пишет специалист по международным отношениям Уильям Линд. — Сегодня мученической смертью погибают больше христиан, чем во времена Римской империи, и большинство лишается жизни от рук воинов ислама».

Чтобы победить веру, нужна иная вера. Воины ислама гибнут ради того, чтобы враг оказался изгнан из исламского мира, а Запад, судя по всему, остается рав-

нодушен к избиениям христиан в мусульманской среде. Мусульмане полны скорби и ненависти, Запад же изнемогает от чувства вины. Мы восхваляем равенство всех вероисповеданий. Там, где ислам доминирует, он отвергает равенство, ибо по его канонам существует лишь одна истинная вера. Ислам позитивен и агрессивен, а Запад политкорректен и готов извиняться по любому поводу — за крестоносцев, за завоевания, за империи.

Но исламский фундаментализм не представляет для Америки прямой и явной угрозы. Да и подразделениям армии США вряд ли удастся победить воинственную веру. Если ислам на подъеме, а его сыны готовы умереть во имя расширения территории дар ал-ислам и готовы прибегнуть к террору, чтобы изгнать нас со своей земли, как мы можем победить? Это не удалось ни одной из западных империй.

Если столкновение цивилизаций неизбежно, Запад вступит в него, имея неоспоримое превосходство в богатстве и вооружении. Но богатство не уберегло от краха европейские империи прошлого, а битком набитые арсеналы не спасли советскую империю. Рим был могуч, христианство слабо. Христианство уцелело и восторжествовало, Рим же пал.

Враг Америки — не государство, которое мы можем задушить экономическими санкциями; этого врага не одолеть и силой оружия. Враг — идея, принцип, идеология. Как пишет Майкл Вламос:

«Террористическая сеть представляет собой кольцо воинственных субкультур, выражающих интересы крупного политического течения внутри ислама не больше и не меньше, чем своего рода "цивилизации в цивилизации", настроенной против существующих суннитских режимов. "Террористы" не более чем простые исполнители.

В этом движении существенную и даже принципиальную роль играют миллионы симпатизирующих и одобряющих. Большинство пассивно, однако здесь чрезвычайно важна и пассивная поддержка».

Дэниел Пайпс добавляет: «Враг — воинствующий ислам». Нет, возражает Влахос, это слишком широкое определение; объявить войну воинствующему исламу — значит создать себе весьма серьезные проблемы:

«Если Соединенные Штаты предложат начать войну с воинствующим исламом, весь исламский мир может интерпретировать это предложение как объявление войны мусульманам в целом... Политики должны заставить США ограничить рамки. Можем ли мы победить врага, которого боимся назвать?»

Президент Буш приложил немало усилий, убеждая исламский мир в том, что ислам является «религией мира» и потому не может считаться врагом Америки. Когда ведущий Си-Эн-Эн Лу Доббс назвал наших врагов «исламистами», его заклевали со всех сторон. Можем ли мы победить врага, которого боимся назвать?

Террористы приписывают себе самые благородные цели и совершают свои атаки под самыми громкими лозунгами: борьба с сионизмом, империализмом и американским влиянием, поддержка палестинцев, собственное каждому правоверному мусульманину стремление очистить дар ал-ислам от разлагающего воздействия западной культуры, этого рокового духовного наркотика, губящего молодежь. Спекулируя на этих лозунгах, исламисты добиваются одобрения своей деятельности у миллионов мусульман.

Война, в которую мы вступили в Афганистане и Ираке, есть, тем самым, религиозно-гражданская вой-

на, победитель которой станет управлять исламским миром. Либо это будут правительства, ориентированные на Америку, либо режимы «истинно верующих», поклявшихся избавить родную землю от сионистов, неверных, христиан и коллаборационистов. Сегодня борьба за сердца и души мусульман ведется между Ататюрком и Хомейни.

ВОЙНА, В КОТОРОЙ НЕВОЗМОЖНО ПОБЕДИТЬ?

Терроризм — это война бедных; война — это терроризм богатых.

Сэр Питер Устинов

Президент Буш подробно объяснил, почему мы должны воевать с террористами, но так и не сумел назвать наших врагов поименно. Ведь в отличие от гитлеровской Германии или Японии императора Хирохито, террористы — не государство, не режим и не регулярная армия. Терроризм — это тактика, даже технология, это оружие, к которому прибегали на протяжении всей истории человечества фанатики, диктаторы и отчаявшиеся воины. Если, как писал Клаузевиц, война есть продолжение политики иными средствами, то терроризм есть продолжение войны иными средствами. Историк Дэниел Пайпс пишет:

«Терроризм — это тактика боевых действий, используемая различными группами и отдельными личностями в разных уголках мира для достижения собственных целей. Говорить о войне с терроризмом — все равно что рассуждать о войне с оружием массового уничтожения. Нужно знать, кто им обладает, кто собирается его использовать и по каким причинам...»

Обозреватель «Нагрег» Льюис Лэпем не менее скептичен в отношении войны с терроризмом: «Подобно арабскому джихаду против капитализма, американский джихад против террора не может закончиться ни победой, ни поражением; точнее, он вообще бесконечен. С тем же успехом мы можем отправить 101-ю воздушно-десантную дивизию воевать с похотью, уничтожить алчность и захватить грех гордыни». Другой обозреватель, Уильям Пфафф, добавляет: «Буш совершил роковую ошибку, объявив после событий 11 сентября 2001 года войну против терроризма. Это ввергло Америку в войну, в которой не бывает победителей».

По мнению Збигнева Бжезинского, объявление войны против терроризма аналогично тому, как если Великобритания и Франция после нападения Гитлера на Польшу объявили бы войну блицкригу.

Что такое терроризм? На Иерусалимской конференции 1979 года терроризм определили как «преднамеренное, систематическое истребление невинных, причинение им урона и угрожение таковым для распространения паники с целью достижения политического или тактического преимущества». В своем докладе о национальной стратегии в 2002 году президент Буш назвал террор «осознанным, политически мотивированным насилием, направленным против мирного населения». И прибавил: «Терроризму нет оправдания».

Биньямин Нетаньяху, брат которого погиб в июле 1976 года в ходе операции по спасению израильских заложников в Энтеббе, писал:

«О терроризме говорит одно и только одно — сама природа поступка. Террористы систематически и преднамеренно убивают мирных жителей. Они сознательно переходят границы допустимой жестокости в боевых действиях, определенные военными конвенциями, которые

основаны на принципах морали. Они стремятся уничтожить как можно больше гражданских. Такого поведения нельзя оправдать ничем. Терроризм — преступление против человечества».

Однако специалист по международной политике Майкл Влахос утверждает, что термины «терроризм» и «террорист» представляют собой «словесные ярлыки», которыми находящиеся у власти награждают своих противников:

«Впервые понятие "терроризм" было использовано в 1795 году, во время так называемого Царства террора, когда британские политики называли террористами (от французского *terroriste*) законное правительство Франции. Они преследовали цель делегитимизировать Французскую республику как "нецивилизованную" и, следовательно, криминальную. Разумеется, большинство "старорежимных" европейских монархий уже находилось в состоянии войны с Францией и не преуспело в попытках восстановить французский трон силой штыков. Поэтому остроумцы наподобие Эдмунда Берка прилагали массу усилий, дабы иными способами лишить действия санкюлотов ореола законности. Отсюда вовсе не следует, что Робеспьер был образцом политического лидера; но обстоятельства таковы, что слово "терроризм" использовалось — и используется по сей день — для того, чтобы поставить врага "ниже закона"».

Допустим, Берка не стоит называть «остроумцем», а Робеспьер и сам рассуждал о терроре, однако Влахос прав в том, что на протяжении двадцатого столетия правительства разных стран именовали «террористами» борцов за независимость, дабы поставить их вне

закона и оправдать свое нежелание внять их требованиям. «Мы не ведем переговоров с террористами!» — таков типичный ответ политического лидера, столкнувшегося с террором.

Едва президент Буш объявил о начале войны с терроризмом, Россия стала именовать террористами чеченских повстанцев, а Китай навесил этот ярлык на мусульман-уйгуров, требующих автономии района Синьцзян. Индия называет террористами исламистов, ратующих за отсоединение Кашмира. Шарон причислил к террористам Арафата, чтобы подчеркнуть, что с этим человеком Израиль не будет вести переговоры, хотя Арафат поддерживал переговорный процесс с четырьмя предшественниками Шарона и разделил с двумя из них, Ицхаком Рабином и Шимоном Пересом, Нобелевскую премию мира.

Злонамерен ли терроризм? Безусловно. Но когда Черчилль приказал британским секретным службам «воспламенить Европу», агенты начали применять вполне террористические методы — подрывы железнодорожных путей, убийства немецких пилотов и офицеров других родов войск, взрывы зданий, казни коллаборационистов. Французские «маки» и итальянские партизаны использовали ту же тактику. Для союзников они были героями справедливой войны, их подвиги стали сегодня легендами.

После войны тактикой, которую применяли против японцев и немцев, воспользовались сионисты против англичан, вьетнамцы и алжирцы против французов, боевики Манделы против белого правительства Южной Африки.

Если та или иная война представляется Западу справедливой, западные лидеры достаточно терпимо относятся к методам ведения этой войны со стороны союзных сил. В уничтожении «Талибана» Соединен-

ным Штатам помогали в том числе Иран, Судан и Ливия. Государственный департамент считает все эти страны спонсорами международного терроризма. Войска Северного альянса, руки командиров которого по локоть в крови, содействовали американцам во взятии Кабула.

Во время войны в Заливе Америка приняла помощь Хафеза Ассада, армия которого расправилась с двадцатью тысячами повстанцев в Хаме. Неужели отец нынешнего президента заключил союз с одним террористом, Асадом, чтобы победить другого — Саддама?

Это случилось далеко не в первый раз. Чтобы одолеть Гитлера, Франклин Рузвельт стал союзником Сталина, этого, по выражению Роберта Конквеста, «архитектора Большого Террора». Ричард Никсон нанес визит в Китай и прилюдно восхвалял величайшего среди всех «государственных террористов» — Мао Цзедунa, причем речь ему готовил автор этих строк. Даже самые непримиримые критики Никсона отдавали президенту должное в том, что он «открыл» для нас Китай. «Если вы укрываете террористов, вы сами становитесь террористами», — сообщил президент Буш Конгрессу под аплодисменты наших союзников из Саудовской Аравии, укрывавшей Иди Амина.

Необходимо также сказать следующее. Как пишет обозреватель газеты «Toronto Star» Томас Уолком, терроризм часто добивается успеха:

«История свидетельствует о том, что у террористов есть две маленькие тайны, которые правительства почему-то не спешат раскрывать общественности. Во-первых, терроризм почти невозможно предотвратить — если, конечно, не вести серьезную и систематическую борьбу с его причинами. Во-вторых, и это случается довольно часто, террористы добиваются своего».

КОРНИ ТЕРРОРИЗМА

Еще до того, как римляне предали Карфаген огню и мечу, террористы уже существовали. Сегодня можно выделить четыре разновидности террора.

1. Государственный терроризм, *ultima ratio* таких политических лидеров, как Ленин, Сталин и Мао, — способ добиться повиновения широких масс. «Застрели одного, и запугаешь тысячу», — говаривал Сталин. В «Диалоге мелийцев» Фукидид рассказывает о том, что жители острова Мелос, союзники Спарты, отказались удовлетворить требования афинян и те, действуя «из государственных соображений» и чтобы преподать урок непокорным, убили всех мужчин на острове, а женщин и детей продали в рабство.

2. Революционный террор, оружие не имеющих власти, используемое против режимов, которые невозможно победить в открытом бою.

3. Военный террор, метод Сципиона Африканского, примененный в Карфагене, а впоследствии успешно использовавшийся Красной армией для умирения Европы. «Война против гражданских лиц является неотъемлемой характеристикой военных традиций Запада со времен разорения Карфагена Римом», — пишет Майкл Игнатъевф. Уолком добавляет: «Терроризм — старинная тактика боевых действий; вспомним средневековый обычай выставлять над стенами замком насаженные на пики головы врагов или нападения на мирные поселения и истребления женщин и детей, практиковавшиеся в XVIII в. в пограничных войнах англичан и французов в Канаде».

4. Анархический террор, нигилистическое и бессмысленное уничтожение невинных. Его еще называют символическим, поскольку чудовищная жестокость по-

добных терактов ведет к драматическим последствиям. «Террористический акт нередко является отличным средством самовыражения, а не просто способом добиться той или иной политической цели», — писал Мальро в «Судьбе человека».

Сам термин возник, как упоминалось, в годы Великой французской революции. Историк Стэнли Лумис прослеживает истоки Царства террора до 2 июня 1793 года, дня, когда толпа под предводительством Марата ворвалась в здание Национального собрания в Тюильри и схватила двадцать двух жирондистов, затем отправленных на гильотину; окончанием Царства террора считается 27 июля (9 термидора) 1794 года, когда Робеспьер лишился власти и также был гильотинирован.

После убийства Марата и казни Дантона Робеспьер приобрел единоличную власть в Комитете общественной безопасности. Обвинив в измене, он передавал своих врагов Революционному трибуналу, обладавшему абсолютными полномочиями. Оказаться перед трибуналом означало получить смертный приговор, часто приводившийся в исполнение в тот же день. Удерживая в страхе членов Комитета, которым также пригрозили расправой за измену, Робеспьер и его подручные Сен-Жюст и Кутон сумели добиться того, что Комитет подчинил себе Национальную ассамблею.

Этот Комитет и Революционный трибунал стали первыми инструментами государственного террора в современную эпоху; режим использовал угрозу смертной казни, чтобы устрасить врагов и привести к покорности народные массы. В следующий раз эти инструменты извлекли на свет после того, как к власти в Петрограде в 1917 году пришел величайший из наследников Робеспьера.

Каковы моральные оправдания Царства террора? Кто приготовил для него почву? Ответ прост — философы эпохи Просвещения. Например, Вольтер, подписывавший свои письма фразой «Ecrasez l'infame!» — «Раздавите гадину!», под последней имелась в виду церковь; или Дидро, автор «Энциклопедии», который писал: «Человечество не освободится до той поры, пока последнего короля не задушат кишками последнего священника». Можно вспомнить и Руссо, который подначивал Робеспьера: «Человек рожден свободным, но повсюду он в цепях».

Церковь и корона — вот две тирании, которые удерживали человечество в цепях. Поэтому короля, королеву, паразитическую аристократию Версаля, епископов и священников, утверждавших, что через них с одурманенным народом говорит Бог, следовало искоренить, иначе народ никогда не освободится.

«Короля обезглавили, а священники и монахи сотнями, если не тысячами, жизней расплачивались за грехи инквизиции», — пишет английский историк Д. У. Броган. «Сентябрьская резня» началась со священнослужителей.

Даже великий демократ Томас Джефферсон, судя по всему, одобрял террор. Задолго до падения Бастилии он писал: «Что значат немногие жизни, потерянные на протяжении столетий? Дерево свободы надлежит время от времени поить кровью патриотов и тиранов. Это — естественное для него удобрение».

Словам Джефферсона вторила французская Национальная ассамблея: «Дерево свободы прорастет, только если напоить его кровью тиранов» (Бертран Барер). Джефферсон не отрицал, что меч революции карает и невинных. Однако он верил, что Французская революция сулит всему человечеству грандиозное будущее, а потому не нужно обращать внимания на неизбежные

потери. Он писал другу (этот пассаж считается самым недостойным, самым предосудительным из всего, написанного Джефферсоном):

«Свобода всей планеты зависит от исхода этого противостояния, и достигалась ли когда-либо столь великая цель малым пролитием крови невинных? Моя душа глубоко уязвлена судьбой несчастных мучеников, но во имя того, чтобы добиться успеха, я согласился бы опустошить и половину Земли. Останься в каждой стране всего лишь новые Адам и Ева, одинокие и свободные, это было бы намного лучше, чем сейчас».

Пожалуй, эти слова мог бы произнести не государственный деятель, а санкюлот. Великая цель оправдывает омерзительные средства.

Когда революция низвергла алтарь и трон, рухнул и этический код христианства; вместо него появились новые ценности новой эпохи. Первая и наиважнейшая заповедь «нового завета» гласила: все, что содействует революции, морально; все, что угрожает революции, аморально и подлежит уничтожению без жалости. Революция произвела неизгладимое впечатление на современников. Меттерних говорил: «Если учесть все, что сделано во имя братства, то, будь у меня брат, я бы стал называть его кузеном».

Если Бог не существует, а церковь — грандиозное мошенничество, лишаящее людей свободы, кто способен отныне различить добро и зло?

Ответ — республика. Республике принадлежит верность, некогда достававшаяся королю, и ради республики можно пожертвовать всем. Как Бог Ветхого Завета говорил о Своем единоличном праве истребить Содом, так республика присвоила себе единоличное право покарать Лион. Лумис пишет:

«Лион, второй по величине город Франции, предали мечу. "Пачками", насчитывавшими сотни человек, лионцев волокли на равнину Бротто за пределами городских стен и расстреливали из пушек, кололи штыками и забивали насмерть дубинками. Гекатомба следовала за гекатомбой. Тела сбрасывали в Рону: "Пусть эти окровавленные трупы внушают страх всем, кто живет по берегам реки, и ужаснут трусливый Тулон"».

Робеспьер практиковал государственный террор, который стал якобинским средством достижения абсолютной власти. Впрочем, нас больше интересует террор революционный, террор отчужденных, отчаявшихся, лишенных собственности и страны фанатиков — террор 11 сентября. У этой разновидности террора не менее богатая родословная.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР

К концу девятнадцатого столетия многие молодые русские идеалисты разочаровались в Александре Втором, освободившем крепостных в тот же год, когда Авраам Линкольн опубликовал прокламацию об отмене рабства. Некоторые стремились изменить Россию через «уход в народ», чтобы просветить крестьян и организовать революцию ради создания в России социалистического, демократического общества с равными правами для всех. Однако русские крестьяне, «люди от земли и от сохи», многие столетия существовали в пространстве православия, одобрявшего монархию, и потому охотно передавали революционеров агентам царской охраны. «Западный социализм отскочил от русского народа, как горох от стены», — жаловался один из революционеров.

Неудачные попытки поднять крестьянство заставили радикалов вспомнить о революционном насилии, к которому призывал, в частности, харизматический Михаил Бакунин. Историк У. Брюс Линкольн писал:

«Преданность Бакунина делу революции была общеизвестна. Он сражался на парижских баррикадах в феврале 1848 года, а затем успел поднять красный флаг в Берлине, Франкфурте и Праге. После двух лет в саксонских и австрийских тюрьмах он в 1851 году был выдан России и получил по приговору ссылку в отдаленный восточный район Сибири. Из ссылки он совершил изумительный по дерзости побег, перебрался через Амур, достиг Японии, оттуда двинулся через Сан-Франциско и Панамский перешеек в Панаму, далее в Нью-Йорк и в Лондон, где присоединился к своему другу и соратнику Герцену».

«Какой человек! — восклицал парижский префект полиции. — В первый день революции мы на него едва не молились, а на второй — мечтали расстрелять!»

Биограф Бакунина Э. Г. Карр пишет: «Бакунин призывал к уничтожению всего, что только может быть уничтожено. Он призывал к восстанию — даже там, где восставать против чего бы то ни было не имело смысла».

Главным соперником Бакунина являлся Маркс. Бакунин был анархистом, желавшим уничтожить государство, а Маркс был социалистом, мечтавшим уничтожить капитализм. Бакунин настаивал на том, что революция может начаться в любой момент — достаточно малой искры в какой-либо из реакционных монархий Европы; Маркс объявил, что революцию принесет пролетариат и только после того, как осознает себя и научится организованности. С подавлением Парижской коммуны в *annee terrible*, как назвал Виктор Гюго 1871 год, правота Бакунина оказалась под со-

мнением. Непримируемый анархист писал своей жене: «Мы не приняли во внимание массы, не пожелавшие восстать в борьбе за свободу».

Когда Первый интернационал поддержал Маркса, разочарованный революционер впал в отчаяние; он умер в 1876 году. Но его призыв был услышан. Российская молодежь, называвшая себя народниками, поскольку стремилась к слиянию с народом, начала впитывать бакунинские догмы, а также заветы еще более фанатичного Сергея Нечаева, автора «Катехизиса революционера»:

«Революционер обречен. У него нет интересов, связей, чувств, привязанностей, собственности и даже имени, которое он мог бы назвать своим. Все в нем подчинено одной-единственной цели, одной мысли, одной страсти — революции... Он разорвал всякие связи с законом, правилами, общепринятыми условностями и моралью этого мира. Он — беспощадный враг этого мира и продолжает в нем жить только потому, что тем самым обеспечивает его уничтожение... Днем и ночью он должен думать об одном и стремиться к одному — к уничтожению без пощады. Двигаясь к этой цели, хладнокровно и неустанно, он должен быть готов пожертвовать собственной жизнью и истребить своими руками все помехи на великом пути».

Нечаев, подлец и убийца, провел последние годы жизни в каземате Петропавловской крепости, но в 1870-е годы зерна, брошенные им и Бакуниным в русскую почву, начали давать всходы.

На арене появляется Вера Засулич, молодая женщина с обостренным чувством справедливости. 28 января 1878 года Засулич отомстила за студента, которого подвергли телесному наказанию по приказу гене-

рал-адъютанта Трепова, градоначальника Санкт-Петербурга. Она пришла на прием к Трепову, выдав себя за просительницу, а когда оказалась перед генералом — выхватила из муфты коротконосый револьвер-«бульдог» и выстрелила в генерала. Из шести пуль в барабане была выпущена всего одна, Трепов отделался ранением, Засулич же положила револьвер на стол и безропотно сдалась адъютантам генерала.

По словам историка Вирджинии Каулз, суд над Верой Засулич стал событием в петербургской жизни. Защиту обвиняемой взял на себя выдающийся судебный адвокат Петр Александров, задача которого облегчалась тем, что Трепова в городе ненавидели за его жестокость. Эмоциональная Засулич заявила, когда ей предоставили слово:

«Я не нашла — не смогла найти — иного способа привлечь внимание... У меня не было выбора... Знаю, грех поднимать руку на другого человека, но я решила, что это необходимо сделать».

Когда присяжные вынесли вердикт о невиновности обвиняемой, зал суда огласился аплодисментами и радостными возгласами. «Многие представители высшего света, — записал в своем дневнике военный министр, — были в восторге». Одним из немногих, не поддавшихся буре чувств, оказался Лев Толстой. Его письмо к другу на следующий день после оглашения приговора выдает глубокую обеспокоенность великого романиста:

«Дело Засулич — не шутка. Это безумие, этот глупый каприз, внезапно охвативший людей, весьма симптоматичны. Это первые признаки чего-то, еще не до конца ясного, но оттого не менее грозного. Славянофильское без-

умство стало предвестником войны, и я склонен полагать, что это безумие — предвестье революции».

Предчувствия Толстого подтвердились. Оправдание Засулич разбудило в России демона терроризма. В 1879 году в маленьком городке Липецк возникла крохотная организация, принявшая имя «Народная воля». С ее тридцатью членами эта организация, как пишет Ричард Пайпс, стала «прародительницей всех современных террористических групп», начиная от уругвайских «тупарамос» и итальянских Красных бригад до немецкой шайки Баадера и Майнхоф и американских «метеорологов». Пайпс добавляет:

«“Народная воля” первой назвала в качестве врага систему. Под системой я подразумеваю не только автократию, но и капитализм, религию, законы и все остальное, что делает государство политически единым. Они не испытывали личной вражды к Александру II, некоторые из них даже восхищались царем, освободившим крепостных. Тем не менее его воспринимали как часть системы, злой и жестокой по своей природе, и потому приговорили к смерти».

Народники верили в справедливость революционного насилия. «Бомба должна была стать мессией», — писала Барбара Такмен. Последовали покушения на жизнь высших чиновников и заговоры против монархии. Через три года после выстрела Веры Засулич один из таких заговоров, возглавлявшийся другой молодой женщиной, оказался успешным.

Софья Перовская, дочь петербургского губернатора, предстает нам в описании историка Эдварда Крэнкшоу: «Невысокая, русоволосая, похожая на куклу благодаря румяным щекам и голубым глазам, она была ре-

волюционеркой до мозга костей. Софья всем сердцем ненавидела милитаристское общество, в котором родилась и жила. Ненавидела своего грубого отца...» Вирджиния Каулз в книге «Романовы» излагает историю Перовской.

На протяжении многих недель Перовская каждый день приходила к Зимнему дворцу и наблюдала, как выезжает и возвращается император. Она выяснила, что Александр имел привычку каждую субботу навещать великую княгиню Екатерину.

Внезапный арест любовника напугал Перовскую, и она из опасения, что заговор окажется раскрытым, решила действовать немедленно. Вдоль улиц, по которым император обычно возвращался во дворец, она расставила четырех помощников с бомбами, а сама встала так, чтобы видеть всех четверых и дать им сигнал платком, когда появится императорский экипаж. Поскольку Александр отправился к великой княгине, Перовская заключила, что возвращаться он будет набережной Екатерининского канала.

Когда бронированный экипаж императора, подарок Наполеона III, свернул на набережную, первый из помощников Перовской кинул бомбу. Взрыв, который услышал весь Петербург, убил двоих казаков и трех лошадей, но император не пострадал. Когда он вышел из экипажа, чтобы узнать, чем помочь раненым, полицейский чин обрадовано воскликнул: «Слава Богу, ваше величество живы!»

«Слишком рано Бога хвалишь!» — крикнул второй бомбист, бросая свой снаряд под ноги императору.

«От второго взрыва в Зимнем дворце задребезжали стекла. Снег окрасился алым. Император полулежал, опираясь спиной на ограду канала. По лицу текла кровь, живот распорот, ноги не держат... "Быстрее!

Я хочу умереть во дворце!" — пробормотал он и потерял сознание.

Так скончался Царь-освободитель. С либерализмом было покончено. Поскольку некоторые из бомбистов были евреями, Россию захлестнула волна погромов. Третьего апреля 1881 года выжившие участники покушения, в том числе Софья Перовская, были повешены на Семеновской площади».

В шестую годовщину гибели Александра II группа студентов, вдохновленных идеями «Народной воли», замыслила убить Александра III. Для этой цели они изготовили бомбы, начиненные нитроглицерином и двумястами металлическими шариками, а также книжки с динамитом внутри.

Среди этих студентов был Александр Ульянов. «Я не верю в террор сам по себе, — говорил он. — Я верю в систематический террор».

По плану убийцы должны были напасть на императора во время его прогулки по Невскому проспекту от Казанского собора до Зимнего дворца. Но в руки охраны, русской тайной полиции, своевременно попало письмо одного из заговорщиков. Трех неудавшихся террористов арестовали с поличным, Ульянова в том числе. На суде Ульянов признал свою принадлежность к «Народной воле» и сознался в том, что готовил бомбы. Обращаясь к суду, Ульянов дал определение тому терроризму, с которым столь близко познакомился современный мир:

«Террор — это форма борьбы, порожденная условиями жизни в девятнадцатом столетии... Это единственная форма защиты, к которой меньшинство, сильное лишь духом и верой в правоту своего дела, может обратиться, чтобы совладать с грубой силой большинства».

В мае 1887 года Александра Ульянова и четверых его сообщников повесили. Его брату Владимиру было в ту пору семнадцать лет. Три десятилетия спустя Владимир Ульянов, известный всему миру под фамилией Ленин, прикажет казнить сына Александра III и всю царскую семью.

История Веры Засулич и генерала Трепова, равно как и легенды о народниках, продолжали бытовать в революционной среде. В 1954 году Уиттакер Чемберс, взрастивший Алджера Хисса, писал в книге «Одиссея друга»:

«Я пришел к коммунизму под влиянием анархистов... Но больше всего на меня повлияли народники... Сегодня они намеренно забыты, но в те дни Ленин учил нас поклоняться народникам — “людям, которые шли с бомбой или с револьвером на империалистических чудовищ”. Я оставался под духовным влиянием народников долгое время после того, как стал марксистом... И не порывал с ними. Я не мог этого сделать. Ведь их учение так близко, даже родственно христианскому».

Чамберс вспоминал и о том, как духовная связь с народниками и восхищение их подвигами заставляли его восхищаться товарищами-коммунистами:

«Ульрих, мой первый командир в Четвертом отряде, однажды упомянул Веру Засулич и сказал: “Думаю, ты никогда не слышал этого имени”. Я ответил: “Засулич выстрелила в генерала Трепова, который приказал выпороть студента Богомольского* в русской тюрьме”. Помню его радостную улыбку. “Откуда ты это знаешь?” — спросил он. Дух народников, все, что было в революции благородно-

* На самом деле Боголюбова. — *Прим. ред.*

го и святого, нашло последнее пристанище — о, ирония судьбы! — в Четвертом отряде (и одной из целей Великой чистки было покончить с этим раз и навсегда)».

Благородное и святое...

Таким виделось Чемберсу покушение на генерала Трепова. Однако уже во «времена безнаказанности» Толстой ощутил, что в русской истории перейден моральный Рубикон и что дело идет к революции. Засулич выстрелила всего один раз, мстя за телесное наказание студента. Но пришедшие ей на смену не сомневались в том, что вместе с виноватыми можно убивать и невинных. Бомбы оборвали жизнь не только Александра II, но и еще двадцати двух человек. Иными словами, народники приняли новую мораль.

Были ли русские цари тиранами? Большинство населения считало их справедливыми правителями, но для радикалов и для евреев, семьи которых пострадали от погромов и которые верили, что погромы совершались с монаршего ведома, цари олицетворяли тиранию и подлежали уничтожению. Вот как, согласно Д. У. Брогану, воспринимали Романовых западные либералы конца девятнадцатого столетия:

«Непрекращающаяся подпольная война с царизмом вызывала симпатию либеральной Европы и Америки. Убийство было, как заметил Бэкон о мести, "разновидностью дикой справедливости". И разве у русских не было повода для мести? "Кому на Руси жить хорошо?" — на этот популярный вопрос западный мир отвечал коротко: "Никому".

Марк Твен более или менее всерьез предположил, что идеальным местом для учреждения республики является Сибирь, поскольку ее обитателей на протяжении многих поколений отличали ссылкой за храбрость, неза-

висимость суждений и образованность. То обстоятельство, что большинство сибирских узников во многом походили на заключенных Синг-Синга или Дартмура, в расчет не принималось».

Какова была цель этих актов революционного террора? Демистифицировать государство, отвечает Ричард Пайпс, показать народу, что правящий режим не является несокрушимым монолитом, заставить его огрызаться. Вдобавок терроризм оказался заразен. Бомбисты, презиравшие смерть, вдохновили людей наподобие Чемберса, которые решили порвать с миром и посвятить жизни «великому делу».

У революционного террора много целей. Нанести урон ненавистному режиму. Обнажить его уязвимость. Окропить кровью «святое дело». Вдохновить других размахом и результатом действия. Вынудить государство на меры, подрывающие его репутацию, лишить его ореола законности, заставить людей выбирать. И через гибель достичь бессмертия.

Революционный террор стал оружием «Аль-Кайеды». Подобно почти всем аналогичным терактам, это лишь симптом болезни, но не сама болезнь. События 11 сентября были восприняты американцами как акт неприкрытой агрессии. Таковыми они, безусловно, и являются, однако нельзя закрывать глаза на очевидное: за этим терактом скрывается политическая цель — шокировать мир, нанести урон США, спровоцировать Америку на возмездие исламскому миру, вовлечь Соединенные Штаты в войну с исламом, в результате которой Америку, как и прочие империи до нее, изгонят с Ближнего Востока и исламского мира в целом. Бен Ладен отнюдь не глупец, чтобы считать, что Америка замедлит с извлечением из ножен «меча праведной мести». Организованный им теракт — попытка

спровоцировать Америку на необдуманные действия; возможно, его надежды осуществились сверх всякого ожидания — в Ираке.

События 11 сентября были массовым убийством, за которое следовало воздать должное, но мы совершив чудовищную ошибку, если не задумаемся над побудительными мотивами воинов ислама и не догадаемся, каким образом избежать отведенной ими Америке роли в этой кровавой драме.

Журналист Джон Джудис полагает, что события 11 сентября — отнюдь не «первая фаза новой эпохи» в мировой истории, но «последняя фаза эпохи старой... "Аль-Кайеда" и бен Ладен представляют собой сведенные *ad absurdum* антиколониальные восстания, сотрясавшие Азию, Африку и Латинскую Америку на протяжении двадцатого столетия».

Джудис абсолютно прав. В двадцатом веке революционный террор становился оружием ИРА, израильских террористических групп Иргуна и Штерна, алжирского Фронта национально спасения, кенийских Мау-Мау, Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), Организации освобождения Палестины, «Черного сентября», баскской ЭТА, итальянских Красных бригад, шайки Баадера и Майнхоф, японской Красной армии, организаций «Хезболла», «Хамас», «Исламский джихад», «Бригада мучеников Аль-Акса», намибийской Организации народов Юго-Западной Африки (СВАПО), зимбабвийских ZANU и ZAPU, уругвайских «тупамарос», перуанского «Сияющей пути», Революционных вооруженных сил Колумбии, южноафриканского Африканского национального конгресса, Вьетконга, филиппинских гуков, чеченских повстанцев, «Тигров освобождения Тамил Илама», американских «метеорологов», Симбионистской армии освобождения, пуэрториканских Воо-

руженных сил национального освобождения и их предшественницы, Националистической партии Пуэрто-Рико, которая в 1954 году пыталась убить президента Трумэна и взорвать Белый дом. И список далеко не полон.

«НЕВИНОВНЫХ БУРЖУЕВ НЕ БЫВАЕТ»

Александр Ульянов поднимался на эшафот, а по западному миру распространялись легенды о народниках. Анархисты, готовые следовать не Марксу, а Бакунину, были, разумеется, обречены на вымирание. Но их громкие акции и горделивое самопожертвование, с каким они шли на виселицы, ложились под гильотины и вставали перед расстрельными командами, будоражили непривычное к таким поступкам западное общество.

Пятого февраля 1895 года анархист Вайян, бросивший начиненную гвоздями бомбу с галереи Национального собрания, отправился на гильотину, выкрикивая: «Да здравствует анархизм!» Через семь дней, пишет Барбара Такмен в книге «Башня гордости», за Вайяна «отомстили ударом столь чудовищным, что обыватели ощутили себя в эпицентре кошмара».

Эмиль Анри выбрал в качестве цели кафе «Терминус» на парижском вокзале Сен-Лазар; парижане собирались в этом кафе после работы, чтобы пропустить кружку-другую пива. Бомба Анри убила одного и ранила двадцать человек. На суде обвиняемого спросили, почему анархист, утверждающий, что воюет с государством и во имя народа, взорвал кафе с невинными мирными горожанами. Анри ответил: «Невиновных буржуев не бывает».

Анархизм из Европы перекинулся через Атлантику и в Америке добился своих главных успехов. Пятого сентября 1901 года в толпе посетителей выставки в Буффало польско-американский анархист Леон Гжелгож смертельно ранил президента Маккинли. Преемник последнего Теодор Рузвельт в своем обращении к Конгрессу 3 декабря 1901 года заявил, словно предвзято президента Буша: «Анархизм — преступление против всего человечества, и люди всего мира должны объединиться против анархистов».

Но объединения не произошло. Западные интеллектуалы продолжали романтизировать, по выражению поэта Шелли, «буйную притягательность террора». Как пишет Д. У. Бруган:

«Выступления анархистов в восьмидесятых и девятых годах были восприняты как проявления страданий бедноты, как возмездие за жестокосердие богатых. Никто, конечно же, не одобрил убийства императрицы Елизаветы Австрийской, но многим показался близким по духу крик ее убийцы: “Кто не работает, тот не ест!” Все революционеры всех направлений смешались воедино, все были равно романтичны — и равно заблуждались. Богиня революции, которую романтически настроенные революционеры Дизраэли восхваляли под именем Марианны, почиталась многими и многими образованными людьми. Литераторы наподобие Оскара Уайльда во всеуслышание заявляли, что сочувствуют Христам, павшим на баррикадах».

Уолтер Лакер добавляет:

«Террористы нашли себе поклонников и приверженцев у людей всех возрастов... Никакие похвалы не казались достаточными для этих святых и мучеников наших

дней. Террористы (так утверждало общественное мнение) — единственные, кому есть дело до чего-либо; они искренне сражаются за свободу и справедливость, они — хрупкие человеческие существа, вынуждаемые жестокими обстоятельствами и равнодушным большинством играть героические, пускай трагические, роли; они — добрые самаритяне, раздающие яд, святые Франциски с бомбами».

По Лакеру, «подобная канонизация террористов производила впечатление гротеска». Тем не менее даже Большой Террор Сталина в 1930-е годы, в ходе которого из десятков миллионов людей, оказавшихся под властью коммунистов, погибли миллионы, нашел защитников на Западе: ведь нельзя приготовить омлет, не разбив яиц.

А сегодня саудовские посланники в Лондоне сочиняют стихотворные оды в честь палестинских террористок-самоубийц и даже в честь Осамы, а убийц, «отличившихся» 11 сентября, восхваляют миллионы обитателей исламского мира.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

В двадцатом столетии революционный террор впервые был применен во время боксерского восстания 1900 года. Фанатики, провозгласившие своей целью избавление Китая от иноземного владычества, убивали христиан, нападали на иностранных дипломатов и даже, опьянев от крови, осадили дипломатический квартал в Пекине. Английским, французским, немецким, русским и японским войскам при поддержке экспедиционного корпуса морской пехоты США числен-

ностью в шесть тысяч человек потребовалось пятьдесят пять дней, чтобы промаршировать от побережья до Пекина и освободить дипломатов. Восстание было жестоко подавлено, а вдовствующей императрице пришлось выплатить значительную компенсацию западным империям.

Христиане впервые прибегли к революционному террору в ходе ирландской войны за независимость.

В пасхальный понедельник 1916 года, когда британцы вели кровопролитные бои во Франции, две тысячи ирландских повстанцев захватили дублинский почтамт и другие общественные здания. Бунтовщики еще до начала активных действий вступили в переговоры с немцами, и в страстную пятницу у берегов Ирландии был перехвачен транспорт с немецким оружием. Большинство британцев, в том числе многие ирландцы, восприняли мятеж как измену, удар с спины отечеству и армии, в рядах которой воевали тысячи сыновей Эрина.

Не получив ожидавшейся всенародной поддержки, устрешенные английской огневой мощью, бунтовщики капитулировали через неделю. Получи их вожаки по приговору суда длительные сроки заключения, инцидент можно было бы счесть исчерпанным. Однако британское правительство, разгневанное «изменническим выступлением», совершило, как пишет ирландский историк Кеннет Нейл, «самую, возможно, серьезную ошибку за все семь столетий совместного существования Англии и Ирландии».

По острову прокатилась волна арестов, за решетку попали 3500 человек, многие из которых были не причастны к восстанию. Пятнадцать вожаков, включая «культурного националиста» Патрика Пирса и трудового лидера Джеймса Коннолли, расстреляли. Тем самым у борцов за независимость Ирландии появилось

пятнадцать «великомучеников», которых обессмертил Йейтс:

И я наношу на лист:
Макдонах и Макбрайд,
Коннолли и Пирс
Преобразили край,
Чтущий зеленый цвет,
И память о них чиста:
Уже родилась на свет
Угрожающая красота*.

Ранее в том же году Пирс писал: «Кровопролитие дарует очищение и освящение, и всякая нация, почитающая его недопустимым, утратила свое мужество». Макбрайд воевал на стороне буров в англо-бурской войне и женился на Мод Гонн, легендарной женщине, отвергшей Йейтса, но ставшей для него музой. Как пишут Джил и Леон Урисы:

«Преданный делу освобождения острова до глубины души, Джон Макбрайд в ходе Пасхального восстания находился на кондитерской фабрике Джейкоба и был вторым по старшинству среди восставших после Томаса Макдонаха. Казнить Макбрайда не имело смысла, но англичане, должно быть, вспомнили бургские окопы. У стены он совершил последний в своей жизни героический поступок, отказавшись от повязки на глаза: "Мне не впервой смотреть на эти ружья, святой отец"».

Из таких историй впоследствии складываются легенды, и человек, которого одни считали изменником, в глазах других становится святым. Британцы были

* «Пасха 1916 года». Перевод А. Сергеева.

вправе казнить арестованных, но вот насколько мудрым было это решение? История свидетельствует, что мудрости как раз и не хватило, что казнь предводителей бунта обернулась классическим примером воздаяния, которое не утихомиривает страсти, а, наоборот, их разжигает. Кровь новых святых оросила почву острова, в которой уже пустили корни семена грядущих мятежей. А в другом случае британские политики, как им и подобало, продемонстрировали государственную мудрость. Они не стали расстреливать Наполеона, а сослали его на остров Святой Елены, и благородство и мудрость такого решения признали даже французы.

После казни вожаков Пасхального восстания партия гомруля, которую возглавлял Джон Редмонд и которая выступала за сотрудничество с англичанами и призвала ирландцев записываться в английскую армию, утратила свое влияние; ее сменила новая партия — Шинн Фейн (в переводе с гэльского «мы сами»). И хотя во время восстания погибло гораздо больше мирных граждан, чем повстанцев или английских солдат, казненные предводители восставших оказались в пантеоне борцов за свободу, где пребывают и по сей день.

По праву ли они там находятся? Как считает Тим Пат Куган, автор книги «Пасхальное восстание», ирландцы, бок о бок с которыми сражался его отец, следовали «традиции физической силы». С точки зрения консерватора Джона Дарбишира, эта традиция представляет собой применительно к Ирландии «ирландский фашизм», Пасхальное же восстание было островным вариантом пивного путча, а Куган — «пропагандист тактики засад и взрывов». Пирса Дарбишир называет «зловещим фанатиком» и «поэтом-злодеем», который получил по заслугам. Тот факт, что ирландцы

продолжают отмечать годовщину восстания как национальный праздник, свидетельствует, по мнению Дарбишира, о порочности нации.

В марте 1918 года Лондон вновь совершил ошибку. Премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж заявил о намерении ввести в Ирландии воинскую повинность, чтобы восполнить потери английских войск на Западном фронте. Шинн Фейн, партия гомруля и католические епископы в ответ организовали Ирландскую лигу против воинской повинности. Ллойд Джордж отозвал свое предложение, но ущерб отношениям уже был причинен. На «выборах цвета хаки» в декабре 1918 года партия гомруля под председательством Чарлза Стюарта Парнелла получила всего шесть мест в парламенте. Сепаратисты же завоевали семьдесят девять мест, и в итоге те двадцать семь человек, которые на тот момент не сидели в тюрьме и не находились в бегах, учредили в Дублине ирландское народное собрание (Дайл Эйреан).

В первый день работы собрания в январе 1919 года ирландцы напали в графстве Типперери на грузовик с боеприпасами и убили двоих констеблей. Там прогремели первые выстрелы войны за независимость, и следующие два с половиной года английские солдаты и Ирландская республиканская армия обменивались ударами и контратаками.

Летучие отряды ирландцев нападали на полицейские казармы, устраивали засады на армейские грузовики, а после совершения очередного теракта разделялись и растворялись среди мирного населения. Убийства и нападения из-за угла были призваны деморализовать английские войска, пополнившиеся к тому времени ветеранами Западного фронта. «Красные мундиры» выплескивали свое раздражение на гражданских, сжигая

деревни; от огня пострадал и город Корк. Так или иначе, успехи «карателей» были неоспоримы, и в июле 1921 года Майкл Коллинз заявил на мирных переговорах британскому чиновнику: «Вы нас просто раскатали. [Не начнись переговоры,] мы не протянули бы и трех недель».

Будучи в 1921 году еще могущественной имперской державой, Великобритания практически выиграла первую национально-освободительную войну двадцатого столетия.

Если сравнивать ее с последующими войнами подобного рода, ирландская война оказалась не слишком кровопролитной. В 1919 году погибло 18 человек, в 1920 — 282 (плюс 82 человека в мятеже ольстерских сектантов) и в 1921 году — 1086 человек. Почти половину жертв составили солдаты и полицейские. Историк Лоуренс Джеймс излагает точку зрения на события тех лет самих ирландцев и их противников:

«Боевик ИРА был патриотом, убежденным в справедливости войны за освобождение Ирландии, и считал, что преданность делу освобождает его от необходимости соблюдать привычные правила поведения и привычную мораль. Враги же воспринимали боевиков как холодно-кровных убийц. На особо жестокие преступления следовал ответ — карательные акции против населения, признававшегося виновным в молчаливом соучастии. Наиболее показательная акция возмездия была организована после того, как ИРА 21 ноября 1920 года застрелила двенадцать английских офицеров, объявленных сотрудниками разведки. В тот же день взвод “осси” [австралийцев. — Ред.] открыл стрельбу по зрителям на футбольном стадионе Дублина; командир взвода утверждал, что его люди вели ответный огонь. Погибло двенадцать человек — кого застрелили, кого в панике затоптала разбежавшаяся толпа».

Этой тактике суждено было стать образцом для последующих национально-освободительных войн двадцатого столетия. Ирландские боевики верили, что осуществление мечты — создание собственного государства — оправдывает любые действия, к этому ведущие. Англичане же реагировали на убийства солдат и гражданских чиновников с жестокостью, порождавшей новых мучеников, заставлявшей ирландских мужчин и женщин выбирать между верностью крови и преданностью стране.

К 1921 году кровопролитие утомило тех и других. В середине лета было объявлено перемирие. Начались переговоры. Ирландская делегация отправилась в Лондон на встречу с триумфатором Версаля Ллойд Джорджем и министром по делам империи Уинстоном Черчиллем. Последнее предложение столицы, принятое Коллинзом, блестящим народным лидером и полководцем, сводилось к следующему: ирландцам позволили создать свое независимое государство — правда, с некоторыми оговорками. Подобно Канаде, Ирландия становилась британским доминионом, соглашалась иметь на своей территории базы Королевского флота и приносила присягу короне. Вдобавок шесть северных графств, протестантское большинство которых не желало подчиняться Дублину, отходили Великобритании.

По возвращении в Ирландию Коллинз, еще недавно считавшийся героем войны за независимость, был обвинен в измене. Как пишет Дэвид Фромкин в статье «Стратегия терроризма», опубликованной в 1975 году в журнале «Foreign Affairs»:

«Майкл Коллинз был романтиком, и пока он пребывал в изгнании, ему были отданы сердца всех ирландцев; но стоило Коллинзу сесть за стол переговоров, как многие в Ирландии от него отвернулись. При подписании в

1921 году мирного договора представитель империи лорд Биркенхед сказал Коллинзу: "Боюсь, я подписал свой смертный приговор". Коллинз ответил: "Не знаю, как вас, а меня-то точно приговорили". Восемь месяцев спустя Майкла Коллинза нашли на обочине дороге с пулей в голове».

В гражданской войне, которая вспыхнула после подписания мирного договора, погибло больше ирландцев, чем в войне за независимость острова. Революция пожирала собственных отпрысков.

Применительно к ирландскому восстанию следует сказать: террор победил. Засады, убийства солдат, полицейских и гражданских чиновников вызывали суровые карательные меры, реакция общества на которые разрывала еще сохранявшиеся среди ирландцев узы с короной и восточным соседом.

Томас Э. Лоуренс, который возглавил поход арабов против турок во время Первой мировой, предостерегал своих соотечественников: «С восстаниями воевать бессмысленно». Но, с точки зрения имперских «ястребов», этот совет был советом труса. Сэр Генри Уилсон назвал англо-ирландский договор «трусливой сдачей под дулом пистолета» и заявил, что «империя обречена — или мы правим, или мы уходим». В июне 1922 года боевики ИРА застрелили сэра Генри. Их поймали и повесили, но Ирландия уже была потеряна для империи.

Все же Уилсон был прав. Чтобы справиться с бунтовщиками и спасти империю, требовалась жестокость и еще раз жестокость. Успехи ИРА привлекали к ней сочувствующих. Многие перенимали тактику боевиков. Ирландская война показала, что террор порождает возмездие и что последнее вызывает симпатию к восставшим и ведет к пополнению их рядов. Едва британцы

осознали, что утратили верность Ирландии, как у них исчезло желание держаться за Изумрудный остров и проливать за него свою кровь. Лоуренс Джеймс описывает растерянность ветеранов Соммы при встречах с летучими отрядами боевиков ИРА:

«В 1919 году тактика партизанской войны еще была в новинку. Новые правила сбивали с толку солдат, привыкших знать противника в лицо, и вели к нарастанию бессилой ярости. Это чувство прекрасно выразил в своих мемуарах генерал сэра Невил Макреди: "Британское правительство не желало принимать за данность партизанскую войну. Преодолей они свое нежелание, английскому солдату стало бы гораздо легче". К примеру, продолжает генерал, он мог бы с чистой совестью стрелять в любого вооруженного человека, не носившего мундир».

Сегодня в действиях израильских солдат, вынужденных противостоять ненавидящим их палестинцам, ощущается та же бессильная ярость, которую некогда испытывали английские ветераны Западного фронта:

ТЕРРОР С СИОНА

К 1945 году израильское Соппротивление в Палестине перешло к использованию террористической тактики. Банда Штерна специализировалась на убийствах. В 1944 году бандиты застрелили в Каире британского государственного министра лорда Эдварда Мойна. Выступая в палате общин с речью в память погибшего, Черчилль выразил свое отношение к терроризму:

«Это чудовищное преступление потрясло мир и более всего затронуло тех, кто, подобно мне, в прошлые

годы поддерживал дружбу с евреями и прилагал усилия по созданию их государства. Если наши упования на независимое еврейское государство рассеются в дыму выстрелов, если наши усилия по установлению мира и добрососедства в регионе вызовут новую волну насилия, напоминающую о зверствах нацистов, многим людям, и мне в том числе, придется пересмотреть убеждения, которых мы столь долго придерживались».

Председатель Британской ассоциации сионистов Хаим Вейцман вторил Черчиллю: «В глазах всех людей доброй воли наше движение начинает ассоциироваться с бандитизмом». Слова Вейцмана прозвучали за месяц до события, которое французский исследователь Доминик Лапьер назвал «первым массовым террористическим актом в современной истории».

Шайка Иргуна была создана в 1945 году с целью изгнания англичан из Палестины. Поначалу ее члены сдерживали себя, уничтожая только британскую собственность, но, как пишет Дэвид Фромкин, «терроризм порождает собственные импульсы, и потому в скором времени начались и убийства».

23 июля 1946 года, после телефонного звонка-предупреждения, которому не придали значения, агенты Иргуна подожгли семь молочных бутылок, начиненных 350 килограммами динамита, на территории штаб-квартиры Комиссариата по делам Палестины в отеле «Царь Давид». В результате теракта погиб девяносто один человек — англичане, арабы и евреи, сорок шесть человек были ранены.

В апреле 1948 года, за месяц до объявления о создании независимого еврейского государства, банды Иргуна и Штерна напали на деревушку Дейр-Яссин, стоявшую на дороге в Иерусалим. Арабы в этой дере-

вушке не принимали участия в боевых действиях, более того, поддерживали дружеские отношения со своими соседями-евреями. Бандиты устроили самую настоящую резню: они убивали детей, вспарывали животы беременным женщинам, сбрасывали трупы в деревенский колодец... Бойня в Дейр-Яссине привела в ярость Давида Бен Гуриона и дала ему моральное право уничтожить шайку Иргуна. Израильская армия получила приказ атаковать «Атлалену» — корабль, на котором члены шайки доставляли в Палестину еврейских беженцев. Но «сионский терроризм» уже добился своей цели.

Из-за резни в Деяр-Яссине шестьсот тысяч арабов бежали с территорий, отведенных ООН для еврейского государства, тем самым обеспечив преобладание в новой стране еврейского большинства. «Не только террор создал государство Израиль, — пишет Майкл Игнатъефф, сотрудник гарвардской Школы управления имени Кеннеди, — но террор использовался как инструмент давления и доказал свою полезность». «Подвиги» шайки Иргуна, по замечанию Дэвида Фромкина,

«...сыграли значительную роль в принятии британцами решения о выводе своих войск. Тактика террористов заключалась в использовании против врага его собственных сил. Пожалуй, можно назвать эту тактику политическим джиу-джитсу. Сначала противника заставляют испугаться, а затем, что вполне предсказуемо, он в страхе принимается наращивать свою мощь — и в конце концов не выдерживает давления этой мощи».

Через шесть месяцев после декларации о создании государства Израиль банда Штерна убила шведского графа Бернадотта, уполномоченного ООН в Палестине.

Создав собственное государство, евреи показали англичанам, как тем следовало разбираться с террористами. В октябре 1953 года, когда арабские лазутчики убили молодую еврейку Сусанну Каниас и двух ее малолетних детей, израильские командос вторглись в арабскую деревушку Кибия и взорвали здания, в которых укрывались палестинские женщины и дети. Погиб шестьдесят один человек.

Подразделение командос возглавлял будущий премьер-министр Израиля Ариэль Шарон. Во главе банды Штерна стоял будущий премьер-министр Израиля Ицхак Шамир. Бандой Иргуна руководил будущий премьер-министр Менахем Бегин. Иными словами, и в ирландской, и в израильской войне за независимость патриоты прибегали к террористической тактике и вчерашние террористы в обоих случаях сделали национальными героями.

БИТВА ЗА АЛЖИР

Наблюдая за тем, как сионисты изгоняют из Палестины британцев, арабы и берберы из алжирского Фронта национального спасения решили прибегнуть к той же тактике, устраивать взрывы на рынках и в кинотеатрах. Мартин Уолкер из информационного агентства ЮПИ пишет:

«Фронт национального спасения Алжира в войне с французами развернул беспрецедентную по жестокости террористическую кампанию. Арабские женщины, переодетые в модную французскую одежду и загримированные под европейек, взрывали бомбы в кафе, на танцплощадках и в кинотеатрах. Французы отвечали карательными

акциями. В этой битве за Алжир батальон французских парашютистов под командованием генерала Жака Массю уничтожил ячейку ФНС в касбе, арабском квартале, широко применяя пытки и иные, не менее суровые методы».

Массю выиграл битву за Алжир, однако средства, которые он использовал, привели к поражению Франции. Сообщения о пытках и «зверствах» парашютистов взбудоражили общественное мнение, привели к отставке правительства и подорвали боевой дух солдат. В 1958 году к власти вернулся генерал де Голль, который незамедлительно начал переговоры с ФНС; в 1962 году был подписан договор о выводе французских войск. За восемь лет войны погибло около полутора миллиона рабов и французов, гораздо больше, чем в ирландской и израильской войнах за независимость, вместе взятых.

Для Франции было принципиально не утратить верность арабского населения метрополии. Но эта верность начала умирать в сердцах арабов, когда Париж заменил мусульманские подразделения французской армии в Алжире европейскими и стал воспринимать всех арабов и берберов как потенциальных террористов. Расовая сегрегация оказалась успешной тактикой — и никуда не годной стратегией. Обращаясь с французскими «*ried noirs*» иначе, чем с арабами, Франция дала алжирским арабам понять, что не считает их равными французам. По мере того как все больше арабов брались за оружие во имя независимости, ФНС активизировал партизанскую войну и в обращениях к мировому сообществу, поддерживавшему антиколониальную борьбу, заявлял, что в Алжире ведется не гражданская, а национально-освободительная война. Дэвид Фромкин пишет:

«С точки зрения Франции все было безнадежно, поскольку никакая армия не в состоянии бесконечно удерживать в подчинении население, не желающее подчиняться. Сценарий написал ФНС, а французы, опираясь на самоубийственную логику, готовились сыграть отведенную им роль».

По мнению Майкла Игнатъеффа, урок битвы за Алжир состоит не в том, что «террор не срабатывает», но в том, что «жесткие и даже жестокие контртеррористические меры чрезвычайно редко приносят ожидаемый результат».

ВОЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Черчилль характеризовал американскую гражданскую войну как последнюю войну джентльменов. Однако авторы двух недавних книг об американском Юге и выходе южных штатов из Союза Чарлз Адамс и Томас Дилоренцо лишают гражданскую войну в США того глянца, который навел на нее Черчилль.

Согласно Адамсу, в 1861 году каждый выпускник Вест-Пойнта отлично знал правила войны, бытовавшие еще со Средних веков и запрещавшие вести боевые действия против мирного населения. Американский полководец генерал Халлек издал знаменитый приказ № 12, запрещавший немотивированное уничтожение частной собственности:

«Неизбежными последствиями таких действий являются полное разграбление захваченной территории и общий упадок дисциплины; благодаря потере собственности и нарушению прав личности обычные мирные люди, не участвовавшие в войне, становятся непримиримыми

врагами. Поэтому уничтожать частную собственность невежливо и несправедливо, и данный обычай признается устаревшим большинством цивилизованных народов».

По мнению британского военного историка Б. Г. Лиддел-Гарта, код «цивилизованной войны» в Европе существовал двести лет и был нарушен Линкольном, политика которого предусматривала уничтожение гражданской жизни на Юге. «Политика Линкольна, — писал Лиддел-Гарт, — во многом предвосхитила современную тотальную войну».

Генералы Шерман и Шеридан первыми пересекли запретный рубеж. Поджог Атланты, преступления во время знаменитого «марша Шермана», поджог Шенандоа — эти действия навлекли страдания на женщин и детей, которых солдаты Конфедерации оставили за спиной. Тем не менее Линкольн не возражал. Более того, он передал Шеридану «благодарность народа и мои собственные восхищение и признательность».

Линкольн восхвалял Шеридана, а некий сержант из отряда генерала, как выяснилось, имел собственный взгляд на то, что он и его соратники совершили в городах Дейтон, Гаррисонбург и Бриджуотер:

«Вся страна охвачена огнем, пламя, мнится, достигает самых небес... Всюду крики, плач, мольбы о пощаде. Я никогда такого не видел и не хочу увидеть впредь. Одни обезумели от ужаса, другие умоляют о помощи, третьи обнимают солдат-янки и заклинаят пощадить...»

Другой офицер Союза, как сообщает Дилоренцо, описывал беженцев, спасшихся от устроенного Шериданом пожара: «Сотни людей, едва переставляющих ноги от голода, движутся на север. Наши повозки забиты голодающими. Они лежат вдоль бортов. Еще сотни

на подходе... Пищи так мало, что я просто не понимаю, как они до сих пор живы».

Грант приказал Шеридану устроить в Шенандоа такую пустыню, чтобы ворону, летающему над долиной, пришлось брать съестное с собой. Эти генералы Союза забивали домашних животных, сжигали амбары с зерном, грабили поселения и предавали их огню, причем это считалось вполне законным, хотя у населения, по выражению самого Шеридана, оставались лишь глаза, чтобы лить слезы.

Как пишет Адамс, Шерман, получивший от президента Гранта под командование армию для войны с индейцами в прериях, отправил в Белый дом письмо, дополняющее его известное изречение: «Война — это ад»: «Мы должны действовать против сиу со всей возможной суровостью, вплоть до поголовного уничтожения их мужчин, женщин и детей. Ничто другое не способно их остановить».

Шеридан, также направленный в прерии, подытожил: «Единственные хорошие индейцы, которых я видел, — это мертвые индейцы». В конце жизни Шерман — «дядюшка Билли», как его называли, — назовет избиение американских индейцев «окончательным решением индейской проблемы» (не правда ли, фраза, характерная для двадцатого столетия?).

Отмена рабства и воссоединение Союза, впрочем, позволили Уильяму Текумсе Шерману получить прощение за преступления, которые он совершал и в которых сам признавался: «Поначалу я искренне считал, как учили в Вест-Пойнте, что грабеж недопустим, и наказывал за него смертью».

Не все генералы Союза были Шериданами и Шерманами. Как пишет Адамс, генерал Карлос Бьюэль в знак протеста подал в отставку: «Я считаю методы, которыми ведется эта война, противоправными и дис-

кредитирующими народ и цивилизацию в целом». Герой сражения у Литтл-Раунд Топ Джошуа Чемберлен в 1864 году с отвращением писал жене: «Я готов сражаться с мужчинами, но не с младенцами».

Однако тактика террора использовалось широко, имя Шермана известно и поныне, а о Бюэле забыли.

Во Второй мировой войне величайшим, пожалуй, в истории актом военного террора стала бомбежка союзной авиацией Дрездена — «Флоренции на Эльбе». В феврале 1945 года беззащитный город с населением 630 000 человек заполнили сотни и тысячи беженцев, спасавшихся от наступления Красной армии.

Как писал журналист «Washington Post» Кен Рингл в статье по поводу пятидесятой годовщины бомбежки: «Если кого и можно обвинить в трагедии Дрездена, этим человеком должен стать Черчилль».

Перед тем как отправиться на конференцию в Ялту, Черчилль приказал начать операцию «Удар грома», предполагавшую использование союзной авиации для «выселения» немцев из их домов, дабы они превратились в беженцев, заполонили дороги и помешали немецкой армии оказывать сопротивление русским. В список целей Дрезден внес маршал авиации Артур Гаррис по прозвищу Бомбардир. По словам Рингла, в первую ночь 770 бомбардировщиков «Ланкастер» появились над городом около десяти часов. На узкие улицы Дрездена и барочные здания обрушились две волны снарядов уничтожения — 650 000 зажигательных бомб и 1474 тонны взрывчатки.

На следующее утро после налета «ланкастеров» в дело вступили американские Б-17: пятьсот бомбардировщиков приблизились к городу двумя волнами. Их сопровождали триста истребителей для подавления возможного сопротивления.

Пожар продолжался семь дней. Огонь уничтожил свыше 1600 акров городской территории (сравним с 100 акрами, уничтоженными немецкой авиацией в Ковентри), расплавленные мостовые сжигали обувь тех, кто пытался на них ступить. Автомобили, нетронутые огнем, взрывались от жара. Тысячи людей укрывались в погребах и подвалах — и умирали от недостатка кислорода прежде, чем их накрывало обломками рушащихся домов.

Романист Курт Воннегут, один из тех двадцати шести тысяч пленников, которых держали в Дрездене, помогавший разгребать завалы, вспоминал, как забрался в какой-то подвал и увидел мертвецов, сидевших, как сказано в его романе «Бойня номер пять», в «трупной шахте». А в резервуарах с водой плавали обгорелые тела тысяч и тысяч других...

Данные о жертвах дрезденского пожара варьируются от 35 000 до 250 000 человек. Даже Черчилль не стал скрывать истинных причин бомбежки: «Мне показалось, что наступила пора, когда вопрос о бомбардировке немецких городов *во имя устрашения, пусть и под иным предлогом*, должен встать на повестку дня» (курсив автора).

Примеру англичан, основоположников воздушного террора, последовали американцы. Через несколько недель после Дрездена генерал Кертис Лемэй отправил бомбардировщики Б-29 на Токио. Николас ван Хоффман описывает, что произошло потом:

«Девятого марта 1945 года 179 американских бомбардировщиков, вооруженных зажигательными бомбами, особенно опасными для выстроенной из дерева и бумаги японской столицы, появились над Токио, плотность населения которого составляла 135 000 человек на

квадратную милю. Все шло по плану. Токио охватил пожар столь яростный, что от жара вскипала вода в прудах и озерах, и те, кто пытались найти спасение в воде, сваривались заживо, превращаясь в гигантских лобстеров. По официальным американским данным, смерть в ту ночь настигла 87 000 человек. Никто не знает, сколько жертв было на самом деле».

Есть ли этическая разница между уничтожением 87 000 человек зажигательными бомбами с высоты пяти миль и сжиганием заживо 187 чехов в деревне Лидице?

В документальном фильме «Туман войны» бывший министр обороны Роберт Макнамара, вместе с Лемэем разрабатывавший план уничтожения японских городов, утверждает: генералы согласились, что «если мы проиграем, нас будут судить как военных преступников. Думаю, они были правы. Мы с Лемэем вели себя как преступники».

Спустя шесть месяцев после Токио Гарри Трумэн приказал сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки; 6 августа погибли около 80 000 человек, 9 августа — еще 40 000 человек. Трумэн сбросил бомбы, чтобы заставить Японию сдаться. Считается, что, не сделай мы этого, не меньше полумиллиона американских солдат, моряков и летчиков погибли бы в ходе предполагавшегося вторжения на Японские острова. На вопрос, мучают ли его угрызения совести по поводу ста тысяч сгоревших заживо мирных граждан, Трумэн ответил: «Я об этом не вспоминаю».

Если военный террор представляет собой преднамеренное истребление мирных жителей с целью сломить сопротивление неприятеля, разве Дрезден, Токио, Хиросима и Нагасаки не являются примерами монументального военного террора?

ТЕРРОРИСТЫ-КАМИКАДЗЕ

Если время Рембо было «эпохой убийц», то наше время — эпоха террористов, от Мохаммеда Атты и восемнадцати его поделщиков до террористов-камикадзе в Иерусалиме. Однако самые известные примеры самоубийственных терактов канонизированы в легендах и мифах.

Ветхий Завет рассказывает о силаче Самсоне, который голыми руками повалил колонны и обрушил на филистимлян храмовый свод. Японские пилоты отдавали жизни за отечество и императора, чтобы потопить двигавшиеся к островам американские корабли. По сей день японцы чтут их память. Впрочем, самый знаменитый акт коллективного самоубийства в анналах истории произошел почти две тысячи лет назад.

В 73 году девятьсот иудейских zelотов, восставших против Рима, отступили в крепость Масада, располагавшуюся на высоте тысячи футов над пустыней недалеко от Мертвого моря. Римляне готовились к штурму, но защитники крепости приняли решение не сдаваться — и покончили с собой. Выжили только две женщины и трое детей. Сегодня в Масаде воины израильских бронетанковых частей приносят присягу.

Оправдано ли такое решение? Возможно ли оправдать Джонстаун*? Неужели все женщины и дети там и там добровольно согласились умереть? Или некоторые сопротивлялись и были умерщвлены насильно? Уклонились бы zelоты, убившие собственных жен и детей, от возможности истребить жен и детей римлян?

* Имеется в виду город Джонстаун в Гвиане, где в начале 1980-х гг. произошло массовое самоубийство членов секты Джима Джонса.

КАНОНИЗАЦИЯ ТЕРРОРИСТОВ

Мы презираем террористов, но они нападают и будут нападать на нас снова и снова, потому что террор часто приводит к успеху. Шерман и армии Союза сокрушили Юг, задержав его развитие минимум на столетие. Но они одержали победу, освободили рабов — и были прославлены за свои подвиги. Хиросима и Нагасаки убедили императора Хирохито в том, что безоговорочная капитуляция лучше атомных бомбардировок. ИРА, банды Иргуна и Штерна, Вьетминь, алжирский ФНС, Мау Мау, южноафриканские партизаны — все использовали террористические методы и все победили. Кровь невинных, пролитую во имя революции, смыли шампанским в честь победы.

Вожак ФНС Бен Белла стал первым президентом Алжира. Джомо Кеньятта, лидер кенийских Мау Мау, сделался отцом своего народа и «великим старцем» Африки. Ицхак Шамир стал премьер-министром Израиля, как и его предшественник Менахем Бегин, получивший Нобелевскую премию мира. Та же участь ожидала и Нельсона Манделу, который сел в тюрьму в 1964 году за подрывы поездов и организация которого была известна пытками-«ожерельями»: людям отрубали руки, надевали на шеи наполненные газом автомобильные шины и поджигали последние под хохот толпы. Сегодня Мандела — пожалуй, самая уважаемая политическая фигура на планете. Ясир Арафат также удостоился Нобелевской премии мира и готовился стать первым президентом Палестины.

Тело государственного террориста-коммуниста Хо Ши Мина находится в мавзолее, куда приходят поклониться его праху, а город Сайгон переименован в Хошимин. Тело тирана, ответственного за гибель по

меньшей мере 30 миллионов китайцев, хранится в хрустальном саркофаге на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Тело Ленина, террориста и брата террориста, покушавшегося на императора Александра III, пребывает в мавзолее на Красной площади.

В своей классической работе «Рождение нации» Д. У. Гриффит изображает куклуксклановцев благородными героями. Индейский вождь Джеронимо, убивавший жен и детей первопоселенцев, обрел бессмертие в голливудском фильме. В биоэпике «Майкл Коллинз» Лиам Нисон изображает Коллинза борцом за свободу Ирландии. В фильме 1973 года «Государство в осаде», основанном на истории с похищением и убийством советника посольства США в Уругвае, местные боевики-тупамарос представлены людьми чести.

Терроризм в двадцатом столетии часто добивался успеха; когда это случалось, экс-террористы получали власть, славу и бессмертие — их именами называли улицы, деревни и города. И Америка сегодня официально признает все страны, которые добились независимости при помощи терроризма.

Чтобы не быть голословными, изложу истории двух «домашних» американских террористов.

В августе 1831 года в округе Тайдуотер, штат Виргиния, некий Нат Тернер возглавил восстание рабов, в ходе которого — прежде, чем шестнадцать вожаков осудили и повесили, а самого Тернера повесили и содрали с него кожу, — восставшие забивали дубинками, топорами и копьями женщин и детей.

В своей книге «Американцы: Социальная история Соединенных Штатов» Дж. Ч. Фернес называет Тернера «психотиком», «бедным уродцем», «параноиком и колдуном, который освободил рабов и повел свое обремененное суевериями воинство против белых, убил пятьдесят пять человек обоих полов и всех возра-

стов и безжалостно и бессмысленно терроризировал графство Саутгемптон на юго-восточной окраине Виргинии».

Этого мнения придерживались вплоть до 1966 года, когда Уильям Стайрон опубликовал роман «Признания Ната Тернера», «размышления над историей» тех августовских дней, когда шайка Тернера истребляла всех белых на тридцатимильном участке земли от фермы Тернера до столицы графства, города Джерусалем.

Стайрон, как утверждает Клифтон Фэдимен из издательства «Random House», «драматизировал взаимосвязанные невзгоды, фрустрации и надежды, которые заставили этого неординарного чернокожего мужчину на заре нашей истории подняться с колен и пасть на тех, кто держал в кабале его народ».

«Динамическое взаимодействие одержимого, отчаявшегося разума Ната Тернера и отмирающей, агонизирующей социальной системы, против которой он направляет все свои усилия, — продолжает Фэдимен, — прекрасно показано Стайроном, и не только с присущей автору изобретательностью, но и с несомненным сочувствием». С сочувствием, которого — так и хочется продолжить — Нат и его обезумевшие товарищи ни разу не выказали по отношению к своим жертвам. Но современность склонна забывать о грехах террористов, поскольку они служат благородному делу. «Признания Ната Тернера» стали книгой месяца по выбору Книжного клуба и получили Пулитцеровскую премию.

Джона Брауна также считают американским революционером-террористом. В «кровоточащем Канзасе» он убивал южан, мстя за смерть своих товарищей-северян. Потом он отправился на восток, чтобы освободить рабов. В его трудах Брауну помогали люди, которых Отто Скотт назвал «тайной шестеркой», среди них

Ральф Уолдо Эмерсон. На их деньги Браун приобрел карабины, пистолеты, копья, пики, патроны, порох и динамитные шашки, чтобы вооружить рабов, которые, как он предполагал, восстанут, едва ему удастся захватить арсенал в Харпер-сити.

Взяв заложников, Браун ввязался в стычку с морскими пехотинцами под командой полковника Роберта Э. Ли. Его схватили и повесили под бдительным присмотром кадетов Виргинского военного института, который возглавлял профессор артиллерии Томас Дж. Джексон. В письме к жене Джексон сообщал, что на эшафоте Браун держался «с непоколебимой твердостью». В день казни Брауна по всему Северу звонили колокола, в его честь проводились церковные службы и народные собрания, его прославляли как благородного человека и освободителя рабов. Он стал национальным героем; распевая боевой гимн: «Пусть тело Джона Брауна лежит в земле, / Он с нами в бой идет», войска Союза смяли и растоптали Юг. Эпическая поэма Стивена Винсента Бене называется «Тело Джона Брауна».

Террорист в глазах одних — борец за свободу в глазах других.

ПОЧЕМУ ТЕРРОРИЗМ ПОБЕЖДАЕТ — И ПРОИГРЫВАЕТ

Империи и республики, диктаторы и повстанцы, революционеры и анархисты — все прибегали к террору; терроризм помогал выигрывать войны, укреплять тиранию, изгонять колонизаторов и добиваться национальной независимости. В двадцатом столетии революционный террор одновременно преуспел и потерпел поражение.

ИРА, шайка Иргуна, Вьетминь, ФНС в Алжире, ZANU и ZAPU в Родезии, АНК в Южной Африке, «Хезболла» в Ливане применяли террористическую тактику и добились свержения правившего в стране на тот момент режима. Филиппинские гуки и малайские партизаны, итальянские Красные бригады, немецкая банда Баадера и Майнхов, баскская ЭТА, уругвайские тупамарос, перуанский «Сияющий путь», пуэрториканские Вооруженные силы национального освобождения, американские «метеорологи» и «черные пантеры» проиграли. Почему?

Потому что в Ирландии, Палестине, Индонезии, Алжире, Родезии, Южной Африке и Ливане повстанцы пользовались поддержкой населения. Имперские правительства, нарушавшие «закон Джефферсона», который гласит, что справедливая власть возникает из согласия управляемых, оказались в нашу эпоху наиболее уязвимыми.

Правительство, реализующее волю народа, способно, при достаточном терпении и упорстве, справиться с движением, прибегающим к террористической тактике. И несмотря на то, что демократические общества уязвимы для террористических атак, эти общества благодаря своим открытости и свободе являются наиболее гибкими в своих реакциях, поскольку опираются на народ.

Принципиальным для победы над террористами является метод, которым правительство реагирует на нападения. Поскольку главная битва ведется за сердца и души, чрезмерно жесткая реакция может оказаться фатальной. Ответ Великобритании на Пасхальное восстание — казнь предводителей, равно как и ответ Франции на террор, развязанный ФНС, — карательные операции и пытки, — привели к революциям. Победа Массю в битве за Алжир стала хресто-

матийным примером того, как имперская власть выигрывает сражение и проигрывает войну.

Террористы — пикадоры и матадоры. Они колют быка до тех пор, пока не пойдет кровь, пока животное не разъярится, а затем принимаются взмахивать у него перед глазами кровавой мулетой террора. Бык нападает снова и снова, пока не останавливается в изнеможении. И матадор, такой щуплый и слабый рядом с быком, вонзает шпагу между лопатками животного. Бык не понял, что мулета — всего-навсего провокация, которая заставляет его злиться и нападать до полного изнеможения.

Американской империи необходимо задуматься. Пока США остаются республикой, режимы, которые мы поддерживаем на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, точнее всего описываются термином «автократия». Наше подавляющее присутствие в регионе и неослабевающая поддержка Израиля вызывают всеобщее негодование. Кроме того, правоверным мусульманам (как и убежденным христианам) наша поп-культура представляется декадентской и ядовитой. Мусульмане воспринимают экспорт нашей культуры тем же образом, каким патриоты-китайцы воспринимали попытки Британии одурманить население Поднебесной опиумом.

Наша проблема заключается в том, что десятки миллионов арабов и представителей других мусульманских народов не желают нашего присутствия в регионе, требуют уничтожения Израиля и свержения прозападных правительств. И все больше людей готовы отдавать за осуществление этих целей свои жизни. Если Осама пользуется широкой поддержкой, то у палестинской интифады поддержка всеобщая. Исламистов, которые сражаются с нами, несет могучий поток.

Более того, хотя арабским войскам нечасто удавалось брать верх над западными армиями, арабские и исламские революции, применявшие террористическую тактику против Запада, редко заканчивались неудачей. Эти революции завершились уходом французов из Алжира, англичан из Палестины, Соединенных Штатов из Бейрута, израильтян из Ливана, советских войск из Афганистана. Почему бы исламским революционерам не решить, что они способны добиться того же в Ираке и что им по силам свергнуть королей, султанов и шейхов в Марокко, Иордании, Саудовской Аравии и Кувейте?

Если иракские партизаны и воины ислама окажутся готовы умирать бесконечно во имя великой цели — изгнания «оккупантов» со своих земель, рано или поздно, вероятнее всего, они добьются успеха.

КРАДУЩИЙСЯ ТИГР, ЗАТАИВШИЙСЯ ДРАКОН

Китай — спящий великан. Пускай он спит, иначе, когда он проснется, мир вздрогнет.

Наполеон Бонапарт

Пока Америка продолжает свои «малые империалистические войны» за демократию на Ближнем и Среднем Востоке, на Дальнем Востоке набирает силу держава, которая способна бросить США вызов в двадцать первом столетии. Если рассуждать применительно к Азии, Китай безусловно на подъеме, Америка же находится на спаде.

Однако, отвечая на «китайскую угрозу», Америка должна вспомнить собственную историю, поскольку между нашим прошлым и китайским настоящим существуют очевидные параллели.

До 1900 года история США представляла собой череду безостановочных и зачастую кровопролитных попыток изгнать с американской территории французов, англичан, мексиканцев, русских и испанцев и утвердить власть Америки в регионе, а затем распространить эту власть на всю акваторию Тихого океана вплоть до берегов Китая.

Между 1754 и 1763 годами американцы вытеснили французские войска сначала за Аллеганские горы, а потом и вообще из Северной Америки. В 1781 году были изгнаны англичане. В 1810 году, пока Испания и Англия вели войну с Наполеоном, Мэдисон захватил Западную Флориду. В 1812 году, подзуживаемый «ястребами» наподобие Кэлхауна и Клэя, Мэдисон попытался завладеть Британской Канадой. В 1818 году Джексон стремительным рейдом овладел остальной Флоридой, а государственный секретарь Джон Куинси Адамс добился отказа Мадрида от притязаний на полуостров.

В 1823 году Монро сообщил Европе, что ее колониям в Америке больше не бывать. В 1836 году мы отрезали от Мексики Техас, а в 1845 году Тайлер аннексировал эту местность. Когда разъяренный Санта-Ана вознамерился вернуть утраченную провинцию, Полк взял над ним верх и завладел северными районами Мексики. В 1865 году Джонсон отправил Союзную армию под командой генерала Шеридана на Рио-Гранде, чтобы убедить Наполеона III вывести французские войска из Мексики. В 1867 году Сьюард принял Аляску из рук русского царя, а затем аннексировал Мидуэй.

В 1898 году Маккинли изгнал испанцев с Кубы и присоединил Пуэрто-Рико, Гавайи, Гуам и Филиппины. Чтобы подавить сопротивление филиппинцев, потребовалось три года. Утвердившись на островах, мы — последними из имперских держав — подошли к берегам Китая. Там мы объявили политику «открытых дверей» и вместе с европейцами и японцами подавили боксерское восстание 1900 года.

В 1945 году США уничтожили императорскую Японию и стали гегемоном Азии, достигнув зенита своего могущества. Но упадок оказался еще более скорым, чем подъем. В 1949 году Америка потерпела истори-

ческое поражение — Китай достался коммунистам (по выражению Мао, китайцы «наконец поднялись с колен»).

При коммунистах Китай начал набирать силу. Маоисты быстро покорили Манчжурию и вторглись в Тибет.

В июне 1950 года Северная Корея напала на Корею Южную, причем агрессорам почти удалось выбить с полуострова американцев. Макартур нанес контрудар в Инчхоне, разгромил северокорейскую армию и заставил ее отступить за Ялу. В ответ Мао бросил нам навстречу свои полчища, чтобы не допустить уничтожения северокорейского «буфера» между Китаем и «американскими собаками». Эта акция стоила Китаю миллиона жизней, и в 1953 году был подписан мирный договор.

В 1959 году тибетцы восстали против ханьского Китая и маоистов; по оценкам экспертов, за десять лет погибли около 1,2 миллиона человек, были разрушены 6000 монастырей, храмов, зданий и сооружений, принадлежавших к культурно-историческому наследию человечества.

В 1962 году Китай напал на Индию и аннексировал часть Кашмира — район Аксай-Чин. В 1969 году китайцы попытались захватить у русских острова на реках Амур и Уссури. В 1974 году охваченный войной Южный Вьетнам лишился Парасельских островов. В 1979 году Китай и Вьетнам столкнулись из-за Камбоджи. В 1992 году Китай официально заявил о присоединении Парасельских островов и архипелага Спратли, а в 1994–1995 годах оккупировал риф Мисчиф в исключительной экономической зоне Филиппин. Сегодня там расположена китайская военно-морская база. В 1998 году, после 150 лет британского владычества, к Китаю вернулся Гонконг. Год спустя Пекин по-

лучил и Макао, остававшийся португальской колонией с 1887 года.

Китай приложил значительные усилия к ослаблению американского влияния в Таиланде и Бирме. Он одобрил разработку Пакистаном и Северной Кореей собственных программ по производству ядерного оружия и начал распространять сферу своих интересов на запад. Вместе с Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном Китай создал Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), цель которой — противодействовать стратегическому проникновению США в Центральную Азию и восстановить Великий шелковый путь с Дальнего Востока к Каспию и Востоку Ближнему.

При ежегодном экономическом росте в 8 процентов и весьма трудолюбивом и деятельном населении численностью 1,3 миллиарда человек, при молчаливом содействии миллионов «заграничных» китайцев от Сингапура до Сан-Франциско, ни на миг не забывая о временах, когда Поднебесная империя опережала в своем развитии все прочие народы, Китай твердо намерен вновь стать первым среди промышленно развитых государств мира.

Америке и Китаю следует всеми средствами избегать повторения участи кайзеровской Германии и Великобритании Георга V, которые — одна на подъеме к могуществу, другая на пути к упадку — ввязались в тридцатилетнюю войну между собой, уничтожившую обе державы.

«ВЗРОСЛЕНИЕ» МАОИСТСКОГО КИТАЯ

Безумие, охватившие Китай в пору Великой пролетарской культурной революции, продолжалось вплоть до смерти Мао Цзэдуна в 1976 году. В эту «лихую пору»

были истреблены тысячи интеллектуалов: их вешали, расстреливали, отдавали на расправу толпе, в лучшем случае ссылали в деревню «на перевоспитание». Но когда Великий Кормчий отпустил руль, безумие пошло на убыль. Под управлением Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина Китай отказался от марксистской догматики и стал ориентироваться на Запад.

«Не имеет значения, черная кошка или белая, — говаривал Дэн, — главное, чтоб она мышей ловила». Американские, европейские, японские бизнесмены хлынули в Китай, им разрешили строить заводы и фабрики и пользоваться практически неисчислимой и дешевой рабочей силой, которая быстро наводнила мировой рынок своей продукцией. Нынешний Китай разительно отличается от той страны, в столицу которой борт номер один принес Ричарда Никсона в 1972 году.

Пекинский режим остается авторитарным и жестоким. Он по-прежнему осуществляет политику принудительных абортов для тех женщин, которые нарушают закон о допустимом количестве детей в семье. Он по-прежнему подавляет религиозное и политическое вольнодумство, обращается с борцами за независимость Тибета и Синьцзяна как с террористами и посягает на приграничные территории, которые в Пекине считают исконно китайскими. Этот режим по-прежнему казнит больше преступников, чем любая другая страна. Но современный Китай так же отличается от Китая времен Мао, как путинская Россия от России сталинской. В 1950 и в 1969 годах политика Мао поставила Китай на грань войны с США и СССР соответственно, однако после смерти председателя Пекин избегал каких-либо столкновений с великими державами. Цель современного Китая — подорвать гегемонию США в Азии и стать первым среди мировых держав. А еще Китай одержим Тайванем.

Устремления Китая, как можно заключить на основании выступлений китайских чиновников и проводимой страной политики, сводятся к следующему:

- «национализировать» двухсотмильную исключительную экономическую зону и воздушное пространство над ней, чтобы ни один корабль и ни один летательный аппарат не могли проникнуть в эту зону без разрешения Китая (отсюда — постоянные инциденты с американскими кораблями и самолетами);

- утвердить свою власть над архипелагом Спрэтли, близлежащими атоллами и необитаемыми островами Южно-Китайского моря и перенести морскую границы на тысячу миль к югу, в сторону Индонезии и Филиппин, чтобы любые корабли, в том числе и корабли ВМС США, входили в эти воды только с разрешения Пекина; конечная же цель — превратить Южно-Китайское море в китайский Чесапикский залив;

- постепенно отнять у Москвы Сибирь, содействуя проникновению иммигрантов через Амур и Уссури на эти в основном пустынные земли, принадлежавшие Китаю до 1860 года, подобно тому как мексиканцы сегодня проникают на бывшие мексиканские территории на юго-западе Америки;

- добиться вывода американских военных баз из Казахстана, Киргизии и Таджикистана и включить эти бывшие советские республики по соседству с Китаем в сферу китайского влияния;

- присоединить Тайвань к материковому Китаю, применив в случае необходимости силу (подобная акция существенно укрепит престиж Китая и его экономическую мощь, а также позволит разместить китайские ВВС на «непотопляемом авианосце» на траверзе японских коммуникаций; размещение на побережье материка пятисот ракет преследует две цели — устрасить Тай-

вань и заставить его отказаться от автономии или напасть на остров и подавить сопротивление до того, как успеют вмешаться США);

— в конце концов ограничить сферу влияния США в западной части Тихого океана Гавайями, Мидуэем и Гуамом (в 1996 году заместитель командира Китайской военной академии заявил: «Что касается Соединенных Штатов, на протяжении относительно долгого времени от нас требовалось терпеливо сносить все унижения, и мы не спешим высказывать гнев и демонстрировать свои возможности»).

По мнению экспертов, к 2020 году Китай намерен доминировать в западной части Тихоокеанского бассейна — «вплоть до второй цепочки островов», которая включает в себя не только Тайвань, но и Филиппины и Японию.

КОСТЬ В ГОРЛЕ

В годы «холодной войны» Хрущев назвал Западный Берлин, свободный город, окруженный Красной армией, «костью в нашем горле». Для Пекина такой костью в горле является Тайвань. Правительство и население материкового Китая считают Тайвань китайской территорией и согласны воевать за него до полной победы. Если Тайбэй объявит о своей независимости, Китай, о чем он уведомил мировое сообщество, вернет «заблудшее чадо» теми же средствами, какими Линкольн вернул Союзу американский Юг.

Однако притязания Пекина на остров, которым в двадцатом столетии Китай владел всего четыре года, ни в коей мере не являются неоспоримыми.

По итогам японо-китайской войны 1895 года Китай передал остров Формоза Японии, и японцы правили им полстолетия, вплоть до краха империи в 1945 году. Американцы уступили Формозу своему союзнику Чан Кайши, который вместе с двумя миллионами соратников укрылся на острове в 1949 году, после триумфа Мао. Вскоре чанкайшисты основали Китайскую республику (Тайвань). Ныне остров защищает 7-й флот США.

После смерти Чан Кайши ему наследовал сын. При Чане и его преемниках Тайвань стал оплотом рыночной экономики и одним из «азиатских тигров». Вдобавок остров представляет собой развитую демократию, и коренные тайваньцы — а это 90 процентов населения — не желают подчиняться пекинскому режиму.

Впрочем, для Китая возвращение Тайваня — вопрос чести. Пекин ни при каких условиях не примет от островитян декларации независимости, как Эндрю Джексон не принял бы уведомления об отделении от Союза Южной Каролины.

ПОЗИЦИЯ США ПО ТАЙВАНЮ

В отношении Тайваня Соединенные Штаты занимают двойственную позицию.

В 1950-х годах Эйзенхауэр снабжал чанкайшистов ракетами «воздух — воздух», позволявшими сбивать китайские МиГи. Кроме того, когда крохотные островки Кермой и Мацу подверглись обстрелу с материка, он распорядился передать Тайбэю дивизион восьмидюймовых гаубиц, способных вести огонь ядерными зарядами. Маоисты прекрасно поняли намек, и обстрелы прекратились.

На протяжении двух десятилетий после триумфа Мао Китай и Соединенные Штаты не поддерживали дипломатических отношений. Но в 1972 году Никсон совершил свой исторический визит в Пекин. В «Шанхайском коммюнике», которое стало итогом усилий Генри Киссинджера, США обозначили «принципиальное препятствие для нормализации отношений»:

«Соединенные Штаты признают, что китайцы по обе стороны Тайваньского пролива считают Китай единой страной и что Тайвань является частью Китая. Соединенные Штаты не будут оспаривать это утверждение. США подтверждают свою заинтересованность в мирном разрешении тайваньского кризиса и признают его внутренним делом Китая. С учетом вышесказанного, США подтверждают намерение в будущем вывести с Тайваня американские войска и военные базы. Пока это не произошло, США будут сокращать свое военное присутствие на Тайване по мере ослабления напряженности в регионе».

В коммюнике ни словом не упоминалось о мнении населения Тайваня, лишь немногие представители которого соглашались очутиться под властью Пекина. Тем не менее на протяжении всего срока своего президентства Никсон не закрывал посольство США в Тайбее и не денонсировал договор о защите Китайской республики Тайвань.

Джимми Картер принялся «завинчивать гайки»: он разорвал договор о защите и признал Китайскую народную республику в качестве единственного законного выразителя интересов китайского народа. Материк обстрелял Тайвань, остров ответил, и Конгресс принял резолюцию «О взаимоотношениях с Тайванем». Согласно этой резолюции, американским дипломатам и политикам следовало «обеспечивать возможность

США противодействовать всем попыткам поставить под угрозу социальную и экономическую систему острова Тайвань».

Рейган подтвердил положения коммюнике (Тайвань — часть Китая) и согласился сократить поставки вооружения на остров. В совместном заявлении 1982 года США сообщили, что

«...не собираются реализовывать долгосрочную программу поставки оружия Тайваню. Поставки вооружений в будущем не превысят, в количественном и качественном выражении, уровня поставок последних лет. Соединенные Штаты намерены постепенно сокращать объем поставок и со временем прекратить такие поставки окончательно».

Автор этих строк, как и многие другие, возражал против «Шанхайского коммюнике» и решений, принимавшихся администрациями Картера и Рейгана, однако нельзя отрицать очевидного: время ушло, и его не вернуть. Тайваню больше не имеет смысла уповать на то, что однажды он сможет объявить о своей независимости при поддержке Соединенных Штатов.

После событий на площади Тяньаньмэнь отношения США и Китая обострились. Произошло сокращение поставок вооружения со стороны как Соединенных Штатов, так и Европейского союза. Президент Джордж Буш-старший подписал контракт на поставку Тайваню истребителей F-16. В 1996 году Китай произвел пробные пуски ракет в направлении Тайваня, и президент Клинтон приказал выдвинуться в регион двум американским авианосным группам.

Во время этого кризиса некий китайский дипломат сообщил Чезу Фримену, сотруднику посольства США

в КНР, что если американцам дорог Лос-Анджелес, им лучше не вмешиваться. Китай, утверждал этот дипломат, может использовать ядерное оружие во имя возвращения непокорного острова. Остальные азиатские страны предпочитали наблюдать, словно их не интересовал конфликт Китая и Соединенных Штатов. Иными словами, в вооруженном противостоянии Тайваню могли помочь только США.

В ходе визита в Пекин Клинтон согласился с требованиями китайской стороны — знаменитыми «трем нет». Китай выдвинул следующие условия: нет — поддержке Соединенными Штатами борьбы Тайваня за независимость; нет — признанию независимого Тайваня; нет — помощи Тайваню во вступлении в любые международные организации.

Вскоре после инаугурации Буша-младшего самолет-разведчик EP-3, пролетавший над Южно-Китайским морем, был вынужден после столкновения с китайским истребителем совершить посадку на острове Хайнань. Государственный секретарь Пауэлл извинился перед КНР. Но президент Буш испортил дипломатическую игру: когда ему задали вопрос, готова ли Америка использовать всю свою силу для защиты Тайваня, он заявил, что сделает «что угодно, чтобы помочь Тайваню защитить себя».

В 2003 году случился новый дипломатический скандал. В ходе предвыборной компании президент Чен Шуйбянь предложил провести референдум с требованием к Пекину снять с боевого дежурства ракеты, нацеленные на Тайвань.

Пекин пришел в ярость. Генерал-майор Народной армии Китая Пэн Гуанцянь заявил, что «если вспыхнет война, вина за ее начало падет на тайваньского лидера, а с террористами с острова будут обращаться как с военными преступниками».

Во время визита в Вашингтон премьер-министра Госсовета КНР Вэнь Цзябао президент Буш — в выражениях, весьма нелестных для тайваньского лидера, — укорил Чена за организацию референдума. Буш не упомянул при этом о пятистах нацеленных на остров ракетах. Даже газета «Washington Post», передовица которой была озаглавлена «Мистер Буш поклонился до земли», сочла, что президент зашел слишком далеко в стремлении умиротворить Пекин и что наш верный союзник не заслуживает подобного отношения.

Что можно вкратце сказать об истории взаимоотношений США и Тайваня после политического отделения острова от материка? Америка на протяжении полувека была единственной опорой Тайваня, но с каждым десятилетием ее поддержка ослабевала.

БАЛАНС СИЛ

Является ли Китай столь же серьезной стратегической угрозой для Америки, какой в годы «холодной войны» был СССР? Разумеется, нет — пока нет. Москва обладала более многочисленной, чем США, армией и бронетанковыми частями, подводным и надводным флотом, бороздившим океаны, бомбардировщиками и ракетами, способными обрушить на Америку тысячи ядерных боеголовок. Сегодняшнему Китаю до Советского Союза очень далеко.

Тем не менее Китай демонстрирует самый быстрый в Азии рост арсеналов со времен императорской Японии 1930-х годов. Мощь Китая неуклонно возрастает, Пекин в состоянии причинить существенный ущерб военным базам и подразделениям армии США на Дальнем Востоке. Численность войск США в азиатско-Ти-

хоокеанском регионе составляет сто тысяч человек, тогда как Китай может выставить *двадцать три раза* больше солдат. В последние годы КНР

- стала третьей страной, отправившей человека в космос;

- поставила на боевое дежурство двадцать межконтинентальных баллистических ракет, способных поразить Гавайи и Западное побережье США;

- увеличила свой военный бюджет до размеров второго в мире (50–70 миллиардов долларов США);

- произвела пробные запуски ракет по американским базам в Южной Корее и Японии, используя мобильные ракетные комплексы СС-5 с дальностью полета 1300 миль и стационарные комплексы СС-2 с дальностью полета 1900 миль (по всей видимости, это было предупреждение: если 7-й флот США поддержит своей огневой мощью Тайвань, Китай ответит ударами по Южной Корее и Японии);

- нацелила свыше пятисот ракет DF-11 и DF-15 на Тайвань и планирует довести их количество до 650 (оба типа ракет способны нести ядерные боеголовки, и Тайвань против них беззащитен; это самая серьезная ракетная угроза в современном мире с той поры, когда Москва угрожала НАТО своими ракетами СС-20, а Рейган разместил в Западной Европе «першинги» и крылатые ракеты; ни Тайвань, ни США фактически не отреагировали на демонстрацию силы со стороны Китая);

- приобрела почти 300 истребителей-перехватчиков Су-27 и многофункциональных истребителей Су-30, причем последние имеют на борту сверхзвуковые противокорабельные ракеты с дальностью полета до 200 миль (эти российские истребители и бомбардировщики четвертого поколения превосходят как числом, так и характеристиками американские боевые самолеты, размещенные на Окинаве);

- закупила два российских эсминца, вооруженных сверхзвуковыми противокорабельными ракетами и предназначенных для борьбы с ракетными фрегатами и авианосцами, а также двенадцать дизельных подводных лодок дальнего действия с крылатыми ракетами на борту (наверняка эти корабли приобретались с учетом действующих в Тихом океане американских авианосцев «Нимиц», «Трумэн», «Кеннеди», «Линкольн» и «Рейган»);

- приобрела французские противокорабельные ракеты «Экзосет» и наладила собственное производство таких ракет;

- разрабатывает лазерное оружие для борьбы со спутниками США и спутниковые системы наблюдения для контроля за передвижением ВМС США в Тихом океане.

Судя по всему, Китай приобретает и производит оружие для морской войны. Между тем в регионе действует лишь один флот, против которого это оружие может быть применено. Эксперт по китайской военной политике Ричард Д. Фишер предупреждает о возможном развитии событий в «битве за Тайвань»:

«Китайцы не позволят нам вести войну за Тайвань в классическом американском стиле; понадобится не меньше года, чтобы создать подавляющее преимущество Америки. И это будет моментальная война, причем Америку попытаются отвлечь всевозможными диверсиями в других частях света. Немногочисленные F-15 или даже авианосная группа, которую мы сможем послать в Японию, — при условии, что они переживут диверсии китайский агентов и нападения "пятой колонны", — не устоят перед оружием, которое Китай сегодня активно закупает...»

В своей статье 1998 года в «Atlantic Monthly» Пол Брэкен, автор книги «Восток в огне», утверждает, что

текущая военная политика США с опорой на базы в Южной Корее и Японии сильно напоминает «возведение американской линии Мажино в эпоху баллистических ракет».

Наши базы в Азии, уязвимые для ракетных атак, становятся тем самым «заложниками ситуации». Ракетные удары по таким «удобным целям», пишет Брэкет, легко уничтожат аэродромы, топливные хранилища и склады с оружием, лишив базы их ценности и посеяв панику.

С сорока пятью ракетами, по мнению Брэкена, Китай может закрыть тайваньские порты и аэропорты, лишит остров пресной воды и энергии и уничтожить запасы топлива, то есть «устроить эффективную экономическую блокаду — ведь все необходимое поступает на Тайвань извне». Выпустив по одной из каждой десяти ракет, нацеленных на Тайвань сегодня, Пекин парализует его жизнь.

ПОСОБНИКИ

Модернизация китайских арсеналов была бы невозможна без трех стран — России, Израиля и Соединенных Штатов. У России Китай покупает боевые самолеты четвертого поколения, эсминцы, подводные лодки, противокорабельные ракеты, а также приобрел технологию по производству баллистических ракет среднего радиуса действия.

По данным обозревателя «Washington Post» Билла Герца, Китай закупил в Белоруссии шасси для СС-20, мобильных пусковых комплексов, чье внезапное появление в Восточной Европе в свое время вынудило Рейгана переправить в Европу Западную ракеты «Першинг» с ядерными боеголовками и крылатые ракеты.

У Израиля, по данным того же Герца и Ричарда Фишера, Китай приобрел:

- технологию производства противоракетных систем с лазерным наведением;
- технологию производства противокорабельных ракет «Пэтриот»;
- технологию производства систем раннего наблюдения и обнаружения (АВАКС) для РЛС с фазированной антенной решеткой типа «Фэлкон»;
- прототип многоцелевого истребителя «Lavi», по образцу которого делаются китайские ударные истребители J-10;
- технологию производства крылатых ракет STAR-1, использующих режим «стелс»;
- ракеты «Питон», израильский вариант ракет «Сайдуиндер», технологию изготовления которых мы когда-то предоставили Тель-Авиву (китайские истребители, перехватившие наш разведчик EP-3 над Южно-Китайским морем и запросившие разрешение на уничтожение «чужака», были вооружены именно «питонами»);
- беспилотные зонды «Гарпия», способные обнаруживать радарные установки противника, осуществлять наведение на цель по электронным импульсам вражеских радаров и сбрасывать на них бомбы.

«Эта система относится, безусловно, к наступательному оружию, — замечает Фишер по поводу «Гарпии», — а в китайско-тайваньском конфликте она может сыграть решающую роль. Ее предназначение — ослепить тайваньские средства наблюдения, благодаря чему Тайвань станет уязвим для китайских бомб и ракет». Фишер также добавляет, что Китай, изучив американские ракеты «Пэтриот», разработал собственную систему противодействия этим снарядам — а ведь наши друзья на острове, которым угрожают

пятьсот китайских ракет, полагаются в своей противоракетной обороне именно на «пэтриоты».

Почему Израиль продает американские военные технологии китайскому режиму, который однажды может использовать их против Тайваня? «Когда потенциальный покупатель проявляет реальную заинтересованность, — пишет израильский исследователь Ицхак Шихор, — министерству обороны трудно, если вообще возможно, воспрепятствовать продажам израильского оружия».

Пентагон публично не возражал против подобной политики, а администрация президента и Конгресс, по-видимому, не желают конфликтовать с Израилем.

Откуда у Китая твердая валюта для расчетов с Израилем и Россией? Из грандиозного объема торговли с Соединенными Штатами. Однако если проанализировать текущую ситуацию — Китай зарится на российский Дальний Восток, продает ракетные технологии врагам Израйля, угрожает друзьям Америки на Тайване, использует доходы от торговли с нами для закупки оружия, нацеленного на наших солдат, наши корабли и самолеты и даже на нашу территорию, — нетрудно предположить, что наступит день, когда все три страны-«пособника» пожнут плоды своих усилий.

В 1995 году президент Клинтон снял экспортные ограничения на поставки в Китай суперкомпьютеров. Пекин не собирался упускать шанс и приобрел сразу сорок шесть штук. Цель очевидна: разработать с помощью этих компьютеров новые боеголовки и ракеты, способные угрожать Западному побережью США. На этот вывод, к которому пришел обозреватель «New York Times» Джеффри Герт, американские официальные лица отреагировали удивительно равнодушно.

КАК КИТАЙ ОТНОСИТСЯ К НАМ

Но если нам поведение Китая представляется настораживающим и даже угрожающим, то как в глазах китайцев должны выглядеть мы сами?

Когда Красная армия отступила из Европы, а Советский Союз распался на пятнадцать независимых государств, расторг ли победитель — Соединенные Штаты — союзы времен «холодной войны» и отозвал ли домой американские войска?

Нет и нет. Наоборот, мы воспользовались моментом возникновения «униполярного мира» для того, чтобы придвинуть НАТО к границам России — образно выражаясь, плюнули в лицо побежденному. Затем мы на протяжении семидесяти восьми дней бомбили территорию ее давнего союзника, Сербии, до тех пор пока Белград не отказался от провинции Косово, принадлежавшей Сербии многие столетия, намного дольше, чем принадлежала Союзу мистера Линкольна Южная Каролина. В ходе этой военной операции мы по ошибке уничтожили ракетой с лазерным наведением систему коммуникации китайского посольства в Белграде. Для многих китайцев эта «ошибка» стала весьма показательной.

В ходе войны в Заливе, в балканских войнах 1990-х годов и во время операции «Свободу Ираку» Китай имел возможность воочию наблюдать в действии военные технологии двадцать первого столетия. США определяли местоположение своих врагов из космоса, наносили удары с беспилотных зондов и с самолетов, невидимых для радаров, выпускали крылатые ракеты с кораблей и самолетов, находившихся за сотни миль от места событий. Американские ударные истребители, танки, артил-

лерия, спутниковые системы. Авианосцы и бомбардировщики «стелс» на несколько поколений опередили Китай в области вооружений.

США не только модернизировали свои арсеналы со времен «холодной войны»; они также укрепили союзы с Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Австралией и Таиландом, оккупировали Афганистан, восстановили дружественные отношения с Пакистаном и с Индией, отправили военный корабль с визитом вежливости во Вьетнам, разместили военные базы в центральноазиатских республиках бывшего СССР на границе с Китаем, достигли понимания с путинской Россией и продолжают вести наблюдение за территорией Китая со спутников, самолетов и кораблей. В 1996 году президент Клинтон отправил авианосные группы на защиту Тайваня, а президент Буш поклялся защищать остров «любыми средствами».

Так что рассуждения китайцев об «американской гегемонии» и необходимости «сдерживания Америки» вполне оправданны. Разве то, что происходит сейчас, не представляет собой осуществление цели неоконсерваторов наподобие Уильяма Кристола и Роберта Кагана? Последние утверждали со страниц «New York Times»: «Соединенные Штаты должны разъяснить словом и делом, что они намерены всемерно препятствовать стратегическим амбициям Китая». Но как бы отреагировали мы на китайские базы в Мексике, Британской Колумбии, Новой Шотландии и на Кубе под предлогом «борьбы с терроризмом»? Какое впечатление произвели бы на нас полеты китайских разведывательных самолетов над нашими побережьями и китайские морские патрули в Мексиканском заливе?

Если китайские «ястребы» видят в Америке сверхдержаву, чья политика лишает Китай его законного места под солнцем, так ли уж они не правы? Не выте-

кает ли эта политика из доктрины национальной безопасности США?

Как бы отреагировали мы, опубликуй Великобритания в девятнадцатом столетии стратегическую доктрину, утверждавшую право британцев не допускать появления у Америки морских сил, способных бросить вызов Королевскому флоту в Атлантике и Карибском бассейне?

По сообщению Джона Дж. Ткачика-младшего из фонда «Наследие», некий ведущий китайский ученый со страниц одного из наиболее авторитетных китайских изданий по международной политике обвинил США в том, что они «используют войну с терроризмом для реализации собственных гегемонистских планов, и антитеррористическая операция служит прикрытием для установления гегемонии». Если вспомнить о том, что мы нанесли превентивный удар по Ираку, дабы лишить Саддама оружия, которого у него никогда не было, — слова китайского ученого заставляют задуматься.

Если Пекин считает, что Америка намерена заменить нынешнее правительство Китая режимом, более приемлемым для США, «благожелательной мировой гегемонией», — так ли сильно он ошибается? Разве замена китайского правительства не является конечной целью «мировой демократической революции» президента Буша?

АМЕРИКАНСКОЕ ПРЕВОСХОДСТВО

Можно сказать, что таков закон природы: крепнущие нации занимают на мировой арене места тех, которые приходят в упадок.

После Первой мировой войны Британская и французская империи аннексировали африканские, ближ-

невосточные и тихоокеанские колонии империй германской и Оттоманской. Япония захватила колонии кайзера к северу от экватора. После поражения Германии и Японии во Второй мировой войне и после краха Британской и французской империй Америка и СССР «унаследовали» эти территории — и те обязанности, которые налагало владение ими.

С распадом Советской империи и самого СССР Китай начал подменять собой Советский Союз в Азии и примерять на себя роль СССР как «сдерживающего фактора» против Америки. Это было вполне ожидаемо и естественно и никак не может служить поводом для истерики.

Хотя китайские арсеналы, в особенности ракеты, нацеленные на Тайвань и на американские военные базы, могут показаться устрашающими, смертельной угрозы Китай не представляет. У Пекина 3400 боевых самолетов, однако, как пишет исследователь Айвен Иланд, только 100 из них относятся к четвертому поколению, тогда как у Америки свыше 3000 машин четвертого (F-14, F-15, F-16, F-18C/D) и пятого (F-22 и F-18E/F) поколений. Китайские пилоты уступают американским в подготовке и боевом опыте. Двадцати китайским баллистическим ракетам, нацеленным на Америку, США могут противопоставить сотни своих — если, не приведет Господь, мы окажемся на грани ядерной войны.

Мы тратим ежегодно 40 миллиардов долларов на разработку новых видов вооружения и модернизацию существующих и 60 миллиардов долларов на приобретение оружия для армии и флота, тогда как Китай расходует не более 10 процентов этой суммы. У Китая имеется несколько современных подводных лодок и эсминцев с противокорабельными ракетами, но эти корабли не в состоянии противодействовать американским

ВМС: они не смогут спрятаться от наших ракетных крейсеров, спутников слежения и самолетов-разведчиков и не выдержат удара ракетами и бомбами с лазерным наведением. В ядерном оружии, бомбардировщиках, субмаринах с баллистическими ракетами, межконтинентальных баллистических ракетах, авианосцах и вертолетах армия и флот США намного превосходят китайские количественно и качественно. Америка может претендовать на мировое господство. Китаю это не по силам.

ВЗАИМОИСКЛЮЧАЮЩИЕ ВЗГЛЯДЫ

Относительно могущества Китая существуют два взгляда. Первый, благожелательный, коренится в классической либеральной вере в спасительную силу свободного рынка и свободной торговли. Вкратце его можно изложить следующим образом. Китайцы схожи с нами в своих устремлениях и хотят для себя и своих детей того же, чего хотят американцы, — свободы и «хорошей жизни». Если относиться к Китаю с уважением, пригласить его вступить в «семью народов» и предоставить ему честные условия конкуренции в глобальной экономике, Китай обратит свою энергию на достижение мирных целей. Чем выше будет уровень жизни в стране, тем скорее появится в ней средний класс, который станет добиваться свободы, требовать прав собственности и главенства закона. Постепенно этот средний класс положит конец монополии компартии на власть и создаст буржуазное государство, подобное Японии и другим свободным азиатским странам. Тем самым мы поспособствуем пробуждению «спящего гиганта», который будет жить в мире с другими.

Чтобы реализовать этот взгляд на практике, США на протяжении десятилетий выступали покровителем Китая. Мы поддерживали предоставление Пекину займов Всемирного банка. Мы открыли наш рынок для китайских товаров и предоставили Китаю льготный торговый статус. Мы помогли Китаю вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО). Мы заключили договор, согласно которому Америка приобретает 10 процентов ВВП Китая, тогда как Китай закупает две десятых процента нашего ВВП. На нас приходится 30 процентов китайского экспорта (американский же экспорт в Китай составляет всего 2,5 процента от общего объема). Мы разрешаем десяткам тысяч китайских студентов обучаться в США. Мы воспринимаем китайских лидеров как партнеров и даже как друзей.

Все это — подходящая основа для мирного стратегического сосуществования. Да, Китаем правят жестокие люди, за спиной у которых — длинные списки жертв, но по сравнению с Великим Кормчим и «бандой четырех» нынешних китайских лидеров можно назвать демократами. Политика Китая становится все менее агрессивной, а значит, США поступали и поступают правильно.

Второй взгляд, куда более пессимистический, сводится к следующему. Китаем правят люди, снедаемые злобой и не забывшие об унижениях, которым подвергалась их страна, — от опиумных войн и боксерского восстания до японской оккупации и изоляции со стороны Америки до 1972 года. Эти люди расстались с идеологией маоизма, но приняли взамен не менее опасную идеологию национализма и расового шовинизма, о которой мир не вспоминал с 1930-х годов. Тело Мао хранится в хрустальном саркофаге мавзолея на площади Тяньаньмэнь, на которой в 1989 году Китай по-

казал свое видение демократических реформ; Пекин проявляет терпение и избегает столкновения с США, поскольку еще не чувствует себя готовым к такому столкновению. Он накапливает силы для продолжительного противостояния и готовится рано или поздно оспорить владычество США в Азии. Когда в Пекине сочтут, что пора настала, военное столкновение практически неизбежно.

С этой точки зрения китайцы и вправду похожи на американцев — но не на нынешних, озабоченных исключительно собой, а на американцев конца девятнадцатого столетия, пылавших патриотическим и националистическим рвением и мечтавших изгнать испанцев из Западного полушария.

Что, если «ястребы» правы? Что, если в перспективе Китай готовится к войне, которую отдельные китайские стратеги и генералы, как следует из их высказываний, считают неизбежной? Что можно сказать о поколении, предоставившем Пекину триллион долларов торговой прибыли, благодаря чему Китай приобретает оружие для утверждения своего господства в Азии и изгнания американцев из акватории Тихого океана?

НЕИЗБЕЖНА ЛИ ВОЙНА?

С учетом того, что Китай сегодня — единственное государство, способное по своим размерам, численности населения, идеологии и мощи конкурировать с Соединенными Штатами, неизбежна ли война между нами?

Не более неизбежна, чем между Германией и Великобританией в 1914 году. Не существует сегодня и не имеет предпосылок возникнуть в будущем какой-либо повод, столь значимый, чтобы оправдать начало

боевых действий. Война возможна, но реализуется ли эта возможность — зависит от Китая и от нас.

На сегодняшний день Китай никоим образом не угрожает жизненным интересам США. Нельзя считать прямой угрозой Америке даже потенциальную оккупацию Тайваня. Если Пекин завладеет всем бассейном Южно-Китайского моря, чем это повредит Соединенным Штатам? Если Южная Корея и Япония последуют примеру Филиппин и попросят нас убрать военные базы со своей территории, какую угрозу это обстоятельство будет представлять для великой, свободной и независимой республики? Да, подобный шаг, вероятно, подведет черту под нашей гегемонией в Азии. Но ведь самим США он никак не угрожает.

Для США война с Китаем окажется самоубийственным капризом. Никакие потенциальные выгоды не оправдают риска, которому подобная война подвергнет нашу страну и ее граждан.

Для Китая война с Америкой станет катастрофой. Китай проиграет морскую войну в Тайваньском проливе — здесь у него нет ни малейшего шанса. Если Китай нанесет удар по военным базам США в Японии, Южной Корее и на Гуаме ядерными ракетами или химическим оружием, последует незамедлительное и суровое возмездие. Пекин прекрасно это понимает. Даже в «годы безумия» при Мао Цзэдуне Китай не рискнул начать военные действия против Тайваня. Китайцы сражались только для того, чтобы не позволить нам пересечь Ялу, и вообще начали боевые действия, лишь получив сообщение британской разведки, что президент Трумэн не использует против китайских войск атомные бомбы наподобие тех, которые уничтожили японские города.

Тем не менее хотя разум и утверждает, что война между нами окажется проигрышной для обеих сторон,

отсюда вовсе не следует, что боевые действия не могут начаться из-за какой-либо случайности или ошибки в расчетах. Современные историки спорят, стоило ли Великобритании присоединяться к тайному союзу Франции и России против кайзеровской Германии: ведь и Франция, и Россия являлись давними соперниками империи. Но эти соображения не помешали Асквиту и сэру Эдварду Грею вовлечь Великобританию в войну, которая обошлась империи в 750 000 человек убитыми. Итогом войны стали несколько африканских и ближневосточных колоний, с которыми империи пришлось расстаться после Второй мировой войны, принесшей социализм на Британские острова и сталинизм — в сердце Европы и уничтожившей Британскую империю. История великих держав — это история капризов и случайностей...

Желание избежать войны не означает, что следует закрывать глаза на происходящее. Америке необходимо использовать все возможности, чтобы свернуть Китай с нынешнего курса, или прекратить субсидировать укрепление его могущества.

СЛАБОСТИ ПОДНЕБЕСНОЙ

В вечной борьбе наций и государств за превосходство главное — понять, на чьей стороне сегодня время и история. В девятнадцатом столетии они были на стороне американцев, сражавшихся с европейской колыбелью своей страны. В годы «холодной войны» время также было на нашей стороне. Похвальба Хрущева: «Мы вас похороним!» оказалась пустой угрозой. И в соперничестве с Китаем за господство в Азии и в акватории Тихого океана время опять может стать нашим союзником.

Выше говорилось о силе Китая; теперь рассмотрим его слабости.

Во-первых, под вопросом находятся легитимность правящего режима и его авторитет у населения. Монопольное право на власть, узурпированное партией Мао Цзэдуна, обосновывалось стремлением воссоединить нацию и восстановить ее былое величие, а также — нести знамя социалистической революции по всему миру, приближая неизбежную победу социализма над загнивающим капиталистическим Западом. Но идеологическое противостояние, которое мы называем «холодной войной», завершилось. Марксизм потерпел поражение. Пекин больше не идет в авангарде мировой революции. Сегодня Китай — равный среди прочих, хотя и претендующий на многое.

В 1989 году, когда коммунистические режимы в Восточной Европе валились, как гнилые стволы, компартия Китая, казалось, утратила «мандат небес» и тоже очутилась на грани краха. Спасли ее только танки, введенные на площадь Тяньаньмэнь.

Поскольку *raison d'être* монополии на власть исчез, партии требовалось новое оправдание этой монополии. Она нашла его в китайском национализме, в мечтах о возвращении утраченных китайских земель и возрождении Китая как величайшего государства планеты, равно как и в упованиях простых китайцев на лучшую жизнь. Следовало принять новую реальность — или кануть в небытие.

Опасность заключается в том, что Пекин сегодня вынужден постоянно подкидывать дрова в костер национализма: отсюда череда конфликтов со странами-соперницами, непрекращающиеся угрозы в адрес Тайваня, инциденты с самолетами и кораблями США в исключительной экономической зоне.

Во-вторых, нынешняя открытость Китая миру, зарубежное образование сотен тысяч молодых китайцев

и присутствие в стране множества иностранных бизнесменов, студентов и туристов принесли в Поднебесную идеи, которые в корне противоречат господствующей идеологии.

В-третьих, индустриализация создает средний класс и заставляет китайцев осознавать, чего нет у них и что есть у других народов. Миллионы молодых людей ежегодно покидают деревни и переселяются в города в поисках лучшей жизни. Не найдя ее, они постепенно превратятся в угрозу для режима.

Чем шире становится китайский средний класс, тем больших свобод он требует и тем большую роль играет в китайской политике. Получив гарантии занятости, рабочие начинают настаивать на улучшении условий труда и прочих льготах, доступных их товарищам в других азиатских странах. В грядущие десятилетия Китаю, по всей вероятности, предстоит пережить всплеск активности профсоюзов, с каким Америка столкнулась в период с 1890-х по 1930-е годы. Достаточно ли гибка китайская государственная система, способна ли она предотвратить социальный взрыв?

В-четвертых, Китай вынужден постоянно бороться с сепаратистами Тибета и провинции Синьцзян, нежелающими мириться с «ханьским диктатом», с христианами и практикующими духовное учение Фалуньгун; вдобавок у него подозрительные и даже явно враждебные соседи — Россия, мусульманские страны на западе, Индия, до сих пор вспоминающая о китайской агрессии 1962 года, Вьетнам, приморские государства в бассейне Южно-Китайского моря, Тайвань и Япония.

Куда бы Китай ни обратился, всюду его окружают страны и народы, имеющие основания опасаться китайцев. В Тайваньском проливе китайские силы сдерживает американский флот. В остальных местах Китаю про-

тивостоят азиатские и исламские националисты, с тревогой о наблюдающие за развитием ситуации.

Наконец, экономическое процветание Китая зависит от нас. В 2002 и 2003 годах США приобрели китайских товаров на сумму, эквивалентную 10 процентам ВВП Китая. Американским потребителям Китай обязан развитием своей экономики, но доллары, которые страна зарабатывает на торговле с Америкой, подрывают китайскую экономическую систему. Доступ на рынок США и доходы от товарооборота превратили Китай в крупнейший объект иностранных инвестиций. Если заблокировать поступление китайских товаров в США, фабрики закроются, миллионы людей останутся без работы, поток инвестиций пересохнет, а китайский бум обернется «китайским пшиком».

Поскольку Америка приобретает 30 процентов китайского экспорта, любая конфронтация с Соединенными Штатами окажется для Китая катастрофой. А если Пекин считает, что время на его стороне, и готовится к схватке за гегемонию в Азии, к чему ему торопить события — ведь он пока заведомо слабее? Ответ прост — из-за Тайваня.

ТАЙВАНЬСКИЙ УЗЕЛ

В «Шанхайском коммюнике» и последующих документах Соединенные Штаты ясно дали понять, что не оспаривают притязаний Китая на Тайвань, но возражают против присоединения острова силой. Когда и как Тайвань воссоединится с материком (и воссоединится ли вообще), нужно определить мирным способом. Это декларирует резолюция о взаимоотношениях с Тайванем. Именно это имел в виду президент Буш, когда сказал, что мы готовы защищать Тайвань «любыми средствами».

Однако прежде всего, всегда и везде Соединенные Штаты должны учитывать собственные интересы. Мы не можем дать какой-либо стране карт-бланш на вовлечение нас в войну. Зачем нам повторять ошибку Чемберлена, который сначала гарантировал Польше защиту в случае неспровоцированного нападения, а затем позволил одиозному полковнику Беку самому решать, сопротивляться ли ему или вести переговоры о передаче Данцига нацистской Германии?

Если Тайвань согласен на воссоединение с материком, на принятие статуса, аналогичного статусу Гонконга, на принцип «Один Китай, две системы», — Соединенные Штаты не имеют возражений. В самом деле, Тайвань, если исходить из его собственных интересов, тесно связан с Китаем. Приблизительно пятьдесят тысяч тайваньских компаний инвестировали 60 миллиардов долларов в экономику материка. Свыше одного миллиона тайваньцев ежегодно посещают материковый Китай. Сотни тысяч тайваньцев живут в Шанхае.

Подобно Тайваню, мы должны исходить из собственных интересов. Если Тайвань хочет независимости, он должен добиться ее своими силами. «Кто хочет жизни и свободы, — писал Байрон, — идет за них на смертный бой».

Наш договор о взаимопомощи мертв уже четверть века и воскрешению не подлежит. Однако национальные интересы и честь не позволят нам отдать старого союзника на растерзание. Пекин должен это понимать. Всякая попытка со стороны Китая присоединить Тайвань силой станет демонстрацией неуважения к Соединенным Штатам и вызовет адекватные ответные меры — экономические, торговые и прочие.

Если народ Тайваня жаждет независимости, разве у него меньше прав на нее, чем у литовцев, латышей и эстонцев, вырвавшихся из хватки Москвы, или у словенцев, хорватов и македонцев, порвавших с Белградом?

По численности населения и уровню доходов Тайвань стоит выше 85 процентов государств-членов ООН. Так почему США и другие свободные страны отказываются признать независимость Тайваня? Ответ прост: потому что боятся разозлить Пекин. Такова реальность.

Изыскивая способы воссоединить Тайвань с материком, китайское руководство также вынуждено решать эту проблему. Чем дольше Пекин ждет, тем крепче становится дух независимости на острове и тем больше тайваньцы воспринимают себя как отдельный народ, достойный стоять вровень с другими народами мира.

Но прибегни Китай к силе, он рискует крахом торговли с Америкой и военным столкновением с США. Вдобавок нет никаких гарантий того, что Тайвань капитулирует; скорее наоборот — при начале военной операции остров объявит о своей независимости. Тогда Пекин ожидает бойкот Олимпийских игр 2008 года со стороны США, как это было в 1980 году с Москвой после вторжения СССР в Афганистан.

Если кратко, возвращение Китая к тактике запугивания (нацеленные на Тайвань ракеты, блокада острова, любые агрессивные действия) чревато серьезными последствиями: Китай рискует вновь оказаться в изоляции, из которой вырвался лишь после смерти Мао Цзэдуна.

НОВАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К КИТАЮ

Хотя процветание Китая во многом связано с продажей китайских товаров США, Пекин отказывается содействовать нам в разоружении Северной Кореи и позволяет Пхеньяну использовать китайские военные базы для переправки ракет и ядерных технологий в Иран и другие государства Ближнего и Среднего Вос-

тока. До сих пор американская политика в отношении Китая основывалась на надеждах, а не на реальности.

Поэтому со стороны президента Буша называть Китай «дипломатическим партнером, который плечом к плечу с нами встречает опасности двадцать первого века», было по меньшей мере наивно. История Китая с 1949 — точнее, с 1989 года — доказывает, что в отличие от России, которая меняется, Китай не является стратегическим партнером. Но ему не обязательно становиться нашим врагом.

Американская политика в отношении Китая должна базироваться на «безоговорочной взаимности». Поскольку Америке в этой партии покера выпала сильная комбинация, мы должны сообщить Китаю, что:

1. Хотя мы не оспариваем правомочность притязаний Китая на Тайвань, любая попытка применить против острова силу подорвет товарооборот и может привести к морской войне.

2. Чтобы Китай не опасался окружения недружественными силами, мы согласны ликвидировать наши военные базы в Японии, Южной Корее и в бывших советских республиках Центральной Азии. Подобное заявление вынудит Токио и Сеул прекратить порочную практику блаженствования под американской защитой и заставит их озаботиться собственной безопасностью.

3. Соединенные Штаты не усматривают угрозы своим жизненным интересам в развитии китайской экономики, в наращивании военного потенциала и влияния Китая в Азии. Мы не стремимся запереть Китай в резервации и лишить его законного места под солнцем.

4. Однако, если Китай и впредь не станет помогать США в их усилиях по разоружению Северной Кореи и уничтожению ядерного арсенала Пхеньяна, мы не будем препятствовать Японии и Южной Корее, буде они выразят желание вступить в «ядерный клуб».

5. Нежелание Китая ограничить продажу баллистических ракет и ядерных технологий странам, враждебным США, будет расцениваться как неуважение Китая к интересам Соединенных Штатов.

6. Мы не принимаем чью-либо сторону в территориальных конфликтах бассейна Южно-Китайского моря, поэтому американский флот и далее будет действовать в этих водах как в международных. Что касается приграничных споров, решать эти споры должны Китай и его соседи. Мы не претендуем на роль шерифа Южно-Китайского моря.

7. Торговые соглашения подлежат пересмотру. При обменном курсе 8,28 женьминби за один доллар Китай буквально высасывает из США заводы, технологии и рабочие места, получает за наш счет колоссальные доходы от торговли и ставит нас в положение колониального источника сырья.

Мы должны сделать торговлю с Пекином взаимовыгодной. Если Америка приобретает 30 процентов китайского экспорта, Китай должен предоставить американским товарам в своем импорте определенные преференции. В 2002 году Китай импортировал товаров и услуг на сумму 250 миллиардов долларов, но доля США составила всего 22 миллиарда долларов, то есть 9 процентов. Поэтому долю американских товаров на китайском рынке надлежит увеличивать до доли Китая в американском импорте.

Если Китай откажется, нам следует переориентироваться в импорте на страны «свободной Азии» и применить к Китаю политику высоких таможенных пошлин. Если Пекин обложит аналогичными пошлинами наши товары, тем лучше. Поскольку мы приобретаем товаров у Китая на сумму в сорок раз выше, чем Китай

у нас, не приходится сомневаться, за кем останется победа в торговой войне.

Америка должна открыть глаза. Правители, которые преследуют христиан и диссидентов, осуществляют культурный геноцид в Тибете, заставляют замужних женщин, беременных вторым ребенком, делать аборты и подвергают их стерилизации, — эти правители, рассуждая об общих ценностях, держат за пазухой увесистый камень. Как они поступают со своими, так, если позволят обстоятельства, они поступят и с нами.

Учитывая природу китайского режима, мы отнюдь не обречены на дружбу с Китаем. Но и врагами нам становиться не обязательно. В наших общих интересах последовать примеру Америки и СССР во второй половине двадцатого столетия и не брать за образец Германию и Великобританию в первой половине того же века. Мы должны избегать апокалипсиса, который уничтожит обоих.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИЗМЕНА

Когда в какой-либо стране облагают налогом предметы первой необходимости, становится неизбежным обложение не только предметов первой необходимости, импортированных из других стран, но и всех иноземных товаров, которые вступают в конкуренцию с товарами, производимыми на месте.

Адам Смит

Неужели старые добрые времена и вправду миновали?

Мерль Хаггарт (1974)

Биографическая книга Артура Ванденберга, опубликованная в 1921 году, назвала его «величайшим американцем».

Незаконнорожденный «бастард шотландского коробейника», по уничижительному определению Адамса, он еще мальчишкой попал в Америку из Вест-Индии. Он всегда выступал за независимость колоний, и, когда началась война, записался в армию и сражался при Трентоне. Когда он обратился с просьбой дать ему под командование отдельный отряд, этому человеку доверили честь командовать штыковой атакой при Йорктауне. После победы,

когда тринадцать независимых штатов никак не могли договориться между собой, он вместе с Мэдисоном и Вашингтоном организовал конституционное собрание. Он писал статьи для «Федералиста», объясняя читателям принципы нового государственного устройства, к которым сам приложил руку. Вашингтон назначил его министром финансов. В этом качестве он подготовил «Доклад о производстве», в котором изложил свое видение американской экономики, ее настоящего и будущего.

Этот человек — Александр Гамильтон, «архитектор» Соединенных Штатов. Его взгляды формировались в пламени революции и закалялись в печи войны. Лишения, вызванные британской блокадой и голодными зимами в Вэлли-Фордж и Морристауне, показали ему, какова цена зависимости. Революция не победила бы без французских мушкетеров и кораблей. Размышляя о том, как близко страна подошла к утрате свободы, Гамильтон писал:

«Не только богатство, но и независимость и безопасность государства, как представляется, неразрывно связаны с преуспеванием мануфактур. Всякой нации надлежит всеми возможными способами создавать национальные запасы. Под оными подразумеваются средства к существованию, крыша над головой, приличное платье и средства защиты».

Политическая независимость Америки, как полагал Гамильтон, невозможна без независимости экономической. Принципы экономики, предложенные им и поддержанные националистами, от Вашингтона и Мэдисона до Теодора Рузвельта, сводились к следующему.

— Америка должна представлять собой не тринадцать независимых рынков, а единый рынок. Все тарифы, пре-

пятствующие торговле между штатами, подлежат отмене. Свободная торговля между штатами — одно из положений американской конституции.

— Дабы обеспечить свободу торговли, создано национальное федеральное правительство. Из каких источников финансируется его деятельность? Через тарифы на импортные товары, налагаемые таможенными в портах. Весь экспорт и все доходы граждан США налогообложению не подлежат. Последнее положение также должно быть занесено в конституцию.

— Доходы от налогообложения иностранных торговцев должны идти на строительство новой столицы, создание армии и флота для защиты от «имперских хищников», а также на прокладывание дорог, строительство гаваней и каналов, то есть, говоря современным языком, на создание единой транспортной системы государства.

Гамильтон вообразил и описал величайший свободный рынок в истории человечества. Но поскольку Гамильтон, подобно Вашингтону, был американским националистом, он создал *национальную* зону свободной торговли. Все американцы участвовали в свободном товарообороте этой зоны по праву рождения, но английские торговцы, чья хватка держала колонии за горло, были вынуждены платить за допуск — налогами. Эти налоги обеспечивали деятельность немногочисленного, но крепкого федерального правительства. Благодаря налогам повышалась цена на импортные товары, и это заставляло американцев строить мануфактуры по производству аналогичных товаров на территории Соединенных Штатов. Стратегическими целями плана Гамильтона являлись устранение зависимости от Европы и связывание американцев «торговыми узами». Американской экономике предстояло объединить нас в единый народ, зависящий исключительно от себя самого. Это — наилучший выбор для Америки и для ее

населения, утверждал Гамильтон.

Вашингтон и Гамильтон стремились отучить республику от привычки полагаться на внешний товарооборот — с тем, чтобы американцев впредь не могли вовлечь в войны Старого Света. Они хотели отрезать «пуповину», связывавшую нас с Европой, и поставить барьер между нами и европейцами. Они были государственными деятелями, провидцами и патриотами.

ПРОТЕКЦИОНИСТСКАЯ АМЕРИКА

С момента принятия конституции и до Первой мировой войны нация руководствовалась принципами Гамильтона.

Четвертого июля 1789 года Вашингтон подписал первый закон, одобренный Конгрессом, — Закон о тарифах. В 1816 году, столкнувшись с попытками англичан уничтожить молодую промышленность, возникшую в период войны 1812 года и британской блокады, Мэдисон, которого поддерживали в Конгрессе Генри Клэй и Джон Ч. Кэлхаун, подписал новый закон о тарифах — первый протекционистский закон Америки.

В 1828 году Конгресс одобрил «закон об отчуждении», предусматривавший обложение налогом в 62 процента 92 процентов товаров, поступающих в США. По сравнению с этим налогом принятый столетие спустя тариф Смута-Хоули представлял собой не более чем акцизный сбор.

К тому времени налоги разделили американцев не меньше, чем рабство. Южане кипели негодованием. «Дикси»* переправляли англичанам хлопок в обмен на промышленные товары. Налоги заставляли цены на импорт стремительно расти. При этом, хотя налоги пла-

* Общее название жителей южных штатов США.

тил Юг, доходы от налогообложения шли на Север, к Вашингтону. Вдобавок тарифы защищали промышленность Севера. Не удивительно поэтому, что южане воспринимали налоги как попытку государства индустриализовать Север за счет сельскохозяйственного Юга.

К 1832 году Кэлхаун, уже вице-президент при Джексоне, успел стать антипротекционистом; ведомая им Южная Каролина пригрозила отделением, если налоги не будут снижены.

«Наша Федерация! — восклицал Джексон. — Мы должны ее сохранить!» Президент предупредил штат, в котором родился, что, если тот и вправду попытается отделиться, он лично возглавит армию, захватит Южную Каролину и перевешает всех изменников. Чтобы достичь компромисса, потребовалось вмешательство Генри Клэя, благодаря которому нация избежала гражданской войны.

К 1830-м годам экономический национализм Клэя, творца «американской системы», как ее впоследствии стали называть, унаследовал молодой Авраам Линкольн. Подобно Клэю, которого он именовал не иначе как «идеалом политика», Линкольн поддерживал высокие тарифы. «Дайте нам протекционистские тарифы, — заявил он во время предвыборной кампании Клэя и Полка в 1844 году, — и мы станем величайшим государством на планете».

В 1860 году Линкольн увлек Пенсильванию и Союз в целом своими убеждениями; за время гражданской войны налоги повышались добрый десяток раз. С 1865 года и вплоть до Великой депрессии протекционизм стал своего рода библейской заповедью для «великой старой партии». И как жила в эти десятилетия Америка?

С 1869 по 1900 год реальная заработная плата увеличилась на 53 процента, цены на предметы потре-

ния снизились на 58 процентов, ВВП Америки вырос вчетверо, а национальный долг сократился на две трети. Таможенные пошлины составляли 59 процентов совокупного дохода.

С 1870 по 1913 год американская экономика росла более чем на 4 процента в год. Промышленное производство возрастало на 5 процентов. «Эра протекционизма» оказалась едва ли не самой продуктивной в истории Америки. В ее начале импорт составлял 8 процентов ВВП США. А к завершению этой эры импорт сократился до 4 процентов ВВП. Страна вступила в эру с экономикой вдвое меньше британской, а закончила с экономикой вдвое больше.

Конечно, экономический успех невозможно объяснить только тарифами. К ним нужно приплюсовать устойчивую валюту, энергичность и изобретательность людей, быстрый прирост населения, наконец, богатую ресурсами территорию. Тем не менее высокие тарифы шли «рука об руку» с возникновением величайшей на планете промышленной мощи. И Республиканская партия, провозглашавшая протекционизм ключевым условием процветания страны, возглавляла Белый дом в течение полувека (минус восемь лет), от гражданской войны до инаугурации Вудро Вильсона.

УПАДОК ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Что в это время происходило с Великобританией?

Она отказалась от экономического национализма, позволившего государству принять догмат свободной торговли классических либералов девятнадцатого столетия, никто из которых не имел, подобно Вашингтону и Гамильтону, опаляющего опыта революции и войны.

Пока Джексон, Линкольн, Маккинси, Теодор Рузвельт и строители империи, которых принято называть баронами-разбойниками — Рокфеллер, Карнеги, Вандербильт, Морган, Гарриман, Хилл, — закладывали фундамент процветания Америки, британские государственные деятели прислушивались к «писателям» вроде Дэвида Рикардо, Джеймса и Джона Стюарта Миллей и Ричарда Кобдена, главного поборника свободной торговли, именовавшего ее «дипломатией Господа Бога» и «всемирным законом Всемогущего».

Америка использовала таможенные пошлины, чтобы вытеснить британские товары с американского рынка и защитить отечественных производителей. Великобритания же, верная догмату свободной торговли, отказывалась от ответных мер, несмотря на призывы Адама Смита.

Бисмарк, наблюдая за постепенным и неуклонным перемещением полюса промышленного могущества из Великобритании в Америку, принял «американскую систему» для Германии. Он отменил внутренние пошлины, принял меры по защите немецкого рынка и начал атаковать рынок английский. Подобно Гамильтону, Бисмарк верил в национальную свободную торговлю, не в международную, поскольку для него Германия была превыше всего.

Осознав, что Великобритания начинает уступать Америке в индустриальной мощи, и опасаясь того, что она мало-помалу уступит и Германии, британский государственный деятель Джозеф Чемберлен возглавил кампанию Тарифной лиги, но в 1906 году его свалил удар. Либералы, к которым по такому случаю примкнул и молодой Черчилль, удерживали власть вплоть до Первой мировой войны. Блокада, устроенная немецкими подводными лодками, наконец-то пробудила анг-

личан от «догматического сна». И только бесконечная вереница торговых кораблей, доставлявших товары из протекционистской Америки, позволила Великобритании пережить блокаду и дожидаться прибытия генерала Першинга и его «янки».

В книге «Падение Британии» историк Корелли Барнетт приписывает крах империи «политической доктрине, в которую продолжали верить долгое время после того, как она утратила связь с реальностью». Этой доктриной был

«...либерализм, критиковавший и в конце концов уничтоживший традиционное представление о национальном государстве как о коллективном организме, сообществе, и предложивший взамен приоритет личности. Согласно либералам, государство являлось лишь совокупностью индивидуальных человеческих "атомов", которым выпало жить под управлением данных законов...

Ядром либерализма являлось убеждение в том, что прогресс и человеческое счастье достижимы исключительно через предоставление индивидам возможности свободно конкурировать друг с другом. *Laissez-faire**; пусть выкарабкиваются сами. Все, что могло понадобиться социуму, проистекало из спонтанной частной инициативы. Как выразился в 1776 году Адам Смит, отец либеральной экономики: "Преследуя собственные интересы, индивид нередко реализует интересы общества, причем более эффективно, чем когда он сознательно реализует последние". Именно Адам Смит сформулировал доктрину

* Здесь: «позволим [им] делать» (*фр.*). Политика *laissez-faire* основана на положении, что все должно идти своим чередом, не надо нарушать естественный ход вещей, а вмешательство государства в экономику должно быть минимальным.

свободной торговли, которая оказала на британскую экономику не менее продолжительное и угнетающее воздействие, чем проповеди Уэсли и Уитфилда».

Барнетт упрекал догматиков в крахе Британской империи. К 1914 году Британия в глазах ее подданных все еще оставалась самой могущественной, самой эффективной и наиболее самодостаточной страной на Земле. Но рак свободной торговли уже разъедал клетки государственного организма. По словам Барнетта:

«...британская промышленность видоизменилась: место "армии завоеваний", мобильной и гибкой, заняла "армия обороны", вцепившаяся в окопы, пассивно старавшаяся защитить прежние завоевания. Пламя творческого порыва едва тлело в почерневших очагах британских индустриальных регионов.

Сельское хозяйство Великобритании пребывало в не меньшем упадке. Лишь немецкие субмарины напомнили британскому правительству о том, что ценой дешевого продовольствия из-за рубежа при политике свободной торговли стали гибель британских ферм и чудовищная уязвимость населения страны перед вызванным блокадой голодом».

Великобритания так и не оправилась от пятидесятилетней приверженности свободе торговли. Сегодня мы идем по ее стопам. Республиканская партия, чей линкольновский протекционизм помог создать могущественнейшее промышленное государство на планете, ныне выказывает приверженность той же роковой догме: для Америки лучше всего то, что оказывается наиболее дешевым для потребителя.

После Второй мировой войны республиканцы постепенно приняли демократическую доктрину свобод-

ной торговли. Если прежде республиканцы следовали принципам, сформулированным Гамильтоном, Линкольном, Маккинси и Кулиджем, то сегодня они веруют в Милтона Фридмана, «гуру» свободной торговли. При торговом дефиците, превышающем 600 миллиардов долларов в год, по всей Америке закрываются производства, а наша зависимость от стран наподобие Китая ежегодно возрастает. Республиканцы Буша вторят демократам Клинтона, празднуют десятую годовщину образования НАФТА* и торопятся изменить американские законы в соответствии с требованиями ВТО.

ПЛОДЫ ГЛОБАЛИЗМА

В конце Второй мировой войны, когда большая часть Европы и Восточной Азии лежала в руинах Соединенные Штаты решили открыть свой рынок товарам из стран, пострадавших во время войны. Это была необходимая жертва; мы пожертвовали собственной промышленностью, чтобы помочь союзникам встать на ноги и внести свой вклад в защиту Запада.

Политику Эйзенхауэра в отношении открытости американского рынка продолжили Кеннеди, Джонсон и Никсон, несмотря на нарастание в обществе недовольства: ведь Европа и Япония давно восстановились, поэтому Америке следовало бы принять меры по защите своих производств и промышленной базы.

Но республиканские президенты послевоенных лет отвергли традицию. Они все обратились в новую веру, которую проповедовала партия Вильсона и Франклина Рузвельта. Эйзенхауэр и Никсон открыто приняли доктрину, которую Теодор Рузвельт называл пагубной (он

* Североамериканское соглашение о свободной торговле.

однажды написал Генри Кэботу Лоджу: «Благодарю Господа, что я не фритредер»).

Рональд Рейган отстаивал свободу торговли в конфликте с Канадой — страной с заработной платой, экологическими и социальными стандартами уровня первого мира. Но финальную черту под американским экономическим патриотизмом подвели сын и внук Прескотта Буша — того самого, который, вместе с Барри Голдуотером и Стромом Термондом, в числе восьми сенаторов голосовал против предложенного Джоном Кеннеди закона об увеличении внешнего товарооборота.

Треть столетия минула с той поры, как завершился «раунд имени Кеннеди», ознаменовавший наше вступление в эпоху свободной торговли. Можно уже сравнить упования и результаты.

На протяжении жизни одного поколения дом, возведенный Гамильтоном, рухнул. Наиболее мощная на свете индустриальная держава утратила свое могущество. Промышленная база США подорвана. На протяжении семи десятилетий, до 1970 года, американцы производили 96 процентов товаров, которые приобретали. Сегодня мы покупаем за рубежом четверть нашей стали, треть автомобилей, половину станков, две трети одежды и почти всю обувь, аудио- и видеотехнику, телефоны и велосипеды.

На наших глазах произошло падение американского доллара, завершилась эра нашей экономической независимости, совершилась деиндустриализация страны, а наши мужчины и женщины очутились в условиях дарвиновской конкуренции с иностранной рабочей силой, готовой трудиться за пятую и даже десятую часть зарплаты среднего американца.

В 2002 году торговый дефицит США составлял 484 миллиарда долларов. В 2003 году он равнялся 550 миллиардам долларов. В каждый из тридцати восьми меся-

цев первого президентства Джорджа У. Буша рабочие места только сокращались. Исчезло по одному из каждых шести рабочих мест, в целом — 2,6 миллиона.

В 1950 году треть американцев работала в промышленности и наша республика была наиболее самодостаточной во всем мире. Сегодня лишь 11 процентов американцев трудятся в промышленности; мы вступили на дорогу к гибели, причем эта гибель не будет, если позволительно так выразиться, естественной. Это преднамеренное убийство. Глобалисты и корпоралисты организовали заговор по уничтожению американской промышленной базы; их поддерживают апологеты свободной торговли, не понимающие, что теории, преподанные в колледжах профессорами экономики, убивают страну, которую они клялись защищать. А может, они и понимают — но им все равно.

Весной 2004 года, после службы в церкви Девы Марии, отставной агент ФБР, в юности работавший на гигантском сталелитейном заводе в Уиртоне, штат Западная Вирджиния (отец этого человека погиб в результате аварии прокатного стана), протянул мне газету «Weirton Daily Times». Заголовок номера от 20 мая гласил: «Куда нам податься?», а всю первую полосу отвели банкротству завода, некогда дававшего работу четырнадцати тысячам человек в городке, где всего двадцать три тысячи жителей.

Марк Глиптис, президент Независимого профсоюза литейщиков, утверждает, что банкротства можно было не допустить. Печальная история, незаслуженно горький финал... Когда в 2002 году я в рамках своей предвыборной компании выступал на заводе в Уиртоне, Марк и его профсоюз поддержали меня.

На той же неделе мне пришло письмо по электронной почте. Закрылась лесопилка «Тимко» в Нью-Гемп-

шире, где мы провели последний день предвыборной кампании 1996 года. Завод в Уиртоне погубила сталь, поступающая на американский рынок из-за рубежа по более низким ценам; лесопилке же приходилось конкурировать с поставками леса из Канады, и она не выдержала конкуренции.

По всей Америке происходит одно и то же. Сталелитейные заводы и лесопилки становятся банкротами, текстильные фабрики перебираются в страны Карибского бассейна, в Мексику и Центральную Америку и на Дальний Восток. Производство автомобилей ведется за границей, на Юго-Западе закрываются шахты, фермы разоряются и продаются с молотка.

Майкл Боскин, председатель группы экономических советников при Буше-старшем, мимоходом заметил: «Не имеет значения, что именно производит страна — компьютерные чипы или картофельные чипсы». Бывший директор по бюджету администрации президента Ричард Дарман так отозвался о перспективах производства компьютерных чипов в США: «Если наши ребята не в состоянии взломать их, пусть эти штуки делают другие».

Почему так важно, где производятся товары? Как я писал шесть лет назад в своей книге «Великое предательство: Как американский суверенитет и социальную справедливость приносят в жертву богам глобальной экономики»:

«Промышленность — ключевой элемент силы государства. И дело не только в том, что доходы от промышленности выше, чем от сферы услуг. Уровень развития промышленного производства выше, чем уровень любой другой сферы деятельности, а потенциал этой отрасли намного больше. После радио появились телевизоры, ви-

деомагнитофоны и плоскопанельные экраны. После счетных машин появились калькуляторы и компьютеры. После электрической пишущей машинки появились текстовые процессоры. Развитие производства подстегивает научные разработки и их внедрение».

Промышленность — мускулатура современного государства. В вечной схватке на мировой арене преимущество всегда оставалось за индустриально развитыми странами. Когда в Англии началась промышленная революция, страна мгновенно выделилась из общего ряда, а законы о навигации укрепили ее положение. Британские политики это понимали. Понимал Питт, архитектор победы в Семилетней войне, заставившей Францию уйти из Северной Америки. Он поддерживал американские колонии, заявлявшие: «Никаких налогов без представительства в парламенте!» При этом Питт не устал предупреждать, что если американцы станут создавать собственную промышленность (это считалось прерогативой метрополии), он пошлет к берегам Америки боевые корабли и прикажет стереть мануфактуры с лица земли.

Промышленная мощь и обретенная благодаря ей экономическая независимость позволили Великобритании проводить политику «блистательной изоляции», воздерживаться от участия в раздиравших континент войнах и строить собственную империю. Но когда Германия, объединившаяся в 1871 году, бросила вызов промышленной мощи Великобритании, последняя сочла себя обязанной заключить союзы, втянувшие ее в величайшую в истории страны войну. Только промышленная мощь США, превосходившая мощь Великобритании, Франции и Германии вместе взятых, переломила ход войны. И самодостаточной Америке не

требовались союзы, а от участия в Первой мировой войне она могла воздерживаться сколько угодно и начать боевые действия исключительно по своему желанию.

С 1971 года совокупный торговый дефицит США составил 4 триллиона долларов. Ежегодный торговый дефицит в товарном выражении сегодня достигает 600 миллиардов долларов. Эти деньги, переправляемые за рубеж для закупки товаров иностранного производства, используются иностранцами для приобретения наших акций, бондов, компаний и недвижимости. К 2002 году стоимость принадлежащих иностранцам активов США составляла 78 процентов нашего ВВП. Они владеют 13 процентами нашего фондового рынка, 22 процентами наших корпораций, 24 процентами наших корпоративных облигаций и 48 процентами казначейских бумаг. Как Исав, мы продаем право первородства. Каждый вечер на канале Си-Эн-Эн Лу Доббс повторяет, что мы «экспортируем Америку».

«Иностранцы используют наш ежедневный торговый дефицит в размере 1 миллиарда долларов для покупки американских компаний, — пишет обозреватель Пол Крейг Робертс, принимавший участие в разработке финансовой политики администрации Рейгана. — В 2000 году 97 процентов прямых иностранных инвестиций в экономику США обернулись приобретением американских активов. Мы теряем не только рабочие места в промышленности, мы теряем наши компании».

Год за годом и шаг за шагом осуществляется деиндустриализация Америки и «деамериканизация» наших ведущих компаний, а мы сами становимся все более зависимыми от других. Мы работаем на «чужаков». Мы приобретаем у них товары и услуги первой необходимости. Когда «чужаки» устают брать доллары за

свои товары, курс американской валюты падает. Мы наблюдаем это воочию. Однажды все эти «дешевые зарубежные товары» перестанут быть дешевыми.

НОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ АМЕРИКИ

Оценим степень нашей зависимости. Импорт, составлявший с 1900 по 1970 год 4 процента ВВП, сегодня равняется 14 процентам и включает в себя треть от общего количества потребляемых нами товаров. С 1900 по 1970 год Америка ежегодно получала прибыль от торговли. Сегодня мы имеем тридцать три внешнеторговых дефицита, а совокупный внешнеторговый дефицит равен почти 600 миллиардам долларов, или 6 процентам ВВП. Никакая сверхдержава не в состоянии существовать с подобным дефицитом в течение продолжительного времени, не рискуя крахом своей валюты и утратой своего превосходства.

Пат Шоут, автор книги «Агенты влияния», приводит следующие показатели зависимости США от иностранных поставок по товарам первой необходимости:

- медикаменты и лекарства — 72%;
- металлообрабатывающие станки — 51%;
- двигатели и комплектующие — 56%;
- компьютеры — 70%;
- коммуникационное оборудование — 67%;
- полупроводники и электроника — 64%.

У компании «Делл» (Остин) имеется 4500 поставщиков, оперативный склад с четырехдневным запасом деталей и линии прямой доставки, протянувшиеся через Атлантику и Тихий океан. Стоит на любом побережье, как пишет Шоут, начаться забастовке докеров, и «Делл» не продержится больше девяноста шести часов.

В 2003 году пентагоновские чиновники, ответственные за приобретение снаряжения для армии США и оборонную промышленность, выступили против закона, предполагавшего, что 65 процентов оружия, используемого армией, должно производиться в Соединенных Штатах. Наши противоракетная система и ударные истребители, по заявлению Пентагона, окажутся под угрозой, если две трети их компонентов будут изготавливаться в США.

НАФТА: «БОЛЬШАЯ ИГЛА»

В 1993 году страну и Конгресс охватили дебаты по поводу НАФТА. Отстаивая необходимость заключения торгового соглашения с Мексикой, президент Клинтон опирался на поддержку Совета по международным отношениям и Американской торговой палаты, периодических изданий «Wall Street Journal» и «Washington Post», «New Republic» и «National Review», фонда «Наследие» и института Брукингса. Росс Перо и Ральф Нэйдера, автор этих строк и АФТ-КПП* возражали — заодно с американским народом, но наши голоса не были услышаны. Накануне голосования открылся рынок, и члены Конгресса принялись продаваться Белому дому. НАФТА победила. Десять лет спустя мы пожинаем плоды.

Через год после победы НАФТА Мексика девальвировала песо и в товарообороте между США и Мексикой начал формироваться торговый дефицит, сегодня превышающий 40 миллиардов долларов в год. Наркокартели перенесли свои операции из Южной Америки к границам США. Мексика стала основным по-

* Американская федерация труда — Конгресс производителей профсоюзов.

ставщиком марихуаны и героина, которые льются через границу широкой рекой и отравляют разум и душу американских детей.

Наркотики двинулись на север, а американские компании стали сокращать своих работников, получавших 10–20 долларов в час, и обратили взоры на юг в поисках людей, готовых трудиться за 2 доллара в час. К 2000 году свыше миллиона мексиканцев работали на предприятиях *maquiladora**, занимая места, прежде принадлежавшие американцам. В 2002 году свыше 21 процента ВВП Мексики поступило с севера. Это не торговля в привычном смысле слова. Это перенос из США в Мексику значительной доли американского производства в погоне за снижением фондов заработной платы и уходом от налогов. «Творческое разрушение» глобализации сегодня ударило и по Мексике. Фабрики закрываются, производство переносится в Китай, где заработная плата еще ниже.

В ходе дебатов по поводу НАФТА американцев уверяли, что мы потеряем только «тупиковые» рабочие места, недостойные нашей профессиональной рабочей силы. Мы, утверждали Клинтон и компания, будем создавать высокотехнологичные производства, в которых американцам работать незасорно — например, заводы по производству коммерческих реактивных авиалайнеров.

С 1994 года Америка потеряла 689 000 рабочих мест в текстильной и швейной промышленности; эти места философы с фабрик мысли сочли «тупиковыми», но для многих людей они были основным и даже единственным источником доходов. За такую работу платили на 23 процента в швейной и на 59 процентов

* Программа беспошлинного импорта комплектующих на мексиканский рынок для последующей сборки и реэкспорта готовых изделий.

в текстильной промышленности больше, чем платят в оптовой торговле, где, возможно, подвизаются ныне сокращенные.

После текстильной промышленности пришла очередь автомобильной, несмотря на то что рабочие на автомобильных заводах США входили в число наиболее высокооплачиваемых наемных работников в мире. Сегодня Мексика экспортирует в США на 90 процентов машин больше, чем экспортируем мы. В 2003 году торговый дефицит США в сфере торговли легковыми автомобилями, грузовиками и запасными частями составил 122 миллиарда долларов.

Далее идет аэрокосмическая промышленность, гордость американской индустрии. Она также перемещается на юг. «Подобно автопроизводителям, превратившим в 1990-е годы мексиканские городки Толукка, Эрмосильо и Саутильо в Малый Детройт, — пишет Джоэль Миллман из «Wall Street Journal», — такие компании, как “Боинг”, “Дженерал Дайнемикс”, “Хановелл Интернейшнл” и “Дженерал Электрик” начинают рассматривать Мексику в качестве территории для размещения предприятий по производству и сборке своей продукции».

Чем же так притягательна Мексика?

«С новым оборудованием ты можешь снизить цены, но скоро тебе придется снижать и стоимость трудовых затрат», — говорит Джон Монарх, президент компании «Смит Уэст», поставщика «Дженерал Электрик». Компания «Дриссен Эйркрафт Интериор Системс» платит мексиканским рабочим 20 долларов в день, то есть 2,5 доллара в час, что в половину меньше минимальной американской зарплаты.

Если мексиканский рабочий может производить компоненты для самолетов за 20 долларов в день, а китайский рабочий готов делать компьютеры за 10 дол-

ларов в день, что у нас остается такого, чего нельзя было бы изготовить за границей более дешево? Почти ничего.

А что же мексиканский народ? Половина 100-миллионного населения страны по-прежнему живет в бедности. Десятки миллионов не имеют работы или работают неполный рабочий день. Из-за девальвации местной валюты реальная заработная плата упала ниже уровня 1993 года. Поэтому «великий исход на север» не прекращается. По приблизительным оценкам, около 1,5 миллиона мексиканцев ежегодно пытаются проникнуть в США. Из тех 500 000 тысяч, кому это вроде бы удастся, треть направляется в «Мексифорнию»; их притязания на медицинскую помощь, социальное пособие, образование вкупе с финансированием судов и тюрем поставили Золотой штат на грань банкротства и заставили миллионы коренных американцев бежать в Неваду, Айдахо, Аризону и Колорадо.

Через десять лет после заключения Североамериканского соглашения о свободной торговле важнейшей составляющей мексиканского экспорта в Америку остаются сами мексиканцы, а США постепенно превращаются в Мексамерику.

КИТАЙ: ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Отмена пошлин на торговлю с Мексикой заставила сотни американских компаний обратить взоры на юг в поисках дешевой рабочей силы и менее суровых законов, регламентирующих условия труда. А затем ежегодное подтверждение статуса наибольшего благоприятствования в торговле, подписанный президентом Бушем закон о нормализации торговых отношений и вступление Китая во Всемирную торговую органи-

зацию побудили американские компании внимательнее присмотреться к Поднебесной.

Китайский бум начался после проведенной в 1994 году девальвации юаня: Пекин стремился к конкурентным преимуществам в схватке с «азиатскими тиграми» — Южной Кореей, Тайванем, Сингапуром и Малайзией. Получив неограниченный доступ на американский рынок, Китай стал приглашать западные компании размещать производство на своей территории, использовать неистощимый источник дешевой рабочей силы и экспортировать произведенные товары в Америку. В качестве компенсации Пекин требует передачи китайским компаниям промышленных технологий. Если западные фирмы отказываются, китайцы копируют или просто-напросто выкрадывают у них эти технологии.

Выплачивая рабочим по 2 доллара в день, гарантировав отсутствие профсоюзов, допуская уровни загрязнения окружающей среды, немыслимые на Западе, Китай превратил себя в промышленную землю обетованную для всего мира. В 2003 году Китай превзошел США по объему прямых иностранных инвестиций в экономику. Некогда считавшаяся оплотом суровых «торговцев-янки», Америка сегодня, по выражению аналитика Чарлза Макмиллиона, покорно приняла статус «самого неравноправного торгового партнера».

В 2002 году дефицит США в торговле с Китаем равнялся 103 миллиардам долларов. В 2003 году он достиг отметки 124 миллиарда долларов — большего дефицита в торговых отношениях двух стран история не знает. К середине 2004 года этот дефицит составит по прогнозам 150 миллиардов долларов в год. Поэтому нельзя утверждать, что президент Буш возглавляет «безработное восстановление». Торговый дефицит США породил миллионы рабочих мест в Китае.

Взаимоотношения США и Китая невозможно определить как торговое партнерство. Ведь налицо систематический перевод наших производственных мощностей в Китай. Америка лишается промышленной базы усилиями собственных корпораций, причем способы, которыми осуществляется этот процесс, во многом напоминают расхищение Германии, устроенное Красной армией после Второй мировой войны. Пекин вполне согласился бы с экономическим националистом Фридрихом Листом, который писал: «Способность производить богатство куда важнее самого богатства». Китай жертвует настоящим во имя будущего, Америка же приносит будущее в жертву настоящему.

Сегодня прибыль Китая от торговли достигла почти 500 миллиардов долларов. Большая часть этих накопленных средств вложена в казначейские обязательства США и приносит Пекину миллиарды годового дохода за счет американских налогоплательщиков. Пускай Америка — наиболее развитая страна земного шара, а Китай — страна развивающаяся; если опираться в их сравнении лишь на торговую статистику, легко ошибиться.

В 2002 году американцы приобрели товаров на 10 процентов китайского ВВП, тогда как Китай импортировал лишь одну пятую процента нашего ВВП. Мы покупаем 40 процентов китайского экспорта, Китай приобретает 3 процента нашего экспорта. Наибольшую прибыль Китаю обеспечивает торговля компьютерами, электрооборудованием, компьютерными играми, игрушками, обувью, мебелью, одеждой, пластмассами, железными и стальными изделиями, автомобилями, оптическим и фотографическим оборудованием.

Среди двадцати трех товаров, которые приносят Америке прибыль в торговле с Китаем, соевые бобы, зерно, пшеница, корма для животных, мясо, хлопок,

металлическая руда, скрап, шкуры животных, макулатура, сигареты, золото, уголь, минеральное топливо, рис, табак, удобрения и стекло. «Просто поразительно, — пишет Пол Крейг Робертс, — что американский экспорт подозрительно напоминает экспорт колониальной страны девятнадцатого столетия».

Обозреватель Терри Джефффри в числе многих других изучал поведение капиталистов, «обхаживающих» Китай. На сайте компании «Моторола» он нашел следующий текст, показывающий, как эта американская компания видит свое будущее:

«“Моторола” намеревается разместить в Китае свое производство и штаб-квартиру. Китайское отделение компании неоднократно окупало вложения в этот проект, поэтому компания намерена осуществлять повторные инвестиции...

С самого начала “Моторола” стремилась стать истинным гражданином Китая, воспринимала Китай как свой дом и сотрудничала с населением страны. Цель наших усилий — стать подлинно китайской компанией».

Манифест «Моторолы» раскрывает тайную сущность глобализации. Выходя на международный рынок, американские компании отказываются от верности Америке. «Боинг», последний уцелевший американский производитель коммерческих авиалайнеров, ощутив угрозу со стороны европейского холдинга «Эйрбас», пошел заведомо дальше производства в Китае вертикальных килей и горизонтальных стабилизаторов. В «New York Times» 1 января 2003 года появилось примечательное сообщение:

«Государственный департамент обвинил две ведущие американские компании в 123 нарушениях экспортного

законодательства в связи с передачей Китаю в 1990-е годы технологий производства ракет и спутников. На прошлой неделе уведомления о претензиях получили корпорации "Боинг" и "Хьюджес Электроникс", подразделение "Дженерал Моторс"».

Экономические националисты, определявшие политику Америки в девятнадцатом столетии, мгновенно распознали бы китайскую тактику и нашли бы способы ей противостоять. Однако фритредеры не понимают намеков — или им все равно.

Больше всего удивляют неоконсерваторы, рассуждающие об американской империи «тропических шлемов и сапожков-джодпуров». Неужели они не понимают, что торговля — средство и мера национального могущества? Чудовищный торговый дефицит, который мы наблюдаем, имеет свои последствия. Какие именно? Давайте посмотрим, что принесла нам треть века свободной торговли.

Деиндустриализация Америки. Заводы и фабрики закрываются по всей стране, и американская экономика становится экономикой услуг.

Завершение эпохи самодостаточности. Зависимость страны от зарубежных поставок товаров первой необходимости и оружия, необходимого для защиты наших границ, неуклонно возрастает.

Утрата национального суверенитета. Бюрократы из ВТО заставляют нас переписывать американские законы с тем, чтобы они соответствовали правилам мировой торговли.

Падение доллара. Ослабление национальной валюты лишает Америку ее богатства.

Ухудшение качества жизни. Заводские города становятся городами-призраками благодаря «творческому раз-

рушению», которое восхваляют со своих синекур оторвавшиеся от корней экономисты.

Кризис систем социального обеспечения и здравоохранения. Американцы лишаются высокооплачиваемой работы в промышленности и переходят на более низкооплачиваемые должности в сфере услуг, что ведет к сокращению общей суммы налога на заработную плату.

Нарастающее давление на федеральную систему страхования. Замена рабочих мест в промышленности рабочими местами в сфере услуг не предусматривает сохранения страхования жизни и здоровья от несчастных случаев на производстве.

Углубляющийся кризис сельского хозяйства. Традиционные рынки США и других стран захвачены такими государствами, как Бразилия и Аргентина, чья дешевая рабочая сила привлекает западные капиталы. В итоге в ближайшем будущем налогоплательщикам придется внести в казну десятки миллиардов долларов, чтобы компенсировать фермерам их потери от глобализации.

Почему же Республиканская партия подхватила идеологию, которая привела к таким последствиям? Во-первых, в колледжах и университетах после Второй мировой войны протекционизм стал ругательным словом — и остается таковым и поныне. Консервативные республиканцы времен, предшествовавших «Новому курсу» Франклина Рузвельта, — президенты Хардинг и Кулидж, министр финансов Меллон, увеличивший таможенные пошлины и сокративший подоходный налог, — демонизируются. Гувера и Смута-Хоули обвиняют в Великой депрессии, а «Новый курс», но не война, объявляется спасителем отечества.

Упомянутые журналом «Fortune» в числе 500 крупнейших американских фирм компании заявляют, что защита местного рынка менее значима, чем возмож-

ность вывести свою продукцию за пределы Соединенных Штатов, тем самым сократив налоги и фонды заработной платы — хотя последние предназначаются для оплаты труда их соотечественников.

Наконец в 1980-х — 1990-х годах Китай отказался от маоистской изоляции, Индия открыла свои границы, а Советский блок отказался от коммунизма и полностью распался. Эти исторические события, случившиеся на протяжении нескольких лет, выплеснули на мировой рынок труда сотни миллионов людей, готовых и способных конкурировать с американцами, чья зарплата в пять, десять и даже двадцать раз превосходила их собственную. Для интернациональных корпораций, заинтересованных в снижении налогов, ослаблении законов, регулирующих условия труда, и повышении производительности при низких трудозатратах это предложение рабочих рук оказалось как нельзя более кстати.

Консерваторы, говорил Рональд Рейган, верят в ценности «работы, семьи, общества и государства». Однако свободная торговля ставит требования потребителей выше обязанностей гражданина, неограниченную свободу индивида на рынке — выше уз, которые накладывают на человека семья, общество и государство. Свободная торговля утверждает: что хорошо для меня, прямо сейчас и задешево, то хорошо для Америки. Это не консерватизм.

Свободная торговля делает с государством то, что алкоголь делает с человеком. Сначала она лишает государство жизненной силы и энергии, затем отбирает у него независимость, а после — жизнь. Америка сегодня демонстрирует все признаки «впадения в старость». Мы тратим больше, чем зарабатываем. Мы потребляем больше, чем производим. Проповедники глобализма,

некогда сулившие нам исчезновение торгового дефицита, теперь уверяют, что этот дефицит не имеет ни малейшего значения.

Истина же состоит в том, что свободная торговля — серийный убийца американской промышленности и троянский конь мирового правительства. Она ведет к потере экономической независимости и национального суверенитета. Короче говоря, свободная торговля — большая красивая ложь.

ПОЧЕМУ ЭКСПОРТ ЛУЧШЕ

По словам бывшего высокопоставленного сотрудника «Дженерал Моторс» Гаса Стельцера, 50 процентов преysкурантной цены нового «Кадиллака» составляют налоги — социальное страхование, здравоохранение, подоходный налог штата и федеральный подоходный налог, удерживаемые из заработной платы сотрудников, корпоративный налог, налог на недвижимость (заводские здания, офисы, магазины) и налог с оборота.

Когда мы покупаем автомобили, произведенные в США, мы вносим в государственный бюджет деньги на социальное обеспечение, здравоохранение и оборону. Когда мы покупаем американскую машину, мы помогаем ремонтировать дороги, строить школы, оплачиваем труд учителей и полицейских. Когда иностранцы покупают американские товары, они также вносят свой вклад в пополнение бюджета США. Но покупая иностранные товары, мы платим налоги правительствам тех стран, где эти товары были изготовлены. Покупая китайские товары, мы финансируем режим, сидящий в Пекине.

Свободная торговля, прибавляет Стельцер, представляет собой «единственную область конкуренции,

где правила для участников неодинаковы... Никакая другая сфера конкуренции не потерпела бы столь беспардонного, неконституционного двурушничества».

По правилам ВТО Четырнадцатая поправка к конституции США утратила свою силу*. Американские производители в Америке, должны исполнять законы о минимальной оплате труда, об охране здоровья, о защите окружающей среды, о соблюдении гражданских прав, а также законы о налогообложении, от которых освобождены американские производители в Китае. Иными словами, свободная торговля насмехается над принципом равной ответственности перед законом.

Но ведь пошлины — это налоги, говорят либертарианцы. Пошлины увеличивают стоимость товаров. Верно. Но все налоги — пошлины, подоходный налог, налог с оборота, налог на собственность — включены в конечную цену товара, который мы приобретаем. Когда государство облагает пошлиной товары, поступающие из-за рубежа, оно может снижать налоги на товары, произведенные на его территории. Вот способ даровать американским производителям «домашние преимущества». Вот способ Гамильтона, от которого мы сегодня отказались. Ради чего?

МИФ О ЧЕСТНОЙ ИГРЕ

Каков ответ президента Буша на «выкашивание» американских рабочих мест? На съезде в Огайо, который с середины 2000 года потерял 160 000 рабочих мест, президент заявил:

* Четырнадцатая поправка к конституции США провозглашает равные права всех граждан США на защиту закона.

«Мы потеряли тысячи рабочих мест, поскольку производство переместилось за океан... Америка должна сказать миру — эй, мы ожидаем честной игры, когда речь заходит о торговле... Видите, мы, американцы, готовы конкурировать с любым соперником, пока он играет по-честному, и мы намерены сохранить игру честной».

Однако как согласуются с этими намерениями законы о минимальной оплате труда, об охране окружающей среды, об охране труда и антидискриминационные законы, которыми душат американского производителя в США и от соблюдения которых освобождены американские производители в Китае? В США заводской рабочий зарабатывает 53 000 долларов в год, тогда как китайского можно нанять за 2000 долларов в год. Какая же тут честная игра?

Рассуждая о честной игре, подразумевал ли президент Буш, что Китай должен платить опытным работникам 25 долларов в час и обязать производителей соблюдать те же законы, которыми окружена производственная сфера в США? Но это невозможно. Дешевая рабочая сила и отсутствие социальных гарантий для работников — вот те «сравнительные преимущества», которыми воспользовался Пекин для переманивания американской промышленной базы. С какой стати Китаю, одерживающему верх в торговой войне с Америкой, перенимать политику США, которые терпят поражение?

Президент Буш и торговый магнат Роберт Зеллик во всеуслышание объявили подписание договора о свободной торговле с Чили триумфом американской политики. Однако ВВП Чили равен всего 70 миллиардам долларов, то есть меньше 1 процента нашего. Чилийский уровень доходов на душу населения (4400 долларов) равняется одной восьмой нашего дохода. Заклю-

чив торговое соглашение с Чили, мы получили выход на крошечный рынок, покупатели на котором не могут себе позволить приобретать высококачественные американские товары; но производители, перебравшиеся в Чили, получают доступ на американский рынок стоимостью 11 триллионов долларов, покупатели на котором имеют доход в 37 000 долларов на душу населения. Можно сказать, что Буш и Зеллик выменяли печенье на кролика.

Демократы наподобие Ричарда Гепхардта утверждают, что другим странам следует применять американские стандарты условий и оплаты труда. Но в третьем мире никогда не будет стандартов, сопоставимых с американскими, и демократы лишь обманывают себя (или дурачат нас), угрожая сократить товарооборот со странами третьего мира. Этого не случится. Почему? Потому что тайной целью глобальной экономики является глобальный социализм, постоянное перераспределение богатств Запада в пользу менее зажиточных. Социалистическое равенство предусматривает рост заработной платы трудящихся в странах третьего мира и сокращение или «замораживание» зарплаты в странах первого мира. Именно на это нацелена глобализация, именно это ожидает рабочих в Соединенных Штатах. Такова экономическая измена, о которой не отваживаются говорить.

Обратима ли ситуация? Неизбежна ли смерть промышленности? Конечно, нет. В утрате американской промышленной базы нет ничего невозможного. Она стала следствием дурной политики, коренящейся в квази-религиозной вере в свободу торговли, — политики, погубившей все великие державы, которые на нее опирались, будь то Голландия, Испания или Великобритания. Она — результат предательства, совершен-

ного обеими политическими партиями, всей нашей политической элитой. Но если мы хотим восстановить самодостаточность Америки, нам нужно действовать, и действовать быстро.

Восстановление независимости Америки требует лишь того, чтобы мы отдавали национальным интересам приоритет перед интересами глобальными, чтобы мы нашли мужество отказаться от дискредитировавшей себя политики свободной торговли и вышли из ВТО, чтобы мы вновь прислушались к заветам Гамильтона и отцов-основателей, чтобы мы выразили желание пожертвовать сиюминутными прибылями ради долгосрочной безопасности, чтобы мы вспомнили — Америка прежде всего. Все еще можно исправить.

ДВУЛИЧИЕ КОНСЕРВАТОРОВ

Эра большого правительства завершилась.

*Билл Клинтон, из обращения
к Конгрессу (1996)*

Мы несем ответственность перед людьми: когда кому-то плохо, правительство обязано принять меры.

*Джордж У. Буш, выступление
на Дне Труда (2002)*

Как главный ответственный за состояние национальной экономики и лицо, имеющее решающий голос при определении и распределении бюджета, Джордж У. Буш добился значительных успехов в безудержном растрачивании государственных средств.

К 2004 году последняя прибыль, полученная администрацией Клинтона (236 миллиардов долларов), была перекрыта предполагаемым бюджетным дефицитом (521 миллиард долларов); при этом президент Буш не наложил вето ни на один законопроект.

Для оплаты своих обязательств федеральному правительству приходится заимствовать почти 5 процентов ВВП.

С 2000 по 2004 год национальный долг вырос на 1,3 триллиона долларов.

В 2003 году федеральные расходы составили 20 300 долларов на семью и впервые с «горячих деньков» Второй мировой войны превысили сумму в 20 000 долларов.

К 2004 году торговый дефицит США вырос настолько, что МВФ, покровитель мотов из третьего мира, предостерег Соединенные Штаты — по его мнению, чудовищный аппетит Америки в отношении иностранных займов подрывает мировую экономику.

Критики приписывают усугубление дефицита налоговой политике администрации Буша и отмечают, что в связи с сокращением налогов федеральный доход в 2003 году снизился до 16,5 процентов ВВП, то есть до самого низкого уровня с 1959 года.

Президент Буш, впрочем, находит объяснение происходящему в «унаследованной» им от предшественников рецессии, в воздействии на рынки скандалов с компаниями «Enron» и «Уорлдком» и новостей о том, что директорат этих компаний подделывал бухгалтерскую отчетность, а также в возросших после событий 11 сентября расходах на безопасность и национальную оборону. Однако Брайан Ридль из консервативного фонда «Наследие» провел подсчеты и установил, что бюджетная дыра, в которую между 2001 и 2003 годами ухнули 296 миллиардов долларов, «раскладывается» следующим образом:

- 100 миллиардов долларов — дополнительные расходы на оборону;

- 32 миллиарда долларов — расходы на ликвидацию последствий событий 11 сентября и национальную безопасность;

- 164 миллиарда долларов (55 процентов от общей суммы) — расходы на правительственные программы, не имеющие отношения ни к обороне, ни к событиям 11 сентября.

Более того, произошло и нечто более серьезное, нежели фактическая растрата бюджетных средств или резкое падение доходов, нечто, поразившее самую суть американской экономической политики и сделавшее полную и окончательную победу над финансовым кризисом маловероятной. «Великая старая партия» стала партией «большого правительства» — или, как его еще называют, «влиятельного». Сокращение налогов уже не сопровождается сокращением расходов бюджета. Финансовый консерватизм умер. Вашингтонские правые вступили в гражданский брак с Большим Братом.

Исследователь Клинтон Росситер однажды снисходительно назвал консерватизм «политикой неблагодарного убеждения». Что ж, профессор Росситер прав. Консерваторы некогда возложили на себя обременительные обязанности «голландского дядюшки»*. Они имели мужество и решимость говорить «нет». Они настаивали на выполнимых обещаниях и финансовом благоразумии. Им доверяли приумножать государственные доходы для оплаты социальных программ, инициированных либералами. И к «рокфеллеровским республиканцам», подражавшим в бессмысленных тратах «новым демократам» Франклина Рузвельта, они относились как к еретикам.

Эти консерваторы ратовали за политику жертвы ради общего блага и за экономику «доллара, обеспеченного золотом», за сбалансированный бюджет и за разумный подход к распределению бюджетных средств. «Мистер консерватор», как называли Роберта Э. Тафта, считался воплощением этой философии, и Джон Кеннеди упомянул его среди немногих «особо достойных» в истории американского Сената.

* В современном американском сленге — ментор, человек, постоянно читающий нравоучения.

Однако республиканизм Роберта Тафта мертв. «Консерватизм, противопоставлявший себя “Новому курсу”, консерватизм минимального правительственного вмешательства в экономику — умер», — пишет Джордж Ф. Уилл. В Вашингтоне больше нет консерваторов. Там остались Демократическая партия, выступающая за сокращение налогов и увеличение трат, и Республиканская партия с ее лозунгами «хлеба и пушек» и сокращения налогов. Мы наблюдаем сплошное ускорение — при полном отсутствии тормозов.

В годы Второй мировой войны Франклин Рузвельт сократил невоенные расходы на 54 процента. В годы корейской войны Трумэн сократил эти расходы на 19 процентов. Но в первые два года войны с терроризмом Джордж У. Буш, подобно своему земляку из Техаса Линдону Джонсону во время вьетнамской войны, увеличил расходы федерального бюджета на 11 процентов. Америка воюет в Ираке и Афганистане и ведет войну с террором, а президент Буш примеряет наряд «заботливого республиканца» и «отца своего народа».

«Увеличение доли расходов, не относящихся к национальной безопасности, на 18,6 процента при Конгрессе 107-го созыва (2002–2003) является крупнейшим за несколько десятилетий», — таков вердикт «Wall Street Journal» от 20 января 2004 года (третьей годовщины инаугурации Буша). Обозреватели газеты называют экономическую политику администрации Буша «наиболее расточительной с 1960-х годов». Нынешние республиканцы с готовностью принимают федеральные программы, против которых когда-то выступали.

В своей книге «Совесь консерватора» Барри Голдуотер, олицетворение послевоенного консерватизма, объявил федеральную поддержку системы образова-

ния неконституционной и предупредил относительно «неистребимых опасностей» такой поддержки. По его словам, федеральная помощь «при любых вариантах означает федеральный контроль». Поэтому Рейган и республиканцы 1990-х годов публично обещали закрыть организованное Джимми Картером министерство образования.

Но Джордж У. Буш в связке с Тедом Кеннеди учредил федеральную программу «Не оставим наших детей без образования». Обозреватель Джеймс Пинкертон резюмирует: «Когда Буш вступил в должность, бюджет министерства образования составлял 35,7 миллиарда долларов; в следующем [2005] финансовом году, при сохранении текущего курса администрации, бюджет составит 64,3 миллиарда долларов, то есть увеличится на 80 процентов».

Избиратели поддержали «республиканскую революцию» Ньюта Грингрича, сулившего радикальное сокращение расходов федерального бюджета. Оправдались ли посулы?

«Победившие в 1994 году обещаниям урезать правительственные траты, республиканцы как будто напроць забыли о своих обещаниях», — пишет «Wall Street Journal».

В главе «Свобода для фермера» своей книги Голдуотер заявлял:

«Положения конституции не подлежат двусмысленному толкованию: национальное правительство не имеет права управлять сельским хозяйством... Проблема излишков не будет решена до тех пор, пока мы не признаем, что технический прогресс и другие факторы способны удовлетворить потребности американского и мирового рынка при меньшем, чем сегодня, числе фермеров».

Голдуотер возражал против «двусмысленных толкований» и утверждал, что нам необходимо «раз и навсегда отказаться от планов государственной поддержки сельского хозяйства».

Сорок лет спустя Джордж У. Буш подписал закон о фермерских хозяйствах, предполагаемая стоимость реализации которого составила 180 миллиардов долларов — при том, что сегодня фермеров вполонину меньше, чем во времена, когда Барри Голдуотер опубликовал свой манифест. Количество фермерских хозяйств с 1900 года сократилось на две трети, но «рабочая сила» министерства сельского хозяйства выросла в тридцать три раза — с 2900 до 96 400 человек.

Будучи кандидатом в президенты, Джордж У. Буш выражал скепсис относительно наших внешнеполитических амбиций. Он обещал проводить более «взвешенную» внешнюю политику и тщательно проанализировать заключенные союзы и альянсы. Президент Буш вовлек нас в боевые действия в Афганистане и Ираке, уже обошедшиеся казне в 200 миллиардов долларов, и принялся размещать военные базы в Восточной Европе, в Персидском заливе и в бывших советских республиках Средней Азии.

Для консерваторов иностранная помощь всегда оставалась «гадким утенком» федеральных программ. Как указывал лорд Питер Бауэр, она «бесконечно порочна». Государству, проводящему здравую экономическую политику, иностранная помощь не требуется. Оно привлекает иностранные инвестиции. Государство же, не проводящее здоровой экономической политики, никакая иностранная помощь не спасет.

История доказала правоту Бауэра. Консерваторы считают, что передавать «налоговые доллары» федеральному правительству в Вашингтоне — не лучший метод обеспечить процветание Соединенных Штатов; точно так же отправка «налоговых долларов» прави-

тельствам зарубежных стран — не лучший способ обеспечить процветание стран третьего мира. Американцы первыми приходили на помощь нуждающимся, помогали едой, жильем и лекарствами, и ни один президент не посмеет отказаться от этой политики; но регулярные переводы денежных средств недееспособным режимам — отнюдь не то, что необходимо. Подобно социальному пособию, эти переводы порождают перманентную зависимость. Сразу вспоминается, что Тайвань, Южная Корея и страны Юго-Восточной Азии смогли совершить впечатляющий экономический рывок только после отказа от иностранной помощи. Однако Белый дом эти факты не убеждают: в период с 2002 по 2006 год намечено увеличить размеры финансовой помощи иностранным государствам на 65 процентов. Президент Буш, похоже, согласился с левыми, по мнению которых истинное сочувствие измеряется в «налоговых долларах», которые сочувствующий готов потратить.

Двумя краеугольными камнями президентской политики являются пятилетние программа борьбы с распространением СПИДа в Африке (15 миллиардов долларов) и программа «Вызов миллениума», предусматривающая вознаграждение иностранных правительств, осуществляющих «правильную» политику. Добродетель сама по себе перестала считаться вознаграждением. Но разве в конституции записано, что президент имеет право использовать деньги американских налогоплательщиков для поощрения «адекватных» зарубежных стран? Как замечает Джо Собран: «Кажется, что конституция США не несет угрозы нашей форме правления».

Джордж У. Буш также стал «отцом» первого нового американского министерства в двадцать первом столетии и принял решение реализовать крупнейшую федеральную программу социального свойства со вре-

мен Линдона Джонсона — программу предотвращения возникновения наркотической зависимости под патронажем «Медикэйр»* стоимостью 400 миллиардов долларов. Всего через несколько месяцев после принятия соответствующего закона стоимость программы увеличилась до 540 миллиардов долларов. «Однако даже эта цифра не окончательна, — пишет конгрессмен от штата Техас Рон Пол, — по оценкам независимых экспертов, истинная стоимость реализации программы на протяжении десяти лет составит 1 триллион долларов».

Через несколько недель после подписания закона о программе борьбы с наркоманией президент пообещал вернуть США на Луну и послать американских астронавтов на Марс в рамках новой программы пилотируемых космических полетов. Этого оказалось достаточно даже для Говарда Дина: «Он обещает сокращение налогов на триллион долларов и полет на Марс, а у самого дефицит в полтриллиона долларов. Откуда эти вашингтонские умники думают взять деньги?»

Война исцеляет государство, изрек когда-то Рэндольф Бурн. При президенте Буше Америка участвовала в двух войнах текущей общей стоимостью 200 миллиардов долларов и создала новое министерство с весьма многочисленным штатом. Но если задачей министерства национальной безопасности является защита страны, то какова задача министерства обороны? Если мы хотим обезопасить себя, заявил президент, нам необходимо также подготовить и осуществить «мировую демократическую революцию». Но если нашей поли-

* Действующая с 1965 г. федеральная программа льготного медицинского страхования лиц старше 65 лет, некоторых категорий инвалидов и лиц, страдающих тяжелыми поражениями почек; финансируется частично за счет государственных средств, частично — за счет взносов работодателей и работников.

тикой на ближайшие десятилетия станет демократический империализм, окончания боевых действий ожидать не приходится — зато крах демократической республики неминуем.

К лету 2004 года Джордж У. Буш сократил федеральные налоги вдвое, вполне в духе Рейгана. При этом он не отказался ни от одной значимой федеральной программы, не закрыл ни одного агентства или министерства, не наложил вето ни на один законопроект, предусматривающий дополнительные расходы бюджета. В «бюджетную свистопляску» включилась и первая леди, объявившая об увеличении на 15 процентов субсидии Национального фонда искусства — того самого, который консерваторы на Библии поклялись прикрыть. Восстановлены и другие субсидии... Рейган оказался прав: федеральная программа и вправду есть «доступный вариант бессмертия при жизни».

Что же случилось с Республиканской партией?

Эд Крейн, многолетний президент Института Катона, либертарианской фабрики мысли, возводит «идейный коллапс ВСП» к «предвыборной кампании 2000 года, когда Джордж Буш не заводил и речи о сокращении налогов, тем более не упоминал о закрытии программ, агентств и министерств». О судьбе партии, подававшей такие надежды, Крейн с горечью пишет:

«Неоконсерваторы заполнили идеологический вакуум, образовавшийся с уходом временных союзников. Неоконконы в открытую поддерживают идею государственного вмешательства в экономику и считают Франклина Рузвельта великим человеком... Именно они заставили Буша призывать к полноценному участию государства в образовательных программах, чего не делал до него ни один президент в истории США.

А сегодня неоконконы восхваляют американскую империю. Да, мы далеко ушли от Рейгана и Голдуотера...»

Еще в самом начале президентства Буша Маршалл Уиттман разглядел признаки грядущих перемен: «Мотивирующий принцип администрации президента — государственный консерватизм». Уиттман заметил возникновение «новой разновидности», «новой породы» консерваторов. И кто же эти еретики, «консерваторы-государственники»? Фред Барнс, обозреватель неоконсервативной газеты «Weekly Standard» и автор этого определения, утверждает, что они — люди, «склонные к реализму и программатичности». Образцами таких людей Барнс считает Джека Кемпа в качестве министра жилищного строительства и городского развития и Билла Беннета в качестве министра образования. Он пишет:

«Эти люди благожелательно относятся к присутствию государства в экономике и настойчиво стремятся развивать программы, в которые верят. Чувство реальности означает, что консерваторы-государственники, включая Буша, воспринимают весь американский народ как большое правительство... Программатичность? Это означает активную политическую деятельность по предложению новых программ, зачастую малого масштаба и ограниченных по срокам, для решения любых возникающих общенациональных проблем. Большим проблемам — большие решения».

Республиканцы, пишет Брайан Ридль, бюджетный аналитик фонда «Наследие», стали верить тому, что «дорога к переизбранию лежит через государственные расходы». Республиканцы считают, что нашли Розеттский камень американской политики, ключ к перманентному удержанию власти: постоянно сокращаем налоги и не позволяем демократам обойти нас в тратах. Как заявил Дик Чейни ошарашенному министру финансов Полу О'Нилу: «Дефицит не имеет значения».

Отец нынешнего президента Джордж Г. Буш поднимал налоги и в результате лишился своего поста. Президент Никсон основал «великое общество», в год перед переизборами создал своими действиями огромный дефицит бюджета, назначил своего друга Артура Бернса «ответственным за растрату», прибегнул к тактике контроля за заработной платой и ценами, чтобы предотвратить зарождающуюся инфляцию, — и победил во всех сорока девяти штатах. Президенту Бушу в школе наверняка рассказывали об ошибках Никсона.

Беспринципная и не имеющая ни малейшего отношения к истинному консерватизму стратегия сработала замечательно. И у избирательных урн Бушу-младшему сполна заплатил тот самый дьявол, которому он продал свою душу.

Боевым кличем прежних поколений консерваторов было: «Лишим денег левых!», что подразумевало отказ от практики предоставления федеральных грантов либеральным активистам и закрытие таких оплотов левизны, как корпорация «Legal Services». Новый боевой клич звучит так: «И нам тоже!» Цели консерваторов, от глобальной демократии до сексуального воздержания, требуют денег налогоплательщиков. И неоконсерваторы, как обычно, выбрали философское оправдание измене принципам. Слово вновь обозревателю Джеймсу Пинкертону:

«Ирвинг Кристол, определяя “методы неоконсервативного убеждения” в своей статье, пишет, что его собратья по идеологии “не желают мириться с хайкевскими рассуждениями о дороге к крепостничеству”. Неокконы, по его словам, рассматривают развитие государства как “вполне естественный, необратимый процесс. Их не интересует отстраненное государство Голдуотера, они хотят жить в великом государстве”».

В канун выступления президента с посланием к Конгрессу в 2004 году газета «New York Times» опубликовала статью под заголовком: «Буш планирует потратить 1,5 миллиарда долларов на рекламу брака». В статье рассказывалось о том, что советники президента втайне готовят «широкую кампанию по рекламе брака, приуроченную к предвыборному году», и обсуждался вопрос, будет ли раскрыта эта тайна в президентском послании. «На протяжении многих месяцев, — говорилось в статье, — чиновники администрации консультировались с консервативными группами по поводу предложения, которое предусматривает выделение по меньшей мере 1,5 миллиарда долларов на обучение семейных пар международным методам поддержания счастливого брака».

Зачем республиканцам в Белом доме, обремененным дефицитом в 500 миллиардов долларов, финансировать этот проект? «Это повод для президента обратиться к консерваторам и консолидировать нашу опору среди них», — заявил один из советников Буша. А бывший советник президента Рон Хаскинс добавил: «Большинство консерваторов одобряет инициативу счастливого брака».

Барри Голдуотер, восстань из могилы и посмотри, что творится вокруг!

Разве в конституции сказано, что федеральное правительство вправе использовать деньги американских налогоплательщиков на обучение «счастливому браку»? Или этот документ превратился в бесполезный артефакт? Что делает якобы консервативный Белый дом, измышляя новые социальные программы, когда наш дефицит приближается к 5 процентам ВВП? Какова разница между «сочувствующим консерватизмом» Джорджа У. Буша и либерализмом «великого общества» по Линдону Джонсону? Что интересует вашингтонских консерваторов кроме сокращения налогов?

Этот «поросенок» стоимостью полтора миллиарда долларов поджарен на кухне Карла Роува для улещивания «религиозных правых», дабы те не шумели слишком громко, если Белому дому вздумается не поддерживать конституционную поправку, запрещающую однополые браки. Линдон Джонсон финансировал бедняцкие группы, чтобы создать в американских городах «очаги управления», неподвластные мэрам, а Джордж У. Буш намеревается финансировать «группы веры», чтобы республиканцы смогли пробраться в церковь и посадить священников на «долларовую иглу».

Контраст между консерваторами Рейгана и неоконсерваторами Буша становится очевиден, стоит сравнить высказывания двух президентов. «Государство — не решение, государство — это проблема», — говорил Рейган. «Слишком часто, — повторяет Буш, — моя партия путала ограниченное вмешательство государства в экономику с презрением к государству как таковому».

Рейган называл либерализм философией неудачников, а Буш уверяет республиканцев, что единственный недостаток дома, построенного либералами, — то обстоятельство, что либералы им и управляют. Если мы у власти, как бы дает понять Буш своим соратникам, мы можем отобрать этот дом. Снова старый принцип: цели вигов, средства тори.

В своей статье «Неоконсервативное убеждение» Ирвинг Кристол в открытую призывает республиканцев к активному вмешательству государства в экономику и признает, что своими героями неоконсерваторы числят Рузвельтов, тогда как «таких республиканцев и известных консерваторов, как Калвин Кулидж, Герберт Гувер, Дуайт Эйзенхауэр и Барри Голдуотер, вежливо не замечают». Консерваторы-традиционалисты, снисходительно замечает Кристол, могут не соглашаться, но «именно неоконсервативная политика,

а не привычная республиканская, позволила республиканцам побеждать на президентских выборах последних лет».

Проанализируем результаты президентских выборов в последние три десятилетия XX века, причем возьмем те, где республиканцы побеждали с явным преимуществом. Ричард Никсон покорила сорок девять штатов еще до изобретения неоконсерватизма. Рональд Рейган, который повесил в кабинете портрет Кулиджа и считал себя учеником и наследником Барри Голдуотера, взял верх в сорока восьми штатах в 1980 году и в сорока девяти — в 1984 году. Неужели Кристол полагает, что это неоконсерваторы помогли Рейгану добиться успеха?

Политическая история США со времен «великого общества» демонстрирует, что республиканцы становятся сильнее всего в пору обострения противостояния с демократами, будь лидерами последних Макговерн, Мондейл или Дукакис.

Почему консерваторы-традиционалисты 1990-х годов сгнули вместе с большим правительством? Потому что они устали проигрывать Биллу Клинтону и находиться вне власти. Они были готовы идти на компромиссы ценой отказа от принципов. А Буш предложил им путь к возвращению. После событий 11 сентября он получил поддержку всей страны. И партия воспользовалась моментом. Сегодня Джордж Буш определяет, что есть консерватизм, хотя в нынешнем консерватизме нет, кроме названия, ни малейшего сходства с тем, которому учил Роберт Тафт, к которому призывал Барри Голдуотер, который практиковал Рональд Рейган и за который мы все когда-то сражались.

Лоббистские группы, состоящие из «консервативных активистов», обосновались в Вашингтоне и направляют клиентов к нужным конгрессменам-республиканцам, способным обеспечить финансирование очеред-

ных программ за счет налогоплательщиков. Правые, левые, центристы — все в одной куче, каждый пытается урвать свой кусок, одновременно голосуя за кусок другого. Количество программ, на которые выделены средства из федерального бюджета, ныне превышает десять тысяч, а ежегодные расходы на их реализацию в конце 2003 года составили 23 миллиарда долларов. Среди прочих проектов имеются следующие:

- программа удаления татуировок в Сан-Луис Обиспо (50 000 долларов);
- программа финансирования Центра борьбы с ожирением при Университете Западной Вирджинии (2 000 000 долларов);
- программа борьбы с «готической культурой» в Блю-Спрингс, штат Миссури (270 000 долларов);
- программа «конной терапии» в Эппл-Вэлли, штат Калифорния (150 000 долларов);
- программа замены поголовья дельфинов в штате Вашингтон (4 000 000 долларов).

По словам Адама Б. Саммерса, аналитика фонда «Reason», Джон Маккейн реализует следующие «карманные» проекты в рамках «закона о защите должностных лиц 2004 года» совокупной стоимостью 375 миллиардов долларов:

- программа изучения экзотических домашних животных в Калифорнии (1 800 000 долларов);
- программа лабораторного изучения дождевых лесов в Коралвиле, штат Айова (50 000 000 долларов);
- грант Университету Гавайев (кампус Западное Оаху) на съемку документального фильма «Первобытные поиски» (200 000 долларов);
- грант музею колес в Нью-Йорке (225 000 долларов);
- программа изучения гавайских черепаш (7 300 000 долларов);
- программа изучения морских львов на Аляске (6 000 000);

- грант Центру изучения преданий о Джонни Ячменное Зернышко* в Огайо (450 000 долларов);
- грант Историческому обществу штата Айова на учреждение Всемирной кулинарной премии (100 000 долларов);
- грант Залу славы рок-н-ролла в Кливленде, штат Огайо, на обучающую программу «Рок-н-ролл в школе» (200 000 долларов);
- грант на празднование годовщины образования штата Аляска (400 000 долларов);
- грант на празднование годовщины образования штата Гавайи (225 000 долларов);
- грант на художественное разрисовывание плотины в одном из городов штата Миссури (175 000 долларов);
- программа изучения плодовых мушек в Монпелье, Франция (90 000 долларов);
- грант на реставрацию здания оперного театра в Траверс-Сити, штат Мичиган (225 000 долларов);
- грант музею авиации, штат Аляска (250 000 долларов);
- грант на строительство и реконструкцию торгового центра в Гвадалупе, штат Арканзас (200 000 долларов);
- грант на строительство плавательного бассейна в Салинасе, штат Калифорния (325 000 долларов);
- грант на реставрацию здания компании «Кока-Кола» в Мэконе, штат Джорджия (100 000 долларов);
- грант на реставрацию ресторана и мотеля «Паскаль» в Атланте, штат Джорджия (100 000 долларов);
- грант на подготовку празднования двухсотлетней годовщины экспедиции Льюиса и Кларка в штате Айдахо (900 000 долларов);
- грант на строительство зоопарка в Детройте, штат Мичиган (175 000 долларов);

* Герой американского фольклора, по преданию, засадивший яблонями весь Средний Запад, в особенности территорию штатов Огайо и Индиана.

- грант Национальной федерации по охране диких индеек (238 000 долларов);
- грант на реконструкцию оздоровительных учреждений в Норт-Поуле, штат Аляска (200 000 долларов);
- грант на реставрацию часовой башни здания суда в округе Джефферсон, штат Вашингтон (100 000 долларов);
- грант ферме Блюберри-Хилл, штат Мэн (220 000 долларов);
- программа «Первая лунка», обучающая молодежь гольфу (2 000 000 долларов);
- грант на строительство грузового терминала в порту Филадельфии для поддержки «высокоскоростных военных подъемников и других военных кораблей», которые, как отмечает Маккейн, «еще не существуют даже в проекте».

Сам Маккейн признавался: «В жизни не встречал моряка, трезвого или пьяного, с фантазией наших конгрессменов». В «Поросячьей книге», подготовленной ассоциацией «Граждане против бессмысленных правительственных расходов», упоминается, что общее число проектов, не получивших одобрения в 2004 году, но профинансированных сенаторами и конгрессменами, составило 10 656 штук, а их совокупная стоимость превысила 22 миллиарда долларов.

Более того, ход событий заставляет предположить, что эра сбалансированных бюджетов для Америки закончилась навсегда. 1990-е годы, судя по всему, оказались «бабьим летом» финансовой ответственности. В 2008 году первая волна бэби-бумеров, родившихся в 1946 году, достигнет возраста шестидесяти двух лет и начнет пользоваться льготой раннего выхода на пенсию. В 2011 году этим людям исполнится шестьдесят пять. А восемнадцать лет спустя 77 000 000 бэби-бумеров, наиболее многочисленная социальная группа в нашей истории, перестанут быть основными попол-

нителями фондов здравоохранения и социального обеспечения и сделаются основными потребителями услуг этих фондов. К 2030 году, согласно выкладкам экспертов, государственные расходы только на эти фонды составят 5 процентов ВВП, а к 2050 году возрастут до 15 процентов. Как Тельма с Луизой*, фонды здравоохранения и социального обеспечения движутся к обрыву. А мы наблюдаем за ними из зрительного зала.

К концу нынешнего десятилетия на нас обрушится самая настоящая буря. Накопления фондов здравоохранения и социального обеспечения, пока скрывающие глубину нашего падения, начнут таять. И дефицит бюджета, подобно грандиозному подводному вулкану, извергнется на поверхность. Потребность бюджета в частных накоплениях приведет к оттоку частных займов. Вклады бэби-бумеров во всевозможные пенсионные страховочные планы, поддерживавшие рынок в 1980-е и 1990-е годы, постепенно иссякнут, а массовое снятие средств с этих счетов обрушит рынки.

По мере того как производство перемещается в Китай, а сфера высоких технологий мигрирует в Индию, американцы, оказавшиеся на низкооплачиваемых (по сравнению с их прежней работой) должностях в секторе услуг, станут отчислять все меньше на здравоохранение и социальное обеспечение, да и наполнение федерального подоходного налога и налога штата сократится. Бэби-бумеров с высоким уровнем доходов вытесняют иммигранты, не имеющие ни опыта, ни знаний, ни умений, поэтому правительству придется увеличивать налоги на работающих американцев, чтобы компенсировать уход с рынка труда старшего поколения.

* Имеются в виду две подруги, героини одноименного фильма 1991 г.

Что сегодня происходит в Калифорнии, где «потребители налогов» прибывают из Мексики, а налогоплательщики уезжают в Неваду, Аризону и Колорадо, то случится и с Америкой в целом. Только уже не останется места, куда можно убежать и где можно укрыться. Правительство будет вынуждено поднять налоги, ведь в противном случае стране грозит гигантский дефицит бюджета, который погребет доллар. Калифорния движется к статусу страны третьего мира, Америка отстает от нее всего на два или три десятилетия. Иными словами, мы мало-помалу приближаемся к третьему миру.

На любом свободном рынке одна и та же работа оплачивается приблизительно одинаково. С течением времени литейщики в Бирмингеме, штат Алабама, начнут получать столько же, сколько получают их коллеги в Питтсбурге, штат Пенсильвания. Но в глобальной экономике, куда нас настойчиво тянут новоявленные «повелители вселенной», зарплаты рабочих в США прекратят расти и начнут снижаться, благодаря тому что высокооплачиваемые должности достанутся аутсорсерам в странах третьего мира, а рабочие из стран этого мира окажутся на нашей территории, легально или нелегально, и вытеснят американцев с рабочих мест своей готовностью трудиться за меньшую сумму. Продавец «Уолмарта» приносит домой далеко не те же деньги, что рабочий автозавода. И налоги платит не такие.

Итак, заработная плата рабочих первого мира заморожена или снижается, размер собираемого налога сокращается, и за этим следует вмешательство в социальные выплаты, как уже происходит в Калифорнии и в Европе. В 2003 году обязательные расходы на здравоохранение, пенсии и выплаты по безработице достигли 11 процентов ВВП. После 2008 года мы будем вспоминать об этой цифре с ностальгией.

Другим фактором, который окажет непосредственное влияние на дефицит бюджета, является наш национальный долг, составляющий сегодня 7 триллионов долларов. После того как ФРС* снизила процентную ставку до 1 процента, стоимость федеральных облигаций упала до самого низкого за последние сорок лет уровня. Но когда ставка будет повышена (а это непременно произойдет), то, с учетом нашего торгового и бюджетного дефицитов, стоимость привлечения средств для финансирования нашего потребления возрастет на десятки миллиардов. И значительный кусок этого притягательного «пирога» уйдет к иностранцам, активно скупающим долговые обязательства США.

Существует и еще один поток расходов, который невозможно остановить. Отстаивая необходимость увеличения расходов на здравоохранение, образование и социальное обеспечение, представители администрации президента оперируют следующими цифрами:

«25 миллионов детей живут с одним из родителей; у 1,5 миллионов детей один из родителей находится в тюрьме; около полумиллиона детей проживают в сиротских приютах; 1 миллион детей ежегодно рождается вне брака; каждая из шести семей с детьми зарабатывает 17 000 долларов в год или менее».

Но кто и что уничтожает американские семьи?

Разве не социальная, моральная и культурная революция, прославляющая секс, наркотики, рок-н-ролл и освобождение женщин от бремени вынашивания ребенка и его воспитания, подарившая нам презервативы в старших классах школы, разводы по взаимному согласию сторон, узаконившая аборты и детские сады для тех, кому все-таки посчастливилось родиться?

* Федеральная резервная система.

Среди почти 2 миллионов американских мужчин, находящихся в заключении, подавляющее большинство составляют выходцы из неполных семей.

Либералы славили освобождение от тягот брака и моральных уз христианства. В итоге консерваторы вынуждены сегодня повышать налоги и занимать, чтобы справиться с кризисом, спровоцированным либералами. Деконструировав наше общество, революционеры требуют, чтобы мы платили больше, — иначе с последствиями того урона, который они нанесли Америке, не совладать.

Эйзенхауэр рассуждал о военно-промышленном комплексе, который безостановочно вытягивает средства из федерального бюджета. Но в эпоху телевидения этот монстр уже не может выдержать сравнения с новыми чудовищами, порожденными СМИ. Любая локальная проблема, стоит о ней упомянуть в центральных газетах, мгновенно становится достоянием общества благодаря спутниковому и кабельному телевидению. Белому дому и Конгрессу приходится объяснять, как они намерены решать эту проблему. И результатом всегда становится новая федеральная программа, направленная на облегчение участи пострадавших. Или новый федеральный закон — в столь важных случаях, как применение огнестрельного оружия в школах.

Правительство Соединенных Штатов (местные органы власти, правительства штатов и федеральное правительство) пожирает сегодня 34 процента ВВП. Риску предположить, что приступов финансового благоразумия в ближайшие годы не предвидится, поэтому данная цифра постепенно возрастет до 48 процентов — нормы Европейского союза. Но не будем забывать, что 50 процентов заработной платы европейцев уходит на налоги, что доход среднего европейца на 40 процентов ниже дохода среднего американца, а уровень безработицы в

Европе вдвое выше. И к такому будущему нас ведет дорога, на которую мы ступили.

Бюджет США равен 2,4 триллиона долларов и расходуется столь «разнообразно», что американские официальные лица уже не в состоянии объяснить, сколько денег было потрачено и куда. В 2003 году генеральный контролер Дэвид М. Уолкер на заседании Клуба национальной прессы заявил, что шестой год подряд Генеральное отчетно-ревизионное управление «не может достоверно установить, насколько данные о консолидированном бюджете США соответствуют действительности».

Согласно закону Сарбанеса–Оксли, принятому вслед за скандалами с компаниями «Энрон» и «Уорлдком», исполнительному директору, подозреваемому в махинациях с бухгалтерской отчетностью, грозит тюремное заключение. Но ведь у корпораций, подделывающих финансовые документы, перед глазами пример правительства США, растратившего десятки миллиардов долларов. При этом исполнительный директор компании может сесть в тюрьму за использование средств пенсионного фонда в качестве оборотного капитала, а американское правительство занимается тем же самым на протяжении многих лет совершенно безнаказанно.

Быть может, президент Буш лучше понимает Америку, которой управляют его ровесники? Дух истинного консерватизма, как представляется, мертв. Реакция Америки на любой социальный кризис, любую социальную несправедливость вполне задумчива: «А что по этому поводу предпримет президент? А почему с этим не разобралось правительство?» В послании к Конгрессу в 2004 году президент потребовал от НФЛ и НБА*

* Национальная футбольная лига (американский футбол),
Национальная баскетбольная ассоциация.

ужесточить правила относительно допустимости стероидов. До сих пор подобные вопросы не входили в прерогативу федерального правительства.

Когда исчезла финансовая дисциплина? Когда был отвергнут истинный консерватизм? След ведет к «республиканской революции» 1994 года: в 1995 году Ньют Грингрич устроил правительственный кризис, но отступил в конфликте с Клинтоном.

Клинтон в разгар своего президентства отказался от поправки Грингрича и Доула, предусматривавшей сокращение расходов на здравоохранение в отправленном в Белый дом на утверждение проекте бюджета. Клинтон наложил на проект вето, «прикрыл» правительство и обвинил республиканцев в «настойчивых попытках подрвать здоровье нации». Опросы общественного мнения показывали, что народ поддерживает президента. В итоге Грингрич и республиканцы капитулировали и подчинились требованиям Клинтона, восстановив урезанные расходы. Клинтон уловил настроение общества и одолел партию, считавшую, что страна ее поддерживает. Как Ли при Геттисберге, Республиканская партия оказалась не на той стороне поля битвы.

Именно там и тогда был подрван республиканский дух, как подрывали дух либерализма «дети Вьетнама», отказавшиеся от «грязной, аморальной войны», в которую либералы втянули нацию и которую не могли ни закончить победой, ни прервать. К 2000 году многие республиканцы «призыва 1994 года», избранные на шестилетний срок, решили задержаться в Конгрессе и проголосовать за программы, против которых выступали их избиратели. Это был единственный способ остаться в Вашингтоне.

В конце 1990-х годов, как утверждает бюджетный аналитик Института Катона Стивен Мур, республиканский Конгресс выделял из бюджета суммы, превосхо-

дившие запросы Клинтона, на помощь иностранным государствам, на обогрев жилых домов, приобретение земель, экспортно-импортные субсидии, образовательные программы, изучение СПИДа, на библиотеки, помощь беженцам, ипотечные программы, программы занятости инвалидов и даже на нужды Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов. На фоне республиканцев Гринрича Билл Клинтон выглядел Робертом Тафтом.

Какие перемены произошли в «великой старой партии»! С окончания гражданской войны и до Первой мировой все президенты США были республиканцами, за исключением Гровера Кривленда. Не считая налога времен гражданской войны, отмененного в 1872 году, деятельность правительства финансировалась почти исключительно за счет таможенных пошлин. Не было никакого Федерального резерва, а доллар обладал твердостью алмаза.

При Маккинли американская экономика прибавляла по 7 процентов в год, а федеральные расходы составляли 2,6 процента ВВП. При Буше расходы поднялись выше 20 процентов ВВП, а экономический рост составляет половину показателя времен Уильяма Маккинли.

Общественное мнение беспокоит то обстоятельство, что по закону о патриотизме людей, подозреваемых в причастности к террористам, могут по специальному запросу министерства юстиции подвергнуть тотальной проверке. При этом граждане охотно предоставляют сведения о себе Внутренней налоговой службе, интересующейся источниками доходов, будь то заработная плата, гонорары, дивиденды, проценты, выигрыши в казино или распродажи домашнего имущества. И практически никто не возражает против того, что правительство забирает половину дохода через налоги. Удивительно, не правда ли? Особенно если вспомнить,

как наши предки едва не восстали при попытке ввести гербовый сбор...

В ходе кампании 2004 года за место сенатора от Южной Каролины конгрессмен Джим Деминг, рассуждая о «предпоследнем кризисе демократии», задал аудитории провокационный вопрос: «Как может выжить страна, если большинство ее граждан, ныне зависящих от правительства, уже не имеет желания и энергии сдерживать рост этого правительства?»

Возможно, он прав? Сегодня в правительстве (в широком смысле слова) подвизаются 18 миллионов американцев — они трудятся в здравоохранении, в сфере образования, в армии, в местном самоуправлении, в правительствах штатов и в федеральном правительстве. Количество граждан США, получающих социальное пособие и выплаты по программе «Медикэйр», составляет десятки миллионов, а 77 миллионов бэби-бумеров неотвратимо приближаются к пенсионному возрасту.

Миллионы пользуются ветеранскими льготами, десятки миллионов — продовольственными карточками и бесплатной медицинской помощью, миллионы живут по схеме кредита на заработанный доход, то есть не платят подоходный налог и еще получают ежегодно субсидию от правительства США.

Наиболее низкооплачиваемые представители американской рабочей силы несут всего около 4 процентов налогового бремени, основная доля которого приходится на высокооплачиваемых. Существуют также корпоративное социальное обеспечение, которое вашингтонские лоббисты всячески стремятся сохранить и расширить, и проекты, предусматривающие правительственные дотации; последние конгрессмены охотно реализуют в своих штатах. Мы вот-вот достигнем края. Даже Рональд Рейган, столько сделавший для

страны, признавался друзьям, что не сумел сократить размеры правительства.

Прежде чем тринадцать колоний обрели независимость, шотландский профессор Александр Тайлер в сочинении о падении афинской демократии пришел к следующему печальному выводу:

«Демократия не может существовать как постоянная форма правления. Она существует лишь до тех пор, пока избиратели не обнаруживают, что могут получать деньги из общественных средств. С этого мгновения большинство голосует за кандидатов, сулящих наибольшие расходы общественных средств; в результате демократия погибает из-за дурной финансовой политики и сменяется диктатурой».

Избежит ли этой участи Америка? Попробуем выяснить.

СЛАБЕЮЩИЙ ДОЛЛАР, СЛАБЕЮЩАЯ СТРАНА

Нет более тонкого и более надежного способа уничтожить существующий базис общества, чем ослабление национальной валюты. Процесс постепенного разрушения втягивает в себя все тайные силы экономических законов и осуществляется таким образом, что ни один человек не в силах его заметить.

Лорд Кейнс

В отсутствие золотого стандарта нет способа предохранить сбережения от инфляции. Сегодня не существует устойчивых средств накопления.

Алан Гринспен (1966)

В июле 1944 года в отеле «Маунт Вашингтон» в курортном городке Бреттон-Вудс, расположенном у подножья Белых гор в штате Нью-Гемпшир, Джон Мейнард Кейнс и Гарри Декстер Уайт создали новый мировой порядок.

Оба они были «экзотическими птичками». Самый известный экономист эпохи, тайный гомосексуалист, женатый на русской балерине, лорд Кейнс являлся, так сказать, культурной иконой группы «Блумсбери». Он прославился прежде всего своим капитальным трудом «Экономические последствия мира».

В качестве члена британской делегации он участвовал в мирных переговорах в Версале и покинул конференцию, донельзя раздосадованный «карфагенским миром», который навязали Германии Клемансо, Вильсон и Ллойд Джордж. Кейнес был убежден, что немцы не смогут выплатить драконовские репатриации и это рано или поздно приведет к дефолту, перевооружению и новой войне. Вторая мировая полностью подтвердила предвидения Кейнса.

В годы Великой депрессии Кейнс опубликовал наиболее значительную работу по экономике со времен «Исследования о природе и причинах богатства народов» Адама Смита. «Общая теория занятости, процента и денег» отвергала доктрину невмешательства и поддерживала практику «государственных интервенций» в экономику в условиях кризиса. Книга Кейнса увидела свет в 1936 году, однако считается, что именно кейнсовские идеи легли в основу «Нового курса» Франклина Рузвельта. С 1930-х годов «кейнсианское евангелие» разделило ученый мир: более того, многие подразделяют экономическую историю двадцатого столетия на периоды «до Кейнса» и «после Кейнса». В 1971 году президент Никсон шокировал и консерваторов, и либералов своим заявлением: «Мы все теперь кейнсианцы».

Гарри Уайт имел иную «родословную». Тайный коммунист и советский шпион, он был агентом коммунистического подполья, которое поддерживало связь со своими покровителями в СССР через Уиттакера Чамберса.

В 1941 году, когда начались дипломатические конфликты с Японией, Москва приказала Уайту «выйти из тени» и стала открыто использовать его как агента влияния. В июне 1941 года Гитлер разорвал пакт о ненападении и бросил немецкие войска на СССР; Москва опасалась, что Япония поддержит своего партнера

по Оси и нападет на Сибирь. Поэтому Уайту предписали надавить на его шефа, министра финансов Моргантау, с тем чтобы тот убедил госсекретаря Холла отвергнуть все мирные предложения Японии и предъявить Токио ультиматум. Этот ультиматум, датированный 26 ноября 1941 года и требовавший от Японии вывести войска из Китая и Индокитая, привел нас к Перл-Харбору.

Уайту также принадлежит авторство печально знаменитого «плана Моргантау», предусматривавшего уничтожение промышленных предприятий в Рурской области, затопление угольных шахт и «окрестьянивание» побежденных (грозившее Германии повальным голодом). Если бы план Моргантау осуществился, Германия вряд ли сумела бы оправиться от такого удара и восстановить разрушенную войной экономику.

План Моргантау был одобрен Франклином Рузвельтом и Черчиллем на конференции в Квебеке в 1944 году, но когда сведения о нем просочились в прессу, оба лидера союзников поспешили откреститься от этого плана. Тем не менее нацистский министр пропаганды Геббельс не упустил шанса на примере этого плана показать немцам, что требование «безоговорочной капитуляции» со стороны союзников подразумевает уничтожение немецкой промышленности и вымирание населения страны.

Кроме того, впоследствии Уайт присвоил 500 миллионов долларов, выделенных Конгрессом китайским националистам для борьбы с послевоенной инфляцией. Эта махинация спровоцировала цепную реакцию, благодаря которой самый многочисленный народ на планете отвернулся от Америки и поддержал Сталина и Мао Цзэдуна.

Позднее Уайта обвинили в том, что он передал СССР образцы денежных знаков, введенных в Герма-

нии после войны, и тем самым позволил Москве упрочить свое положение в советской зоне оккупации и лишить американское казначейство, которое поддерживало немецкую валюту, сотен миллионов долларов.

В архивах операции «Венона» — дешифрованных сообщениях советских агентов в США своим хозяевам в годы Второй мировой войны — Уйат фигурирует под тремя именами: Адвокат, Ричард и Рид. Несмотря на то что до зловещей славы Алджера Хисса Гарри Декстеру Уайту далеко, он был неоценимым подспорьем для Советов. Недаром Москва предлагала оплатить учебу его дочерей в колледже, если он сумеет сохранить за собой пост в министерстве финансов.

В 1953 году генеральный прокурор США обвинил бывшего президента Трумэна в том, что властям было известно о шпионской деятельности Уайта с 1946 года. Впрочем, это уже не имело значения — ведь в августе 1948 года, через несколько дней после допроса в сенатском комитете по расследованию антиамериканской деятельности, где блистал Ричард Никсон, Гарри Декстер Уайт скончался от сердечного приступа. Сенатор Пат Мойниган уверен, что «Гарри Уайт определенно был советским шпионом».

Летом 1944 года о шпионской деятельности Уайта еще не ведали, а Кейнс уже был легендарной личностью. Однако в Бреттон-Вудсе победа осталась за проектом организации мировых финансов, предложенным Уайтом. Кейнс представлял интересы Великобритании, тогда как помощник министра финансов США Уайт олицетворял собой единственную страну, обладавшую ресурсами для восстановления разрушенной Европы. И Гарри Уайт сумел добиться успеха и мастерски им воспользоваться.

Опасавшийся экономической гегемонии США, Кейнс прибыл в Бреттон-Вудс с планом сдерживания

американских притязаний на мировое господство: он предложил создать всемирный банк, который печатал бы мировые деньги и контролировал распределение международных кредитов. Кейнс хотел вернуть золотой стандарт, который, как он полагал, помещает «бесконтрольному использованию» печатного станка и поможет восстановить Европу. Он также хотел сделать доллар мировой валютой, не привязанной к золоту и подкрепленной лишь верой в экономику США. По Кейнсу, выходило, что дядя Сэм должен обеспечивать мировую валюту, но ресурсами будут распоряжаться сам Кейнс и его соратники — мандарины нового мирового порядка, истинные «повелители вселенной».

По плану Уайта, доллару предстояло стать валютой королевства глобальной коммерции. Доллар предполагалось приравнять к золоту по цене 35 долларов за унцию. Всякая страна, обращавшаяся в американское казначейство с пачкой долларов, имела право обменять их по этой цене на золотые слитки. Неразрывная связь доллара с золотом была призвана стать фундаментом новой системы мировых финансов.

Ожидалось, что другие страны привяжут свои валюты к доллару по фиксированному курсу. В качестве цели введения обменного стандарта обозначалось восстановление финансовой стабильности для содействия торговле и свободному обращению капитала, равно как препятствование «грабительским девальвациям», случавшимся в годы перед Второй мировой войной.

Для контроля за финансовой системой и предоставлением займов странам, столкнувшимся с обесценением национальной валюты, был создан Международный валютный фонд. Соединенные Штаты передали новой международной организации 104 миллиона унций золота и миллиарды наличных средств. Прочие страны также финансировали МВФ, причем каждое государ-

ство получило степень влияния на решения фонда, адекватную своему вкладу в его финансирование.

И Гарри Декстер Уайт, изменник и шпион, стал «отцом» новой международной организации, а в 1946 году президент Трумэн назначил его первым исполнительным директором МВФ.

Кроме того, был создан Международный банк реконструкции и развития (МБРР), призванный содействовать восстановлению Европы и позднее ставший известным как Всемирный банк. Его миссия виделась следующей: заимствовать у богатых государств и предоставлять ссуды государствам бедным, с низкими процентами и на продолжительные сроки.

Благодаря созданию МВФ и Всемирного банка США оказались в положении Великобритании перед Первой мировой войной, когда фунт стерлингов служил мировой резервной валютой, а Лондон являлся центром банковских операций. Первая мировая война лишила Великобританию привилегированного статуса: ведь бывшей метрополии, чтобы выжить, пришлось влезть в долговую кабалу к США.

Подобно британским государственным деятелям викторианской эпохи, американцы «эры Бреттон-Вудса» были сторонниками свободной торговли. Они прибыли в Нью-Гемпшир, сознавая свою вину и свой долг. Они искренне считали, что США, отказавшись от Версальского договора и от членства в Лиге Наций, возвратившись при Хардинге, Кулидже и Гувере к политике протекционизма (кульминацией которой стал тариф Смута-Хоули 1930 года), во многом повинны в развязывании Второй мировой войны.

Они не сомневались в том, что «республиканский изоляционизм» способствовал приходу Гитлера к власти и распространению нацизма по планете. Безусловно, в значительной степени их вера представляла со-

бой коктейль легенд и мифов, но искренности у нее было не отнять. Американские элиты по сей день испытывают чувство вины, а американским детям это чувство упорно внушают в школах.

Кейнс, участвовавший в Версальской конференции, твердо намеревался не повторять катастрофических ошибок Версаля. Он желал «справедливого мира», в котором и победители, и побежденные смогут рассчитывать на необходимую помощь. Но автор плана Моргентау, предусматривавшего уничтожение немецкой промышленности, не разделял взглядов Кейнса. Уайт и Кейнс сходились лишь в том, что новый мировой порядок невозможен без Советского Союза.

В схеме Уайта имелись существенные недостатки. США несли ответственность за доллар, то есть за обеспечение ликвидности, тем самым способствуя развитию международной торговли. Однако Америка, наиболее самодостаточная страна в истории человечества, многие десятилетия пользовалась накапливавшимися торговыми излишками. В мирное время Америка экспортировала в долларовом эквиваленте вдвое больше, чем приобретала.

Деньги текли в Соединенные Штаты, а не вовне. Следовало изыскать способы перенаправить финансовые потоки для восстановления Европы и Японии. Поэтому сотни тысяч американских солдат оказались за рубежами своей страны: они расплачивались долларами и поддерживали местные экономики. Американские банки начали ссужать капиталы иностранным клиентам, американские компании вкладывали средства в зарубежные филиалы. Иными словами, стал реализовываться план Маршалла, а затем США приступили к оказанию прямой финансовой поддержки.

Домашний рынок США открыли для товаров, произведенных в странах, где зарплата работников со-

ставляла малую толику американской. Наши новые союзники продавали нам свою продукцию, чтобы получить твердую валюту, необходимую для восстановления экономики и возвращения американских субсидий. Очень скоро сталелитейные заводы в долине Махонинг, штат Огайо, и в долине Мон, штат Пенсильвания, изготавливавшие «оружие победы» во Второй мировой, оказались на грани банкротства по причине возросшего импорта стали из Германии и Японии, новые заводы которых были построены на американские деньги и по американским технологиям. Ветераны возвращались домой и видели, что прилавки завалены дешевым импортом из тех самых стран, которым они нанесли сокрушительное поражение в войне.

Постепенно бывшие противники США стали уничтожать американскую промышленность. Так, Япония заставила Соединенные Штаты отказаться от производства телевизоров, а немецкие и японские автомобили вытеснили с рынка автомобили американские — в ту самую пору, когда американцы стояли на Эльбе и вели войны за освобождение Азии во Вьетнаме и Корее.

Роковой же недостаток международной финансовой системы «по Уайту» заключался в следующем: едва американские доллары начали покидать пределы США в значимых количествах, привязка валюты к золоту стала выказывать признаки слабости. И в 1971 году произошло крушение.

Через четверть столетия после Бреттон-Вудса, при возрастающих тратах на поддержание «великого общества» и стремительном росте расходов на войну во Вьетнаме, возник бюджетный дефицит, равный почти 5 процентам ВВП. Эра торговых прибылей, продолжавшаяся семь десятилетий, подошла к концу. Началась эпоха возрастания торгового дефицита протяженностью в треть столетия. Американские доллары текли в Европу, и ев-

ропейцы принялись обменивать их на американское золото. Запасы Форт-Нокса сокращались на глазах.

Но Никсон и министр финансов Джон Коннали не допустили опустошения Форт-Нокса. В августе 1971 года Никсон прикрыл «золотое окно», отказался от обязательства обменивать доллары на золото, отпустил американскую валюту в свободное плавание и ввел 10-процентную таможенную пошлину. «Никсон шокировал мир!» — восклицали пораженные японцы.

Плотина рухнула. После отказа от привязки доллара к золоту цена на последнее за десять лет выросла до 800 долларов за унцию. Бреттон-вудские соглашения остались в прошлом. Спекулянты, игравшие против доллара и не верившие в готовность Америки защищать свою валюту, получили колоссальные прибыли.

С утратой привязки доллара к золоту и «освобождением» прочих национальных валют у МВФ исчезла необходимость поддерживать фиксированные обменные курсы, которые прекратили свое существование. Но подобно тому, как фонд «Марш десятицентовиков»* не прекратил работу с созданием докторами Сейбином и Солком вакцины против полиомиелита, МВФ, дабы оправдать свое существование, подыскал себе новую миссию. Фонд объявил себя «банкиром последней надежды», что означало, что любая страна, стоящая перед дефолтом, может обратиться в МВФ за миллиардными ссудами (при этом она должна быть готова к отказу от экономического суверенитета и к строгому следованию рекомендациям фонда по восстановлению национальной экономики).

* Фонд помощи детям с врожденными дефектами, общественная организация, которая занимается сбором пожертвований для оказания помощи детям с родовыми травмами, больным полиомиелитом и т. д.

Когда Никсон отпустил доллар в свободное плавание, за единицу американской валюты давали 360 японских иен. При этом иена оставалась недооцененной настолько, что качественные японские автомобили поставлялись на американский рынок по ценам, с которыми «Большая тройка»* не могла конкурировать, не рискуя разориться.

В 1985 году за доллар давали 220 иен, что по-прежнему не позволяло остановить рост американского торгового дефицита. По международному соглашению того же года министр финансов США Джеймс Бейкер и его помощник Ричард Дарман от лица Америки взяли на себя обязательство снизить курс доллара. Это решение было продиктовано предсмертной агонией «Большой тройки». Президент Рейган, стремясь не допустить прискорбного исхода, ввел импортные квоты на японские автомобили — за что фритредеры заклеили Рейгана как еретика. Для них гибель «Форда» и «Крайслера» значила куда меньше, нежели верность заветам Давида Рикардо и Адама Смита.

Но Рейган не отступился и сумел спасти автомобильную промышленность США. Вдобавок уже начинался «бум 1980-х», обусловленный снижением налогов и разумной финансовой политикой федерального правительства. С падением СССР американский бюджет избавился от львиной доли расходов на оборону и сделался более сбалансированным, что привело к росту доходов в конце 1990-х годов.

«Новое процветание» дало Соединенным Штатам возможность оказать Мексике, Таиланду, Индонезии, Южной Корее, России, Аргентине и Бразилии необходимую помощь во время финансового кризиса 1995–1998 го-

* Имеются в виду крупнейшие автомобилестроительные корпорации США — «Дженерал Моторс», «Форд Моторс» и «Крайслер» (ныне «Даймлер-Крайслер»).

дов. Сотни миллиардов долларов в виде займов МВФ, Всемирного банка и правительства США позволили этим странам продолжать обслуживание своего внешнего долга.

Однако МВФ потребовал, чтобы эти страны девальвировали свои валюты, тем самым сократив долларовый эквивалент стоимости своего экспорта. Идея состояла в том, чтобы эти страны могли затопить американский рынок своими дешевыми товарами и зарабатывать доллары, чтобы вернуть ссуды МВФ и банкам. Так и получилось. Клинтон открыл американский рынок для импортных товаров по «бросовым» ценам. Иными словами, Клинтон и Роберт Рубин принесли американское производство в жертву глобальному капиталу под оглушительные аплодисменты давосской элиты.

Торговый дефицит США вырос буквально в одночасье до чудовищных размеров. Сегодня он составляет 600 миллиардов долларов, почти в десять раз выше, чем при Джордже Г. Буше. И, несмотря на падение доллара три года подряд, нет причин ожидать скольконибудь существенного сокращения этого дефицита.

В начале президентства Джорджа У. Буша 1 евро стоил 83 цента. Впоследствии он вырос на 50 процентов, до 1,27 доллара. Цена на золото возросла с 260 до 390 долларов. Для американских глобалистов это весьма обнадеживающие новости. Слабеющий доллар удешевляет экспорт и удорожает импорт, подрывая доводы протекционистов. Во многом ситуация напоминает ту, при которой человек радуется потере руки — ведь теперь можно сэкономить на стоимости рубашек!

Слабеющая национальная валюта говорит о слабости страны, и падение доллара отражает растущие сомнения в способности администрации Буша управлять Америкой. У нас есть серьезные основания для

тревоги. В 2005 году торговый дефицит в товарном выражении и бюджетный дефицит составят, по прогнозам, 10 процентов ВВП. Мы занимаем свыше 1 триллиона в год на финансирование американской империи, нашего государства «войны и социального обеспечения» и нашего «неудержимого потребления».

Слабеющая валюта означает, что правители втайне лишают народ его богатства. Более того, когда слабеет имперская валюта, отсюда вытекают стратегические последствия. Граждане утрачивают веру в правительство. Финансовая помощь уже не достигает прежних высот и рубежей. Американские солдаты за границей и их семьи вынуждены сокращать потребление, что затрудняет размещение наших вооруженных сил вне территории США. Мы вынуждены полагаться на наемников... Нельзя управлять мировой империей при слабеющей валюте. Не верите — спросите британцев.

Цена на нефть определяется в долларах. Когда евро стоил 83 цента, требовалось 36 евро, чтобы купить баррель нефти, — или 30 долларов. При курсе 1,27 доллара за евро цена барреля составляет уже 24 евро, то есть налицо падение цены на 33 процента. ОПЕК, почувствовав себя обманутым, сократил производство, что привело к увеличению цены на нефть до 42 долларов за баррель; стоимость бензина рекордно возросла, а американская экономика получила сокрушительный удар.

Существует и еще более грозная опасность: иностранные банки, владеющие казначейскими облигациями США на сумму в 1 триллион долларов, могут начать от них избавляться. Это заставит Федеральную резервную комиссию повысить учетные ставки для компенсации бюджетного дефицита и ввергнет экономику в хаос. Надо честно признать, что безболезненного выхода из кризиса нет и не предвидится. Яд девальвации разъедает богатство Америки, а мир, видя нашу не-

способность отказаться от печатания все новых и новых долларов, вызывает явное желание с ними расстаться.

В длительной перспективе дешевый доллар сократит торговый дефицит, поскольку импорт стане неоправданно дорогим, а экспорт будет дешеветь. Но в перспективе краткосрочной ослабление доллара приведет к стремительному росту дефицита. Мы сегодня зависим от иностранцев, поставляющих одну седьмую ежегодно потребляемых нами товаров и услуг (а иностранная доля в производстве намного выше). Если мы сами не выпускаем видеомагнитофоны, телевизоры, мобильные телефоны и музыкальные центры, нам не остается ничего другого, как покупать их за рубежом. И, подобно наркотикам, от этой зависимости крайне сложно излечиться.

КАКОВ ЖЕ НОВЫЙ МИР ВОКРУГ НАС?

Когда в 1990-е годы разразился азиатский кризис, экономика США находилась на подъеме. Через МВФ мы предоставили займы на 200 миллиардов долларов Таиланду, Индонезии, Филиппинам, Южной Корее, России, Аргентине и Бразилии. Чтобы они могли зарабатывать доллары и возвращать кредиты, мы пообещали открыть американский рынок для иностранных товаров. Но с тех пор многое изменилось.

Торговый дефицит США сегодня превышает 600 миллиардов долларов, и это крупнейший ежегодный показатель в истории. В первый срок Буша-младшего Америка потеряла 2,6 миллиона рабочих мест, или одно из каждых шести. Доллар падает. Благодаря средствам, которые мы тратим на импорт, иностранцы скупают Америку.

Три столпа, на которые опирается глобальная экономика, сегодня куда менее надежны, чем в 1990-е годы.

Во-первых, США демонстрируют все меньше желания оказывать поддержку странам, находящимся на грани дефолта. Во-вторых, американцы уже не готовы импортировать все товары, которые предлагают иностранные поставщики. В 2002 году, по данным Американского совета по бизнесу и промышленности, Америка импортировала 3 процента ВВП Японии, 10 процентов ВВП Китая, 16 процентов ВВП Сингапура, 21 процент ВВП Мексики, 25 процентов ВВП Малайзии и 29 процентов ВВП Канады. Наконец, Конгресс выражает сомнения в правильности политики, которая ведет к утрате рабочих мест благодаря торговому дефициту и спонсорству МВФ.

Иностранцы отнюдь не всегда будут финансировать наше потребление. Как заметил историк Нил Фергюсон в июньском номере «New Republic» за 2004 год, азиатские государства «хотят приобретать умопомрачительные суммы долларов для поддержки системы международной торговли».

С января 2002 года по декабрь 2003 года валютные резервы Банка Японии выросли на 226 миллиардов долларов. Валютные резервы Китая, Гонконга и Малайзии выросли на 224 миллиарда долларов. Тайвань увеличил свой капитал для внешнеторговых операций более чем на 80 миллиардов долларов. Почти весь этот прирост обеспечили прямые закупки американских долларов и номинированных в долларах ценных бумаг. В первые три месяца 2004 года только Япония приобрела еще 124 миллиарда долларов.

Азиатские государства продолжают ориентироваться на слабеющий доллар по двум причинам — чтобы увеличивать свою долю на американском рынке и чтобы и дальше выводить производства из Соединенных Штатов. Но это не может продолжаться бесконечно. Мы прибли-

жаемся к пропасти, и вопрос состоит лишь в том, когда мы в нее рухнем. Фергюсон пишет:

«Если центральные банки азиатских стран внезапно утратят интерес к доллару, учетные ставки немедленно взлетят до небес, породив аналогичные процессы в самой Америке. В итоге США столкнутся с кризисом, схожим с теми, которые вызвали в 1994 году обвал мексиканского песо, а в 1997 году — тайландского бата».

Не будем забывать и о дефолтах. В 2002 году Аргентина признала, что не в состоянии обслуживать свой внешний долг размером 100 миллиардов долларов. США и МВФ выразили сочувствие, но отказались выделить Буэнос-Айресу новые кредиты. Аргентина объявила дефолт. Ныне Буэнос-Айрес платит не больше 25 центов за каждый доллар своего внешнего долга. Отсюда следует, что если странам третьего мира не выделять наличные средства через новые кредиты, они откажутся возвращать прежние долги. Можно, если очень хочется, назвать эту политику вымогательством.

Экономический национализм проявляет себя все активнее. В октябре 2003 года знаменитый инвестор Уоррен Баффет признался, что впервые в жизни играл против доллара, покупая иностранную валюту. Этот отпрыск американского конгрессмена ставил капиталы, доверенные ему гражданами США, против способности американского правительства проводить взвешенную финансовую политику:

«Наша страна ведет себя как баснословно богатая семья, владеющая громадной фермой. Чтобы потреблять на 4 процента больше, чем производим (таков наш торговый дефицит), мы должны день за днем распродавать имущество фермы и увеличивать кредиты под залог того имущества, каким еще располагаем».

Ферма заметно сократилась в размерах, ставки по кредитам растут, и вероятность того, что мы потеряем свой дом, достаточно велика.

Как это могло случиться?

Кризис глобальной экономики можно возвести к 1964 году и республиканцам Голдуотера, верившим в сбалансированные бюджеты и самоуправляемость рынка. Располагая 38 местами в сенате и 140 креслами в палате представителей, «великая старая партия» уже не могла воспрепятствовать торжествующей поступи большого правительства. Обрадованные своим успехом, сравнимым с победами Франклина Рузвельта, демократы Линдона Джонсона ухватились за — как они говорили — посланную им небесами возможность превзойти «Новый курс» успехами «великого общества», гарантировавшими партии постоянное пребывание у власти.

Затем случился Вьетнам, и военные бюджеты привели в 1968 году к инфляции, а за рубежом стало крепнуть убеждение, что Америка не в состоянии решить свои проблемы. И иностранцы начали обменивать доллары на золото.

Избранный в 1968 году всего 43 процентами голосов, Никсон подвел черту под эпохой «великого общества», которая создала бюджетный дефицит, сопоставимый с годами Второй мировой войны. Никсон также продолжил фритредерскую политику Джона Кеннеди и Линдона Джонсона, хотя прибыль от торговли сокращалась на глазах. Убежденный в том, что рецессия 1958 года и жесткая финансовая политика на федеральном уровне стоили ему победы на выборах 1960 года, Никсон назначил своего старого друга Артура Бернса, одного из членов «внутреннего круга» Эйзенхауэра, главой Федеральной резервной комиссии. Бернс гарантировал дешевизну и изобилие денег. Затем Никсон спустил доллар с «золотого поводка» и, дабы спрятать

инфляцию, установил правительственный контроль за ценами и заработной платой.

В результате уровень безработицы упал ниже 4 процентов, а на следующих выборах Никсон одержал впечатляющую победу во всех сорока девяти штатах. Расплачиваться же пришлось тому, кто сменил Никсона в Белом доме после «Уотергейта». Как экономическая политика Эндрю Джексона стоила второго срока его преемнику Мартину Ван Бюрену, так и действия Джонсона и Никсона роковым образом сказались на перспективах переизбрания Форда и Картера.

Назначение на пост главы Федерального резерва Пола Волкера и избрание в 1980 году президентом Рональда Рейгана спасли страну. Волкер ужесточал финансовую политику до тех пор, пока не свел инфляцию к минимуму, а Рейган возродил частный сектор грандиознейшим с 1920-х годов сокращением налогов. Несмотря на налоговые игры Буша-старшего и Клинтона, экономический бум продолжался два десятилетия. Федеральный бюджет благодаря притоку доходов не только сбалансировался, но и оказался в прибыли.

Фритредерский фундаментализм Буша-старшего и Клинтона привел к увеличению экспорта американской промышленной базы. Чтобы получать прибыль на американском рынке, наши корпорации переводили свои предприятия в страны, где стоимость трудозатрат составляла малую долю американской.

При Буше-младшем кризис стал очевиден: доллар слабеет, Америка деиндустриализуется, торговый и бюджетный дефициты достигли 10 процентов ВВП. Подобно великим торговым и промышленным империям, которые предшествовали нашей — Голландии, Испании и Великобритании, — США вступили в период упадка. Обратить процесс вспять могут только решительные действия и суровые меры. И успех они принесут далеко не сразу.

ОТРЕЧЕНИЕ КОНГРЕССА И СУДЕБНЫЙ ПРОИЗВОЛ

Власть, которая обладает правом настаивать на безоговорочном исполнении законов, является единственной настоящей властью.

Джон Рэндольф

Тридцать лет назад в работе «Консервативные голоса, либеральные победы: Почему правые проиграли» автор этих строк писал:

«Многое было сказано о том, что "президент-император" узурпировал полномочия Конгресса США. Но на самом деле Конгресс передал свои полномочия судебной власти и бюрократии. Именно эти органы управления толкуют законы и реализуют их на практике, обращая все меньше внимания на позицию конгрессменов».

Этот вывод остается верным и поныне, несмотря на «рейгановскую революцию» и «реставрацию Буша» 2000 года, несмотря на то обстоятельство, что семеро из девяти членов Верховного суда были назначены на свои посты президентами-республиканцами. Правые и здесь оказались в проигрыше. Почему?

С тем, что Конгресс — первая власть, никто не спорит. Континентальный Конгресс как законодательный орган принял Декларацию независимости, назначил Вашингтона главнокомандующим, поддержал революцию, отправил послами в иностранные державы таких людей, как Бенджамин Франклин, Джон Адамс, Томас Джефферсон и Джон Джей, заключил соглашение о взаимопомощи с Францией и одобрил мирный договор с Британией.

Как пишет в своей книге «Конгресс и американские традиции» Джеймс Бернем, «приоритет закона очевиден как из текста конституции, так и из выступлений делегатов Филадельфийской конференции».

«Первая статья конституции определяет структуру и полномочия законодательной власти. Конгресс признается единственным законодателем (не считая положений самой конституции). Только Конгресс имеет право регулировать доходы и расходы бюджета. Только Конгрессу подчиняются армия и флот, и только Конгресс объявляет войну. Только Конгресс устанавливает и организует судебную систему, даже при наличии Верховного суда. Все представители исполнительной и судебной власти подотчетны Конгрессу, тогда как члены Конгресса в своей деятельности ответственны лишь перед собой».

До Второй мировой войны Конгресс выступал как реальный противовес исполнительной власти, подавлявший слабых президентов и соперничавший с президентами крепкими. Еще сравнительно недавно школьники лучше знали имена Вебстера, Клэя и Кэлхауна, чем имена президентов от Джексона до Линкольна. В своей работе 1884 года «Правительство Конгресса» Вудро Вильсон писал, что вне зависимости от положений

конституции «фактической формой правления в нашей стране является господство Конгресса».

Когда Вильсон привез в Америку Версальский договор и устав Лиги Наций, Сенат во главе с Генри Кэботом Лоджем отверг эти документы. С 1844 по 1920 год из рядов конгрессменов вышли три президента — Полк, Гарфилд и Хардинг. (А следующие восемьдесят лет дали нам одного-единственного выходца из Конгресса — Джона Ф. Кеннеди.)

В послевоенной Америке влияние Конгресса ослабло; более того, Конгресс продемонстрировал свою неспособность отражать посягательства на его конституционные полномочия. Вдобавок он, похоже, смирился с утратой прежнего статуса и как будто не обращает внимания на то, что превратился в объект насмешек.

Рассмотрим подробнее, чего лишилась законодательная власть.

По конституции, только Конгрессу принадлежит право объявлять войну, повышать налоги и распоряжаться бюджетными излишками, печатать деньги и регулировать внешний товарооборот. Однако на деле Конгресс отказался от исполнения этих обязанностей.

Гарри Трумэн начал войну в Корее, причем назвал этот конфликт, в котором погибли тридцать три тысячи американцев, «полицейской операцией». Он не запрашивал разрешения Конгресса на объявление войны (а Конгресс не призвал его к ответу), хотя в момент начала боевых действий на Корейском полуострове обе палаты продолжали свои заседания. Второй президентской войной оказался Вьетнам. Конгресс почти единогласно принял резолюцию о событиях в Тонкинском заливе, согласно которой все полномочия законодателей по объявлению войны передавались Линдону Джонсону. Лишь двое сенаторов высказались против этой резолюции, сочтя, что не имеется твердых доказательств нападения северных вьетнамцев на американский эсминец.

Джордж Г. Буш с трудом добился одобрения Сената на военную операцию по изгнанию иракских оккупантов из Кувейта; при этом президент дал понять, что начал бы боевые действия и без одобрения Сената.

Сербия не угрожала нам, не нападала на нас, не желала с нами воевать и согласилась допустить в Косово тысячу двести инспекторов ООН. Палата представителей не согласилась с предложением Клинтона приступить к боевым действиям. Но Клинтон распорядился бомбардировать Сербию, фактически развязав войну против крохотной страны лишь на том основании, что сербы отказались пропустить подразделения НАТО через свою территорию и позволить им занять позиции в Косово. Бомбежки продолжались семьдесят восемь дней. Как отреагировал Конгресс на «волюнтаризм» президента? Он привлек Клинтона к ответственности за интрижку с Моникой Левински.

В 2002 году лидеры Демократической партии, включая Хиллари Клинтон и Джона Керри, проголосовали за постановление, разрешавшее Джорджу У. Бушу применить силу против Ирака, когда он сочтет удобным. Однако Ирак, подобно Сербии, не нападал на нас, не угрожал нам, не желал с нами войны, допустил на свою территорию инспекторов ООН и согласился допустить сотрудников ЦРУ, которым предстояло искать уже ставшее мифическим иракское оружие массового уничтожения.

Какова основная претензия демократов к президенту Бушу? Они сожалеют, что президент заставил конгрессменов голосовать в разгар внеочередных выборов. Как непредусмотрительно с его стороны!

Что касается неоконсерваторов, этих страстных сторонников «сильной руки» и ревнителей президентских полномочий, они отвергают все ограничения, конституционные и любые другие, препятствующие главнокомандующему втягивать Америку в войну.

От контроля над торговлей Конгресс отказался полностью. В 1994 году ему представили на утверждение договор о ГАТТ* толщиной в двадцать три тысячи страниц, причем никакие поправки к тексту не допускались. Проголосовав «за», Конгресс передал Соединенные Штаты под управление мирового правительства — Всемирной торговой организации, где решения принимаются втайне и где Америка сегодня располагает одним голосом против двадцати пяти голосов ЕС. Вдобавок ВТО получила право накладывать на США штрафы и требовать изменения американских законов — и не преминула воспользоваться этим правом.

Кроме того, Конгресс отказался от своего права корректировать торговые соглашения, заключаемые исполнительной властью, — права, на котором настаивали Гамильтон и другие отцы-основатели США.

В 1995 году, преодолев сопротивление Конгресса, президент Клинтон направил Мехико сотни миллиардов долларов, принадлежащих американским налогоплательщикам. Для МВФ и Всемирного банка стало рутинной практикой рисковать деньгами американских налогоплательщиков, даже не интересуясь мнением Конгресса.

В 1997 году Конгресс предпринял попытку избавиться от управления «кошельком» страны, наделив президента Клинтона правом вето на проекты бюджетных ассигнований. Верховный суд спас Капитолийский холм от их собственного Мюнхена. Постановление суда гласило, что Конгресс не может передавать кому бы то ни было свои конституционные права. Но попытка состоялась. Почему? Потому что передача президенту права вето давала конгрессменам возможность удовлетворить притязания лоббистов, одновременно возлагая бремя сокращения расходов на Белый дом.

* Всеобщее соглашение по торговле и тарифам.

Конституция наделяет Конгресс правом печатать деньги. Но в 1913 году это право перешло к Федеральной резервной комиссии, нынешний председатель которой Алан Гринспен едва сдерживает зевоту, объясняя конгрессменам, почему он принял решение повысить учетные ставки, увеличить или сократить приток денег, замедлить или ускорить развитие экономики, от которой зависят 290 миллионов американцев.

Когда экономика находится на подъеме, Гринспен выглядит чудотворцем. Когда же начинается спад и перестают создаваться новые рабочие места, звучат требования его отставки. Но ни один конгрессмен не предлагал Конгрессу ликвидировать Федеральный резерв и вернуть Америке «доллар, твердый, как алмаз».

В вопросах веры, расы, морали и культуры, единые ответы на которые и делают нас единым народом, Конгресс на протяжении полувека уступал свои полномочия судам различных инстанций. Верховный суд первым использовал шанс занять освободившееся место. Он захватил территорию Конгресса, поскольку Конгресс не защищал ее и отказался за нее сражаться.

Почему Конгресс не противодействует агрессивности судов? Потому что его можно назвать «коллективным трусом». Многие его члены — люди благородные и мужественные, однако как объединение людей Конгресс нередко выбирает «страусиную тактику» и позволяет судам выносить решения, шокирующие американский народ.

Ведь проголосуй конгрессмен «не так» по поводу абортов, дискриминации или фактов сжигания флага, на его карьере можно ставить крест. По правде сказать, в нашей культурной войне многие республиканцы — горячие патриоты и буквально рвутся в бой, тогда как неоконсерваторы зачастую выступают умиротворителями. В 1992 году на съезде в Хьюстоне я призвал партию дать отпор Клинтонам, а Ирвинг Кристол

со страниц «Wall Street Journal» заявил: «С прискорбием извещаю Пата Бьюкенена, что культурные войны остались в прошлом и левые победили».

Для Конгресса скромность сделалась важнейшим элементом политической жизни. Пусть суды решают. Пусть на них, как говорится, валятся все шишки. В итоге решения судов вызывают волну протестов, а наиболее «одиозных» судей публично критикуют; Конгресс же остается ни при чем. В отличие от Исава Конгресс не требует вернуть ему право первородства.

Конгресс также поделился властью с бюрократами. Когда в 1973 году был принят закон о вымирающих видах, предполагалось, что он защитит от истребления белоголового орлана, волка обыкновенного и медведей гризли. Но из положений закона вовсе не следовало, что необходимо прекратить все лесозаготовки на территории площадью 7 миллионов акров в Калифорнии и Орегоне и сократить тысячи рабочих мест, чтобы не тревожить пятнистых неясителей. Или что следует заморозить строительство плотины Теллико в Теннесси, дабы не подвергать опасности местных пресноводных рыб. Или что нельзя строить коттеджи в Риверсайде, пока не придумают, как быть с обитающими в тех местах кенгуровыми крысами. Под угрозой судебного преследования в случае появления вырубок под дома двадцать девять американских семей отказались от приобретения жилья, а ведь норы кенгуровых крыс уже успели выжечь дотла, когда расчищали территорию под строительство. Конгресс не вмешивался, а судьи и чиновники при поддержке «экстремистов от экологии» нарушали конституционные права американских граждан во имя защиты жизненных интересов крыс, жуков и сорняков.

«Мы всемерно стремимся защищать голубей и прочую живность. Однако мы как-то забыли о белках, мидиях и тысячах инфузорий», — саркастически заметил конгрессмен Дон Янг с Аляски. Впрочем, намерения

Конгресса не имеют значения, когда за дело берутся судьи и чиновники. Почему Конгресс капитулирует? Почему он терпит этот произвол? Потому что законодатели боятся обвинений в содействии уничтожению окружающей среды — ведь в канун выборов подобные обвинения могут оказаться весьма действенным средством политической борьбы.

Почему же Конгресс передал свои полномочия президентам, судьям и бюрократам? «Маленькая тайна» заключается в том, что Конгресс более не желает ответственности, которую налагает власть. Он не хочет управлять. Обе партии предпочитают выносить только те решения, которым будет аплодировать публика и которые принесут голоса на выборах; от непопулярных же решений попросту уклоняются.

Среди причин, по которым сенат, где большинство имеют демократы, одобрил карт-бланш президенту Бушу на начало войны в Ираке, — твердая вера в то, что сенаторов, подобных почтенному Сэму Нанну, который в 1991 году голосовал против боевых действий, уже не воспринимают всерьез в качестве противников президента.

Конгрессмены отгораживаются от реальности. Они предпочитают уютные кабинеты риску поражения в случае реальных действий. Кроме того, отказ от полномочий означает, что место в Конгрессе ныне столь же безопасно, как и кресло федерального судьи. Конгрессмена фактически невозможно лишить его статуса (если, конечно, не рассматривать возможности публичного скандала или отзыва).

Таким образом, значительная часть полномочий, которым конституция наделяет Конгресс, поделена сегодня между президентом и Верховным судом, принявшим на себя обязанности верховной инстанции в толковании новых законов, что подлежат принятию, и намерений Конгресса относительно законов преж-

них. Когда среди конгрессменов возникают серьезные разногласия, будь то кризис системы социального обеспечения, вопрос о производстве новых видов оружия или о степени ответственности различных государственных служб за события 11 сентября 2001 года, Конгресс создает согласительные комиссии. Тем самым он обеспечивает себе стопроцентное алиби: «Мы не контролируем деятельность комиссий».

«Что у нас за форма правления?» — поинтересовалась некая дама у Бенджамина Франклина, когда тот вышел с заседания конституционного собрания в Филадельфии. «Республика, — ответил тот, — если вы сможете ее сохранить». Мы не смогли. Наше поколение потеряло республику. Америка сегодня — уже далеко не республика отцов-основателей.

Через пять лет после начала «Нового курса» Франклина Рузвельта журналист Гарет Гаррет, ссылаясь на Аристотеля, рассуждал о «революции внутри формы», когда «одно сменяется другим, так что прежние законы сохраняются, а власть сосредоточивается в руках тех, кто принес революцию в страну».

«Есть люди, которые полагают, будто смогут задержать революцию, возведя барьер на ее пути. Но они смотрят в другую сторону. Революция — позади них. Она прокралась ночью, распевая песни свободы... Невозможно защищать то, что уже потеряно».

Именно «революция внутри формы» случилась в нашей республике в двадцатом столетии. Положения конституции не изменились: Конгресс по-прежнему является первой властью. Но реальность не соответствует положениям конституции. Конгресс передал значительную часть своих полномочий президенту, Верховному суду, Федеральной резервной комиссии, средствам массовой информации, правительственным

агентствам и чиновникам. Сегодня Конгресс уступает значимостью и степенью влияния на американское общество всем перечисленным выше «субъектам». Сможет ли он восстановить свой статус, если в него благодаря выборам придут люди, достойные старой республики? Это вопрос, на который ответа пока нет.

ИМПЕРСКИЙ СУД

В ноябре 2003 года председатель Высшего апелляционного суда Маргарет Маршалл дала законодателям штата Массачусетс шесть месяцев на принятие закона о разрешении однополых браков. В июле Верховный суд США подготовил почву для вердикта Маршалл, отменив законы семнадцати штатов и объявив содомию конституционным правом граждан. Комментируя это решение, судья Антонин Скалья буквально кипел негодованием:

«Государственные законы относительно двоеженства, однополых браков, инцестов, проституции, мастурбации, супружеской измены, внебрачных связей, скотоложства и непристойностей будут подвергнуты пересмотру... Суд практически согласился поддержать гомосексуалистов... Иными словами, суд ввязался в культурную войну».

Судья Скалья прав. Тем не менее 17 мая 2004 года губернатор Митт Ромни согласился с вердиктом суда и начал выдавать разрешения на однополые браки, хотя ни он сам, ни законодательное собрание штата не нашли в конституции ни слова о допустимости подобных браков. Существуют и другие, не менее показательные примеры того, как судьи узурпируют прерогативы законодателей, а законно избранные представители народа им потворствуют.

Когда началась эта революция?

За шестьдесят лет до капитуляции Ромни, 17 мая 1954 года, Верховный суд США девятью голосами «за» вынес решение по делу «Браун против совета по образованию». Во имя равноправия Верховный суд совершил фактический государственный переворот, включив в свою юрисдикцию школы, что не предусмотрено ни федеральными законами, ни конституцией.

Тот факт, что Четырнадцатая поправка не допускает сегрегации, вполне очевидно. Конгресс одобрил эту поправку применительно к школам города Вашингтон, округ Колумбия. Однако Верховный суд, сменяемый «демократическим рвением», решил по приговору суда «объединить» всю Америку.

Заговор удался. Президент Эйзенхауэр был потрясен исходом дела Брауна, но и он, и республиканский Конгресс приняли вердикт и объявили его федеральным законом, за соблюдением которого призваны наблюдать федеральные представители (как и случилось в центральной школе Литтл-Рока в 1957 году). Согласившись с целью — объединить учеников в правах, — мы согласились и с последствиями введения этого закона в силу, то есть с судебным диктатом. Зафиксировав свой вердикт в качестве поправки к конституции и обязав нацию его исполнить, Верховный суд начал осуществлять в Америке социальную, моральную и культурную революцию.

В ходе этой «секулярно-эгалитарной» революции американские школы оказались дехристианизированными не менее школ Советского Союза. Добровольные молитвы и чтение Библии отменили. Из кабинетов и классов убрали все плакаты с текстом Десяти заповедей. Отказались от постановки пасхальных и рождественских живых картин. Учителям запретили появляться в классах с нательными крестиками на виду.

И безжалостная кампания по истреблению веры оказалась только началом. За полстолетия, минувших с дела Брауна, Верховный суд и его филиалы добились следующего:

- объявили порнографию и стриптиз в увеселительных заведениях конституционно охраняемыми способами самовыражения;
- предоставили дополнительные права преступникам;
- наложили существенные ограничения на деятельность прокуроров всех уровней;
- отменили смертные приговоры на всей территории страны;
- объявили аборт конституционным правом каждой женщины и запретили защищать младенцев от жуткой процедуры, при которой младенческую головку пронзают ножницами;
- постановили, что законодательные палаты всех штатов должны впредь формироваться по пропорциональному принципу;
- потребовали от ВВИ «Цитадели»* отказаться от традиций мужских кадетских корпусов 150-летней давности и прекратить возносить молитву перед приемом пищи;
- отменили ограничения по срокам для конгрессменов, организующих референдумы;
- запретили Аризоне признать английский язык официальным языком делопроизводства в штате;
- потребовали от Калифорнии, 60 процентов жителей которой проголосовали против предоставления по-

* ВВИ — Виргинский военный институт, мужской военный колледж, основанный в 1839 году. «Цитадель» — Военный колледж штата Южная Каролина, основанный в 1842 году. В 1990-е годы обоим учебным заведениям было предписано принимать не только мужчин, но и женщин, причем в случае отказа им угрожали потерей государственного финансирования.

собий нелегальным иммигрантам, восстановить систему социального обеспечения штата «в полном объеме»;

— одобрили дискриминацию белых студентов в колледжах в «интересах равноправия» и «борьбы с расовой дискриминацией»;

— объявили гомосексуализм конституционным правом граждан;

— заявили, что Первая поправка обеспечивает право граждан сжигать государственный флаг, но запрещает школьникам приносить этому флагу клятву верности.

В каждом из случаев суды низвергали законы, которые поддерживало большинство, и устанавливали вместо них правила меньшинства. «Судебная система, возглавляемая Верховным судом, идет в авангарде организованного элитами похода за торжество одобряемых меньшинствами ценностей, — пишут юристы Уильям Квирк и Рэндолл Бридуэлл в книге «Юридическая диктатура». — Они, как выразился Джефферсон, стали “минерами и саперами” демократии».

Сегодня Америка терпеливо ожидает решения суда по поводу того, должны ли все пятьдесят штатов легализовать однополые браки. Случись воскреснуть из мертвых королю Георгу III, он бы снова умер — от смеха, потешаясь над тем, как быстро недавние бунтовщики из американских колоний Великобритании превратились в стадо баранов.

Никакой конгресс и никакой президент, как представлялось многим, не потерпели бы подобного диктата. Тем не менее Верховный суд продолжает успешно подменять собой первую власть. Почему же мы ему подчиняемся?

«Здесь, сэр, правит народ!» — гордо заявляли американцы девятнадцатого столетия. Однако ныне в Америке народоправие отсутствует. Наше общество демократическое, но наше правительство таковым не является. Как в древнем Израиле, республика оказалась под

управлением судей. Насколько критична эта ситуация? Роберт Борк отвечает:

«Положение крайне тяжелое. Суд неумолимо сокращает сферу самоуправления, не имея на то ни малейших юридических оснований и грубо нарушая конституцию. Одновременно он коренным образом меняет моральное и культурное состояние общества. Поправки к конституции, принимаемые судом, таковы, что их вполне могла бы сочинить ACLU»*.

Как могло случиться, что республика, родившаяся из восстания против короля и парламента, который мы не избирали, подпала под тиранию судей, также нами не избиравшихся? Как могло случиться, что мы сегодня, повторяя Джефферсона, живем при «деспотизме олигархии»?

ВОЗВЫШЕНИЕ СУДОВ

В «Федералисте» № 78 Гамильтон дал свое знаменитое описание судебной системы как «наименее опасной» и «наиболее уязвимой» из трех ветвей власти:

«Судопроизводство не имеет влияния на меч и кошель, непричастно могуществу и богатству нации и не может предпринимать никаких активных действий. Справедливо будет сказать, что оно не может ни заставлять, ни действовать, но только выносить суждения и должно целиком и полностью опираться на поддержку исполнительной власти в вынесении этих суждений».

* Американский союз защиты гражданских свобод (American Civil Liberties Union), организация социалистов-пацифистов, созданная в 1920 году. Занимается защитой конституционных и гражданских прав.

Что ж, и Гамильтон мог ошибаться.

«Качественный скачок» произошел при Джоне Маршалле. В решении по делу «Марбери против Мэдисона» (1803) этот судья присвоил суду право изучать все законы, вводимые Конгрессом, на предмет их соответствия конституции. «Прерогатива и обязанность судебного производства заключается в толковании законов», — изрек Маршалл. Из его слов следовало, что судебная интерпретация конституции является окончательной и пересмотру не подлежит. Сегодня эти слова стали догмой, однако против судебного диктата, навязанного Маршаллом Америке, выступали Джефферсон, Мэдисон, Джексон, Линкольн, Теодор и Франклин Рузвельты и многие историки и юристы.

«Ни одна статья конституции не говорит о приоритете Верховного суда перед законами», — пишет юрист-консерватор Роберт Нисбет. Судья Холмс выразил эту мысль следующим образом: «Не думаю, что Соединенным Штатам грозит гибель, если мы утратим возможность объявлять постановления Конгресса недействительными». Судья Хэнд добавляет: «Среди полномочий, предоставленных суду, мы не найдем прерогативы судить о сути решений другой ветви власти... В конституции США нет ни слова о праве Верховного суда пересматривать решения Конгресса».

ДЕЛО ДРЕДА СКОТТА

Прошло пятьдесят четыре года после вердикта судьи Маршалла по делу «Марбери против Мэдисона», прежде чем Верховный суд обратился к толкованию федеральных законов. В 1857 году эту процедуру использовал председатель Верховного суда Роджер Тэйни в деле некоего Дреда Скотта.

Скотта, раба из Миссури, переправили через Миссисипи в Иллинойс, оттуда перевезли в Миннесоту, где он, в качестве проживающего в свободных штатах, и обратился в суд с просьбой признать его свободным человеком.

Вердикт Тэйни шокировал страну. Поскольку Скотт являлся потомком африканских невольников, заключил судья, он должен оставаться рабом пожизненно и не имел права ни обращаться в федеральный суд, ни претендовать на гражданство. По конституции рабы суть собственность, заявил судья, и рабовладельцы, даже переселившись в свободные штаты, не утрачивают права на владение собственностью.

Тэйни отказался подтвердить положения «Миссурийского компромисса», одобренного Конгрессом в 1820 году. Этот документ гласил, что в состав Союза одновременно принимаются штаты Миссури как рабовладельческий и штат Мэн как свободный. При этом рабство запрещалось на территории Луизианы западнее Миссисипи, откуда и прибыл Скотт. (В год принятия «Компромисса» стареющий Джефферсон заметил, что «слышал в ночи звук колокола», который, как он опасался, предвещает разлад и гражданскую войну. Согласно «Компромиссу», штаты, возникшие на территориях выше определенной широты, вступали в Союз как свободные, а штаты ниже этой границы — как рабовладельческие.)

Решение Тэйни фактически признало территорией рабства всю территорию Союза, и о «Миссурийском компромиссе» пришлось забыть. Хорейс Крили охарактеризовал вердикт Тэйни как «постановление, силой своего воздействия на умы не уступавшее суждениям большинства в любом вашингтонском баре». А Линкольн заметил: «Я выразил несогласие с решением по делу Дреда Скотта. Теперь я отказываюсь принимать его в качестве политического руководства».

В первой инаугурационной речи Линкольн назвал утверждения Джона Маршалла о приоритете судопроизводства перед законом смертельной угрозой демократии:

«Если политику правительства по жизненно важным вопросам, затрагивающим интересы народа в целом, будут фиксировать и наделять необратимой силой решения Верховного суда, то в тот самый миг, когда эти решения будут приняты по поводу обычных межпартийных прений и разногласий, люди перестанут быть хозяевами собственных судеб, а правительство полностью и безоговорочно окажется в руках этого высокого трибунала».

Когда Тэйни дезавуировал распоряжение Линкольна об отправке армейских подразделений в Мэриленд для предотвращения победы сепаратистов, разъяренный президент решил, что с него достаточно. Он приказал арестовать Тэйни. Впрочем, более хладнокровные коллеги убедили Линкольна не подрывать статус должности председателя Верховного суда и не заключать Тэйни в тюрьму.

РЕВОЛЮЦИЯ НАЧИНАЕТСЯ

Так или иначе, расцветом судебного произвола мы обязаны Франклину Делано Рузвельту. Раздосадованный действиями «девяти стариков», судей-консерваторов, отказавшихся поддержать «Новый курс», Рузвельт ввел в состав Верховного суда либеральных юристов, разделявших его взгляды.

С течением времени эти юристы не только обеспечили поддержку «Нового курса», но и стали изучать скрытые возможности распространения и даже насаждения в обществе либеральной идеологии. В споре либера-

лов и консерваторов не было вопроса более острого, нежели тот, что разделил нацию (расовый вопрос), и не было решения более принципиального для социальной революции, нежели назначение на пост председателя Верховного суда губернатора Калифорнии Эрла Уоррена.

Уоррену, который поддержал Эйзенхауэра против Тафта в 1952 году, обещали назначение при первой же возможности. Его шанс выпал, когда в 1953 году скончался верховный судья Фред Винсон. Семнадцатого мая 1954 года новый председатель Верховного суда зачитал вердикт по делу «Браун против совета по образованию». Как заметил обозреватель «Wall Street Journal» Роберт Бартли, «при помощи дела Брауна Верховный суд сбросил с себя все путы и узы».

В вердикте содержалась ссылка на Четырнадцатую поправку: «Ни один штат не вправе отрицать равенства людей перед законом». Выступая от имени суда, Уоррен заявил: «Мы пришли к выводу, что в сфере образования доктрина “раздельного, но равноправного” неуместна. Отдельные образовательные учреждения не могут быть равноправными».

Этот вердикт уничтожил прецедент пятидесятивосьмилетней давности и опирался не на конституцию, а на социологию. Как писал обозреватель «New York Times» Джеймс Рестон: «Решение суда производит впечатление экспертного заключения по социологической тематике». Говорят, президент Эйзенхауэр пришел в ярость. Но в отличие от Эндрю Джексона, который воскликнул: «Джон Маршалл принял решение — так пусть попробует его применить!», Эйзенхауэр не стал предпринимать никаких мер. Впоследствии он назовет назначение Уоррена величайшей ошибкой своей жизни...

Историк Уильям Манчестер писал об Эйзенхауэре: «Как старый солдат, он знал, что приказам следует подчиняться. Суд истолковал конституцию, следова-

тельно, глава исполнительной власти должен выполнять предписания суда». Манчестер показывает, насколько глубоко идея судебного произвола укоренилась в сознании американцев. Когда Верховный суд приказывает, президенты, по Манчестеру, должны брать под козырек и исполнять приказы.

Наблюдая за действиями Верховного суда, суды нижних инстанций также ощутили вкус к законотворчеству. В 1967 году федеральный судья Дж. Скелли Райт объявил, что школы округа Колумбия, несмотря на прошедшую в них десегрегацию, по-прежнему лишают учеников равных возможностей, используя «систему слежения», которая позволяет более сообразительным обучаться быстрее. Райт запретил дальнейшее использование этой системы. Директор одной из школ Карл Хансен подал в отставку. К 1970 году большинство белых учеников перевелись в другие учебные заведения. Сегодня дети национальных меньшинств составляют 96 процентов контингента учащихся, а результаты тестов — наихудшие по всей стране, хотя расходы на образование в округе Колумбия — одни из самых высоких в Америке.

В 1968 году и сам Верховный суд обратился к проблеме сегрегации. Решением по делу «Грин против округа Новый Кент» он объявил неконституционным практиковавшийся в Вирджинии подход «свободы выбора», по которому студентам разрешалось выбирать, какой из двух колледжей они будут посещать. Вердикт по делу Брауна запретил распределение студентов по расовому признаку, а вердикт по делу Грина восстановил это распределение, поскольку «интеграция» на тот момент стала более значимой, нежели свобода.

Три года спустя последовало дело «Суонн против образовательного совета Шарлотт-Мекленбурга»; вердикт предписал организовать перевозку школьников на автобусах из района проживания в школу другого рай-

она в целях расовой и социальной десегрегации. Многих семьи это решение вынудило переселиться за город. Принудительная перевозка в целях интеграции, «эксперимент, благородный в своей основе», подобно «сухому закону», привела к фактическому восстановлению сегрегации и гибели множества городских школ.

Если бы соблюдались положения конституции, а решения по вопросам подобного рода оставили законодателям, мы бы все только выиграли. Граждане демократического государства согласны принимать решения избранных ими представителей, которых они могут отозвать, а не диктатуру судей, назначаемых пожизненно. Губернатор Джордж Уоллес сообщил автору этих строк, что участвовал в демонстрации против «интеграции» университета Алабамы, поскольку на ней настаивал федеральный судья. Конгресс же никогда не принимал постановлений об «интеграции в образовании».

РАВНОПРАВИЕ НАЯВУ

Ко времени принятия в 1964 году Акта о гражданских правах почти вся Америка поддерживала идею равноправия в возможностях, гарантированного законом. Но для федерального суда этого оказалось недостаточно. В 1978 году решением по делу «Члены правления университета Калифорнии против Бакке» Верховный суд одобрил политику руководства Медицинской школы при Калифорнийском университете, выделившего шестнадцать мест из ста для представителей национальных меньшинств, и запретил белым претендовать на эти места.

Алану Бакке дважды отказывали в поступлении, хотя его результаты на экзаменах были куда выше, чем у шестнадцати представителей национальных мень-

шинств. Бакке признавал, что, не будь он белым, его бы охотно приняли. Он оказался жертвой расовой дискриминации.

Вынеся тот вердикт, который был вынесен, судья Гарри Блэкман осенил расовую дискриминацию авторитетом суда. Свое решение на благо национальных меньшинств он изложил почти оруэлловским языком: «Дабы преодолеть расизм, мы должны признать наличие расовых проблем. Чтобы соблюдать равноправие, мы должны обращаться с разными людьми по-разному».

Через год был оглашен вердикт по делу «United Steel Workers против Вебера».

Когда луизианская промышленная группа учредила программу переподготовки персонала на заводе «Кайзер Алюминий», 50 процентов мест зарезервировали для представителей национальных меньшинств. Брайан Вебер обратился в суд, когда ему запретили участвовать в программе, несмотря на то что он занимал должность выше, чем чернокожие работники. Вебер утверждал, что его случай нарушает закон о гражданских правах 1964 года. Суд первой инстанции и апелляционный суд высказались в пользу Вебера. Но Верховный суд рассудил иначе.

Судья Уильям Бреннан объявил, что «дух» закона 1964 года допускает предоставление 50-процентного резерва афроамериканцам. Из этого объяснения следовало, что закон о гражданских правах, запретивший расовую дискриминацию, на самом деле одобряет ее, когда жертвой является белый, а в выигрыше остается чернокожий. Хьюберт Хамфри в том же 1964 году заметил, что если бы его закон и вправду предусматривал какие бы то ни было квоты, он бы лично съел его, страницу за страницей.

В 2003 году Верховный суд потребовал изменить кадровую политику университета штата Мичиган, где к результату каждого представителя национальных

меньшинств на экзамене автоматически прибавлялось двадцать баллов. Одновременно, пятью голосами против четырех, суд поддержал программу «позитивных действий», то есть предоставление преимущественных прав национальным меньшинствам, в юридическом колледже штата, поскольку практиковавшаяся в этом колледже дискриминация белых абитуриентов направлена «на соблюдение интересов штата Мичиган». Судья О'Коннор заявила: «Мы ожидаем, что через двадцать пять лет о расовых преференциях уже никто не вспомнит».

Иными словами, следующее поколение американских школьников и студентов европейского происхождения столкнется с расовой дискриминацией при попытках поступить в колледж или университет, — если только Верховный суд не сочтет, что «многообразие» достигнуто. А что думает по этому поводу президент Буш?

«Я аплодирую Верховному суду, который осознал необходимость многообразия в наших кампусах. В многообразии заключается сила Америки. Нынешние решения показывают стремление найти золотую середину между многообразием в образовании и фундаментальным принципом равенства перед законом».

Если Джордж У. Буш объявляет о своем нейтралитете в борьбе за общество, «равнодушное к цвету кожи», тогда Америка осталась без лидера.

Левым удалось найти «тропу Хо Ши Мина» в обход демократии. Заполонив суды судьями-коллорационистами, они насадили в нашем обществе свои взгляды, и для этого им не пришлось ни выигрывать выборы, ни привлекать под свои знамена законодателей. А Республиканская партия соглашается с новыми расовыми преференциями. Мы отказались от джеффер-

соновской идеи «естественной аристократии» добродетели и таланта, при которой людей вознаграждают по их заслугам, достижениям и возможностям, и заменили ее антиамериканской по сути идеей «этнического превосходства».

Если бы вопросы, столь глубоко расслоившие общество — молитва в школе, тексты Десяти заповедей, принудительные перевозки школьников, сжигание государственного флага, аборт, права сексуальных меньшинств, смертные приговоры, порнография, непристойное поведение и социальные пособия нелегальным иммигрантам, — остались на усмотрение законодателей, они бы наверняка приняли в каждом штате свое собственное решение. А Конгресс нашел бы компромиссы в полном соответствии с федеральным законодательством и конституцией. Нация согласилась бы с решениями мужчин и женщин, избранных голосованием народа на определенный срок. Но, возложив на себя право выносить вердикты по наиболее значимым вопросам, как дело Брауна или дело «Роу против Уэйда»*, и настаивая на безоговорочном исполнении своих решений, Верховный суд развязал культурную войну против большинства американского народа, как генерал Борегар в свое время развязал гражданскую войну, приказав батареям конфедератов открыть огонь по форту Самтер.

НЕУДАЧИ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

Консерваторы продолжают вести войну с левыми на всех фронтах, однако неоконсерваторы в открытую заговорили о капитуляции.

* Дело 1973 года, вердикт Верховного суда по которому гласил, что власти штата не имеют права запретить женщине сделать аборт.

«Лично я, — заявляет Макс Бут, — не рвусь за-прещать аборт или клонирование». В статье в газете «Financial Times», озаглавленной «Еще одно поражение консерваторов», Бут утверждает, что правым «давно пора согласиться с однополыми браками». Неоконсерватор Дэвид Брукс из «New York Times» идет еще дальше: «Мы должны не только допустить однополые браки, но и настаивать на таких браках».

Йона Голдберг в колонке на сайте «National Review Online» под названием «Пора взглянуть в лицо фактам: Однополые побеждают» декларирует триумф гомосексуалистов и побуждает борцов за права сексуальных меньшинств выказать «великодушные победителей». Эндрю Салливан, бывший редактор «New Republic», часто печатающийся в консервативных изданиях, является ревностным поборником однополых браков.

Для неоконсерваторов, одержимых Ираком, такие проблемы, как аборт, однополые браки, исследования стволовых клеток или клонирование, представляют собой не более чем досадные помехи. Но для традиционалистов эти проблемы являются фундаментальными вопросами различия добра и зла, и от ответов на них зависит, останемся ли мы единым народом и единым государством. Обозреватель Арнольд Бейшман цитирует знаменитого английского юриста лорда Девлина:

«Если мужчины и женщины попытаются создать общество, в котором не будет принципиального согласия о разнице между добром и злом, они потерпят неудачу; если, основав свое общество на наборе ключевых ценностей, они откажутся от последних, то общество распадется. Ибо общество нематериально и его невозможно сохранить мерами физического воздействия; его удерживают незримые и хрупкие узы общих убеждений и ценностей... Общая мораль есть необходимая часть общества...»

Повторим снова. Если веру, породившую культуру и цивилизацию, оторвать от корней и дать ей умереть, как умирает христианство в Европе и в постмодернистской Америке, культура и цивилизация, родившиеся из этой веры, также погибнут. И что тогда удержит нас вместе? Одной демократии недостаточно.

Со времен президентства Никсона консерваторы и республиканцы никак не могут исправить свою важнейшую ошибку — остановить Верховный суд, осуществляющий в Америке социальную революцию. Президент Никсон назначил в Верховный суд четырех членов. Трое голосовали по делу «Роу против Уэйда», а протее Никсона Гарри Блэкман оглашал решение суда. Единственный судья, назначенный президентом Фордом, Джон Пол Стивенс, олицетворяет собой либерализм. Рональд Рейган назначил судьей Антонина Скалью, а судью Уильяма Ренквиста произвел в председатели Верховного суда; эти двое — преданные конституции люди. Но Рейган также назначил членами суда Сандру Дэй О'Коннор и Энтони Кеннеди, людей абсолютно непредсказуемых. Что касается Джорджа Г. Буша, он назначил Кларенса Томаса, и это назначение укрепило позиции традиционалистов, но Буш также ввел в состав суда Дэвида Саутера, что имело обратный эффект.

Сегодня в Верховном суде четверо его членов — Стивенс, Саутер, Стивен Брейер и Рут Бэйдер Гинзбург — поддерживают социальную революцию. Левым требуется всего один голос, чтобы продолжать культурную войну против Америки. Обычно в роли «пятого голоса» выступает О'Коннор, что дает ей больше власти над страной, чем Конгрессу. Не правда ли, странная ситуация для демократического государства?

В битвах за членство в Верховном суде республиканцы демонстрируют робость — в отличие от демо-

кратов. Судья Роберт Борк, кандидатуру которого выдвинул Рейган, был отвергнут демократическим сенатом 58 голосами против 42 после унижительного обсуждения. Зато либералы Стивен Брейер и Рут Бэйдер Гинзбург, феминистка из ACLU, представленные Клинтон, успешно выдержали испытание — 87 голосов против 9 и 96 голосов против 3 соответственно.

Если республиканцы хотят продолжать борьбу, президент Буш показал им путь. Его кандидатуры на должности членов Верховного суда, пожалуй, даже превзошли в «качественном отношении» кандидатуры Рейгана. Кроме того, он выказал желание отстаивать своих кандидатов. Когда демократы провалили голосование в палате представителей по четырем кандидатурам, президент дождался парламентских каникул и своим указом назначил двоих из этой четверки членами Верховного суда. Как бороться с отказом сената одобрить ту или иную кандидатуру, известно давно — прецедент был создан в 1795 году, после отставки председателя Верховного суда Джона Джея, когда президент Вашингтон во время парламентских каникул назначил на его место Джона Ратледжа из Южной Каролины.

Для консерваторов нет вопроса более важного, чем умонастроения и философия членов Верховного суда. Следующие президентский срок начнется в 2009 году, и существует достаточно большая вероятность того, что — учитывая возраст, болезни и разговоры об отставке — избранный в 2004 году президент назначит нового председателя Верховного суда и трех или четырех членов суда, как это сделал Никсон в начале своего президентства. Для консерваторов нет более принципиального вопроса, чем тот, кого президент-республиканец назначит, а республиканский сенат одобрит на должности членов Верховного суда на ближайшие четверть века.

«УЗЫ КОНСТИТУЦИИ»

Всякий раз, когда Верховный суд выносит решение, не имеющее прецедентов в федеральном законе или в конституции — запрещает молитву в школах, например, или разрешает аборты, — консерваторы требуют внесения в конституцию поправок, ограничивающих судебный произвол. Но это тупиковый путь. Любая поправка должна быть одобрена двумя третями обеих палат Конгресса и тремя четвертями законодательных собраний штатов в течение семи лет. Не припомню ни одной действительно важной поправки, принятой за годы моей жизни. На деле поправки застревают в комитетах и комиссиях, страсти остывают, а решения суда неохотно признаются законами. Так произошло с поправками по поводу принудительной перевозки школьников, сжигания флагов, школьных молитв, абортов и сбалансированного бюджета. Если ли иные способы? Борк пессимистичен: «Не существует очевидного способа исправить ситуацию...Как кажется, нет средств остановить судебный произвол».

Это поражение. Способ существует. Конгресс должен воспользоваться своим конституционным правом, ограничить полномочия Верховного суда и вернуть штатам право самостоятельно решать спорные вопросы.

В разделе I третьей статьи конституции говорится об учреждении Верховного суда и о праве Конгресса «основывать и направлять» суды нижних инстанций. Тем самым все американские суды, исключая Верховный, подчиняются Конгрессу и могут быть им расформированы. А если Конгресс вправе расформировать суд, он вполне способен ограничить перечень вопросов, подлежащих рассмотрению в суде. Эта власть дается ему разделом II той же третьей статьи:

«Все случаи, касающиеся послов, а также иных народных посланников и консулов, равно как и случаи, в которых участвует государство, подлежат юрисдикции Верховного суда. Во всех случаях, отличных от упомянутых выше, Верховный суд обладает апелляционной юрисдикцией над законом и фактом, с теми исключениями и по тем законам, каковые приняты Конгрессом» (курсив мой. — П. Б.).

Из текста очевидно, что Конгресс вправе ограничить деятельность Верховного суда случаями, «касающимися послов, а также иных народных посланников и консулов, равно как и случаями, в которых участвует государство».

Что это означает?

По статье третьей конституции Конгресс может восстановить действие закона о защите брака, согласно которому разрешения на однополые браки, выданные в Массачусетсе, не будут признаны ни в одном другом штате, и добавить к этому закону еще одно положение, запрещающее любому федеральному суду, включая Верховный, пересматривать этот закон. Говоря проще, Конгресс и президент могут потребовать от Верховного суда «прикрыть лавочку» в вопросе однополых браков. Как пишет профессор Квирк:

«Конгресс может снова вести в действие закон о защите брака, допускающий брачные союзы только между мужчинами и женщинами, и прибавить к его тексту всего одну строку: “Данный закон не является предметом толкования для судов нижней инстанции или Верховного суда США”. И тогда вопрос однополых браков будут решать в каждом штате по отдельности, как и должно быть, по словам президента Буша и Джона Керри».

Губернаторы и законодательные собрания штатов могут справиться с судебным произволом несколько-

ми способами. Во-первых, они, подобно Джефферсону и Джексону, могут не соглашаться с их решениями. Когда Верховный суд штата Массачусетс потребовал от губернатора Ромни и законодательного собрания изменить закон и разрешить однополые браки, Ромни мог бы заявить:

«На ваше требование я отвечаю отказом. Я принес клятву защищать конституцию Соединенных Штатов, а в конституции нет ни слова в поддержку вашего решения. Ни одна судебная инстанция не может приказывать губернатору или законодательному собранию штата принимать законы, с которыми мы категорически не согласны. Поэтому я объявляю ваше требование недействительным».

И что бы в этом случае сделали Маргарет Маршалл и Верховный суд? Распорядились арестовать Ромни? Или обвинили его в неуважении к суду?

Нация одобрила бы подобное выступление губернатора, как Кастро-стрит одобрила мэра Гэвина Ньюсама, когда тот начал выдавать разрешения на однополые браки. Разница только в том, что Ромни своим отказом не нарушил бы ни единого действующего закона. Он всего-навсего отказался бы подчиниться решению суда, которое не основано ни на законе, ни на этике, ни на здравом смысле, ни на конституции штата Массачусетс. Как писал Мартин Лютер Кинг в «Письме из бирмингемской тюрьмы»:

«Справедливый закон есть придуманный человеком кодекс, который соответствует моральному закону, или закону Господа. Несправедливый же закон — это кодекс, лишенный соответствия с моральным законом. Если воспользоваться терминологией святого Фомы Аквинского, несправедливый закон есть закон, который не укоренен ни в вечном, ни в естественном законе».

Однополые браки никак не соответствуют «закону Господа», ни в коем случае не коренятся в «вечном» и «естественном» законах и «лишены соответствия с моральным законом». С точки зрения доктора Кинга, постановлениям суда штата Массачусетс нельзя подчиняться. Более того, они аморальны и с ними следует бороться.

Ромни и законодатели штата могли бы вынести на обсуждение избирателей поправку к конституции Массачусетса, допускающую брак только между мужчиной и женщиной, вне зависимости от мнения судьи Маршалл. «В вопросах власти, — говорил Джефферсон, — давайте перестанем рассуждать о доверии к людям, а лучше уберем их от соблазнов узами конституции».

Но что, если Верховный суд откажется подчиниться Конгрессу и президенту, объявит закон о защите брака неконституционным и прикажет всем штатам признать действительными разрешения на однополые браки? В этом случае Конгресс и президент могут заявить, что законодательство Соединенных Штатов не признает нетрадиционных браков и что ни один представитель власти не будет выполнять требования суда.

Прецедент существует. Джефферсон стал президентом после того, как администрация Адамса ввела в действие законы об иностранцах и о подстрекательстве к мятежу. Закон об иностранцах наделял президента правом высылать из страны подозрительных чужеземцев, а по куда более зловещему закону о подстрекательстве президентская администрация получала право заключать в тюрьму авторов и издателей, признанных виновными в распространении клеветы и злонамеренных слухов о президенте и Конгрессе. «Закон о подстрекательстве, — пишет биограф нашей конституции

Бертон Хендрик, — покушался, казалось, на свободу прессы и тем самым нарушал недавно принятую и всеми лелеемую Первую поправку».

Вступив в должность, Джефферсон распорядился освободить из тюрьмы всех авторов и издателей, арестованных в соответствии с законом, и прекратил преследования. В письме Абигайль Адамс в 1804 году он признал, что оба этих закона

«...есть пустышка, мнимая величина, столь же немыслимая, как если бы Конгресс велел нам пасть ниц и поклоняться золотому тельцу; и потому я считаю своим долгом воспрепятствовать их исполнению, как было бы моим долгом спасение из огненной печи тех, кого бросили в нее за отказ поклоняться идолу».

Джефферсон утвердил за президентом США право отзывать законы, не соответствующие конституции. Как пишут Квирк и Бридуэлл, Джефферсон «полагал, что конституция не является предметом истолкования для любой из ветвей власти. Ни одна ветвь власти не обладает абсолютной прерогативой контролировать действия остальных, и в особенности это относится к власти судебной».

Для Джефферсона судебный произвол нарушал «исходный принцип», гласивший, что «правительства являются республиканскими лишь в той степени, в какой они выражают волю народа и выполняют ее».

В этом с Джефферсоном соглашался Гамильтон. Как было сказано в «Федералисте» № 78, Верховный суд должен «целиком и полностью опираться на поддержку исполнительной власти в вынесении своих суждений». Если президент как глава исполнительной власти откажется исполнять решения суда, притязания Верховного суда на единоличное право толковать

конституцию и подменять законы своими вердиктами окажутся голословными и доктрина Маршалла о приоритете судопроизводства канет в Лету.

Опираясь на третью статью конституции, шестеро сенаторов подготовили проект закона о восстановлении конституции, предусматривающий лишение всех федеральных судов права рассматривать дела по обвинению государства и государственных чиновников в признании существования Господа. Если этот проект станет законом, мы вернемся к тому времени, когда судья Дуглас заявил в 1952 году: «Мы — религиозная нация, и наши институты предполагают существование Всевышнего». Все грядущие иски по поводу присяги флагу, школьных молитв и плакатов с текстами Десяти заповедей окажутся в юрисдикции штатов, как и должно быть.

Имеются и другие реформы, которые Конгресс, если ему достанет мужества и решимости, может осуществить. Поскольку все федеральные суды, исключая Верховный, подотчетны Конгрессу, последний может:

- ввести ограничение срока пребывания в должности федерального судьи (юрист Майкл Мазо пишет, что в пользу подобного ограничения высказывались столь выдающиеся и столь разные в своих речах и делах личности, как Томас Джефферсон, Джон Ф. Кеннеди, Линдон Джонсон, Джордж Г. Буш и судья Байрон Уайт);

- потребовать переаттестации всех федеральных судей после восьми лет службы и предоставления Конгрессу возможности увольнять некомпетентных и «придерживающихся антигосударственных воззрений», не прибегая к процедуре импичмента;

- если выяснится, что решение об ограничении срока пребывания в должности федерального судьи должно быть оформлено в виде конституционной поправки, принять закон, по которому члены Апелляционного суда че-

рез шесть лет службы автоматически переводятся в местные суды (федеральные судьи будут по-прежнему назначаться пожизненно, но члены второго по значению суда страны этой привилегии лишатся).

Наконец, существует возможность импичмента. «Ради безопасности общества мы помещаем маньяков в Бедлам, — писал Джефферсон, — и по той же причине должны лишаться своих мест судьи, запятнавшие себя низкими поступками. Это может повредить их репутации или состоянию, но подобные меры спасут республику, забота о которой — наша первейшая обязанность».

ПУТЬ ДОМОЙ

Таков установленный порядок вещей, что, когда государство достигает зенита своего могущества и становится опасным для человечества, оно неизбежно утрачивает мудрость, справедливость и умеренность, а наряду с этим оно также теряет и свое могущество, которое, впрочем, может вернуться, если будут восстановлены указанные добродетели.

Джон Адамс. Автобиография

На макушке мира безопасности нет и в помине.

Гарет Гаррет

«Назад в катакомбы!» — так резюмировал происходящее Ричард Дж. Уэлен, мой товарищ по предвыборной кампании Никсона 1968 года, подобно автору этих строк, начавший политическую карьеру под руководством Барри Голдуотера.

Президент Буш как раз одобрил крупнейшую со времен построения «великого общества» социальную программу, которая предусматривала амнистию миллиона нелегальных иммигрантов, и объявил о намерении осуществить «мировую демократическую революцию».

Неужели ради этого мы «вкатывали камень на вершину холма»?

Обозреватель Сэм Фрэнсис, автор интеллектуальной биографии Джеймса Бернэма, назвал консерваторов «масштабными неудачниками». Если исключить нашу победу в «холодной войне», одержанную при Рональде Рейгане, с ним трудно не согласиться.

Республиканцы продолжают выигрывать выборы, однако консерваторы терпят поражения в культурной войне. «Эра большого правительства» вопреки заявлениям Клинтона возвращается. Америка становится империей. Несмотря на десять судей-республиканцев в Верховном суде с 1969 года (и только два члена ВС были назначены президентами-демократами), суды по-прежнему осуществляют в обществе социальную революцию. И сопротивление республиканцев слабеет.

В чем причина?

Во-первых, неоконсерваторы захватили ключевые посты, фабрики мысли и влиятельные периодические издания консервативного толка и получили возможность обрядить консерватизм в новые одежды. Их программу — открытые границы, амнистия нелегальных иммигрантов, свобода торговли, упорядоченное отступление на фронтах культурной войны, «консерватизм большого правительства», вильсоновские амбиции во внешней политике — лидеры республиканцев подхватили и провозгласили новой консервативной доктриной.

Во-вторых, изменился облик корпоративной Америки, главного финансиста «великой старой партии». Некогда компании из «списка пятисот» верили в экономический национализм и необходимость защиты домашнего рынка. Сегодня эти компании действуют в глобальном масштабе. Поддержку Республиканской партии, ее фондов, комитетов и фабрик мысли они ставят в зависимость не только от налоговой политики, но и от таких экономических факторов, как корпо-

ративное социальное обеспечение, свобода границ и массовая иммиграция во имя сокращения фонда заработной платы. Они требуют права «импортировать» работников, согласных на менее выгодные, чем у американцев, условия труда, и права «экспортировать» производства и рабочие места, а также права беспешинного ввоза своей продукции в Америку.

В-третьих, последствия социальной и культурной революции 1960-х годов продолжают ощущаться по сей день, причем они оказались куда более значимыми для страны, чем могло казаться ранее. Позицию консерваторов по таким вопросам, как аборт, позитивные действия и однополые браки, сегодня оспаривает меньшинство в составе Республиканской партии — и численность этого меньшинства возрастает.

В-четвертых, «старая Америка», которую населяли выходцы из Европы, неуклонно сокращается. Республиканцы уверены в том, что должны привлекать в свои ряды представителей национальных меньшинств, иначе партия погибнет. ВСП приглядывается к испаноязычной диаспоре, численность которой приближается к 40 миллионам человек. Но даже если эти люди разделяют ценности консерватизма, они одновременно выступают в поддержку программ социального обеспечения, бесплатного образования, льготного здравоохранения и борьбы с безработицей. Чтобы получить голоса испаноязычных избирателей, ВСП вынуждена отказываться от традиционной идеологии.

Прикрываясь знаменами консерватизма, Республиканская партия при старшем и младшем Бушах превратилась в объединение людей, которую консерваторы могли бы назвать «рокфеллеровскими республиканцами», провозглашающими рейгановские лозунги. Проблема партии заключается в том, что к требованиям ее руководства, не считая снижения налогов, не прислушиваются. Не удивительно поэтому, что внутри респуб-

ликанцев назревает мятеж консерваторов, всерьез озабоченных судьбами партии и страны.

Если попробовать описать нынешнее состояние государства одним словом, этим словом окажется «нежизнеспособность». Америка не в состоянии выдерживать ежегодный торговый дефицит в размере 600 миллиардов долларов без того, чтобы не уронить доллар до уровня песо. Нам не под силу текущие уровни расходов на здравоохранение и социальное обеспечение, которые влекут страну к финансовому краху. Мы не можем допустить массовой иммиграции, легальной и нелегальной, не превратив Америку в новый Вавилон, где смешаются люди всех цветов кожи, всех языков и всех вероисповеданий, имеющие между собой мало общего. Мы не в состоянии нести бремя превентивных ударов против стран-изгоев, дабы не допустить появления у них оружия массового уничтожения, и нам не выстоять под бременем предупредительных войн с государствами, посягающими на наше превосходство, при численности армии менее 500 000 человек. Наконец, мы не можем проводить имперскую политику, имея за плечами 500-миллиардный дефицит бюджета.

Кризис неизбежен, а в Республиканской партии рано или поздно разразится гражданская война, причем поводом для нее станут те же разногласия, что и для войны Голдуотера с Рокфеллером в 1960-е годы. Это будет война за сердца и души людей и за будущее партии и страны.

Каковы эти разногласия?

ИММИГРАЦИЯ

Подавляющее большинство американцев сегодня требует прекращения нелегальной иммиграции, отправки нелегальных иммигрантов восвояси, отказа от

каких бы то ни было амнистий, моратория на легальную иммиграцию, усиления пограничного контроля для предотвращения «скрытой агрессии» в отношении Соединенных Штатов.

Президент Буш, неоконсерваторы и «Wall Street Journal» (которая на протяжении двадцати лет ратовала за конституционную поправку под лозунгом «Открытому обществу — открытые границы») настаивают на устранении любых барьеров для иммиграции и на амнистии для нелегальных иммигрантов. Неоконсерваторы демонстрируют откровенную нетерпимость к своим идеологическим противникам, называют их «националистами», «ксенофобами» и «расистами». Когда почтенный гарвардский профессор Сэмюель Хантингтон в своей новой книге «Кто мы?» назвал иммиграцию из стран третьего мира в числе «базовых угроз» ключевой англо-протестантской культуре Америки (данный вывод восходит к идеям доктора Кирка), против него выступил «записной неоконсерватор» Дэвид Брукс. С подачи Брукса в журнале «Foreign Affairs» была опубликована весьма неллицеприятная рецензия Алана Вулфа, который обвинил профессора Хантингтона в «раздувании морализаторской истерии» и «презрении к американской элите». Саму книгу Хантингтона Вулф назвал «очередным опусом Патрика Бьюкенена, только с подстрочными примечаниями».

Между тем ситуация накаляется. Хантингтон предупреждает, что нежелание решать вопросы иммиграции может обернуться «решительными действиями» со стороны «националистических белых движений». Вулф также признает: «Среди простых американцев нарастает отрицательное отношение к иммиграции, и то же самое верно, если опираться на пример Хантингтона, для академических кругов».

В 2004 году три конгрессмена-республиканца — Джефф Флейк и Джим Колб от Аризоны и Крис Кэннон

от Юты — подверглись партийному порицанию за поддержку планов «иммиграционной амнистии». К 2006 году разногласия по этому вопросу станут общенациональными и отделят республиканцев Буша и неоконсерваторов от традиционалистов и популистов, представляющих интересы большинства американцев, а не какой-либо из элит.

ИМПЕРСКИЕ АМБИЦИИ

Количество потерь в Ираке увеличивается, военные расходы возрастают, и как следствие этого поддержка политики Буша, направленной на «демократизацию» исламского мира (за что приходится платить жизнями американских граждан и деньгами налогоплательщиков), неуклонно сокращается.

Мы не имеем имперских амбиций. Американцы покидали территорию своей страны, чтобы сразиться с нападшими на них врагами. Но они никогда не задерживались там, где местное население не желало их присутствия. После восемнадцати месяцев партизанской войны и обнародованных фактов о зверствах в тюрьме Абу Граиб нас перестали воспринимать как освободителей Ирака. Мы сделали оккупантами. Президент Буш, кажется, это понимает и пытается не только восстановить суверенитет Ирака, но и возложить ответственность за обеспечение безопасности страны и реализацию программы демократических реформ на самих иракцев.

Пока эти попытки успеха не приносят. И если Ирак окажется охвачен гражданской войной, неизбежна конфронтация в американском обществе, которое пожелает узнать, кто обманул американцев и кто вовлек их в войну. Рано или поздно будут сделаны соответствующие выводы и на скамье подсудимых окажутся неоконсерваторы, призывавшие к вторжению в Ирак

задолго до того, как Джордж У. Буш собрался податься в президенты.

Возрастающие расходы на военные операции в Ираке и Афганистане, рост торгового и бюджетного дефицитов, наши солдаты, разбросанные по всему свету, — эти и прочие факты безусловно приведут к широкому обсуждению внешней политики США. Нация несомненно задастся вопросами наподобие следующих: не переоценила ли себя Америка? Не уподобились ли мы европейским империям прошлого? Могут ли США позволить себе военное присутствие на пяти континентах? Можем ли мы и дальше ввязываться в войны ради исполнения своих обязательств по союзным договорам?

Вторжение в Ирак обернулось конфузом, в арабском мире и за его пределами, даже в тех странах, которым мы помогаем и которые защищаем, к Америке относятся с нескрываемым неодобрением; общество все громче требует вернуть американских солдат домой, сосредоточиться на защите наших национальных интересов и позволить иностранным правительствам самим решать свои проблемы, охранять свои границы и вести свои войны.

Как заметил конгрессмен-консерватор от штата Теннесси Джон Дункан-младший, подобная политика опирается на заветы Роберта Тафта, который писал: «Невозможно оправдать никакую внешнюю политику, кроме той, что направлена на защиту свобод американского народа и допускает войну лишь в качестве крайней меры и ради сохранения свобод». А Джон Ф. Кеннеди в год Карибского кризиса заявил:

«Мы должны осознать тот факт, что Соединенные Штаты не являются ни всемогущими, ни всеведущими, что наше население составляет всего шесть процентов мирового, что мы не можем насаждать свою волю среди 94 процентов жителей Земли, что мы не можем исправить любую неспра-

ведливость и возместить любой ущерб и что поэтому не существует сугубо американского решения для всех мировых проблем».

Конгрессмен Дункан завершил свою статью в «Chronicles» такой фразой: «В политике США в отношении Ирака нет ничего консервативного». Он, конечно же, прав. Формы правления в других государствах не являются сферой жизненных интересов США. Это не наше дело — до тех пор, пока другие государства не начинают угрожать нашим жизненным интересам. Как сказал столетие назад Бенджамин Гаррисон: «Господь не назначал Америку мировым полицейским».

ТЕРРОРИЗМ И ИСЛАМ

Неоконсерваторы убеждены в том, что Америка воюет с радикальным исламом и что эта война будет вестись до полного разгрома противника. И ради победы, как заявил Чарлз Краутхаммер на торжественном обеде в АИП в 2004 году, мы должны быть готовы «принести жертвы кровью» и «сражаться всюду, где требуется. А сегодня требуется воевать в “исламском полу-месяце” от Северной Африки до Афганистана».

Мы должны, декларировал Краутхаммер, захватить территории арабов и других мусульманских народов и создать «цивилизованное, достойное, неагрессивное и прозападное общество в Афганистане и Ираке», равно как и в ключевых странах региона — в Иране, Сирии и Саудовской Аравии. Таков сценарий Четвертой мировой войны, подготовленный Коэном, Подгорцом и Джеймсом Вулси. Зачем нам эта война? Затем, объясняет Краутхаммер, что «не существует иной, хотя бы отдаленно реализуемой стратегии возмездия, обращенной против чудовищ, которые стоят за событиями 11 сентября».

Это риторика вчерашнего дня, времен до событий 11 сентября и до вторжения в Ирак. Как обнаружили и мы, и неоконсерваторы, американская армия может захватить столицу чужой страны, но не в состоянии справиться с вирусом злобы и ненависти. Скорее она будет содействовать распространению этого вируса, как происходит в Ираке.

Потому-то, после многомесячной партизанской войны, оплаченной нашей кровью и нашими деньгами и породившей общенациональный протест, президент Буш, кажется, одумался. Мы не собираемся «углубляться». Мы постепенно выводим войска.

Имеются иные, более надежные способы борьбы с исламским экстремизмом. Мы должны вспомнить забытые истины. Американское господство на Ближнем Востоке служило и продолжает служить не мерой противодействия террору, но его источником. Не будь нас там, террористы не очутились бы здесь. Разумеется, совершенным ими преступлениям нет оправдания, но за их действиями стояли политические мотивы. На нас напали потому, что мы осквернили священную землю Мекки и Медины, потому, что мы, в глазах наших врагов, душили Ирак экономическими санкциями и готовились к нападению на Саддама, и потому, что мы безоговорочно поддерживали режим Ариэля Шарона.

Терроризм — не болезнь, а проявление болезни, ее симптом. Всякий акт революционного террора оправдывается политической целью. Чего добиваются исламские радикалы? Чтобы мы покинули Саудовскую Аравию и Ирак и отказались от поддержки всех прозападных режимов на Ближнем Востоке. Вот истинная суть событий 11 сентября 2001 года.

Поначалу мыотреагировали мудро, свергли ненавистный «Талибан» и сосредоточили усилия на уничтожении «Аль-Кайеды» и поимке бен Ладена. Во время операции в Афганистане нас поддерживал весь мир,

в том числе правительства арабских и других мусульманских государств. Но когда мы вторглись в Ирак, наши действия сыграли на руку бен Ладену. Исламский мир проявил враждебность, поскольку мусульмане не видели связи между нападшими на нас саудовцами и иракцами, на которых напали мы. И как появление Сулеймана под стенами Вены объединило разрозненных христиан против турок, так утверждение Буша в Багдаде способствовало объединению мусульман против Америки.

Наши враги — «Аль-Кайеда» и ее союзники. Как нам победить их?

Во-первых, мы должны сотрудничать со всеми, кто готов помогать нам. Почти все государства присоединились к Америке в войне с терроризмом, поскольку почти все страны, мусульманские в том числе, могут оказаться целями «Аль-Кайеды».

Во-вторых, нам следует устранить основную причину ненависти — имперское присутствие Америки в исламском мире. США должны отозвать своих солдат из стран Персидского залива и Средней Азии, вообще из любой страны, в которой жизненные интересы США не находятся под угрозой, и со всех баз, которые не являются ключевыми элементами нашей стратегии в том или ином регионе (наша главная стратегическая задача — обеспечить бесперебойные поставки нефти на Запад и в страны свободной Азии). Кто управляет бывшими советскими республиками Кавказа и Средней Азии, этот вопрос никогда не относился к сфере жизненных интересов США. Что делают американские войска в этих странах, которыми деспотически управляют бывшие коммунисты и которые рано или поздно станут ареной столкновений между Россией, Китаем и исламом?

Терроризм — плата за имперские амбиции. Если мы не желаем платить, мы должны отказаться от этих

амбиций. Стратегическое отступление — не стратегия поражения, но признание реальности. Исламский мир, раздираемый собственными этническими, религиозными и племенными противоречиями, должен сам решать свою судьбу. Вмешательство США приветствуется не более чем приветствовалось вмешательство оттоманов в конфликт католиков и протестантов в Европе пяти-сотлетней давности.

Стратегическое отступление отнюдь не означает капитуляцию. За четверть века отсутствия дипломатических отношений между США и Ираном в последнем выросло поколение, не слыхавшее о шахе, Саваке и «великом дьяволе», но ненавидящее мулл и дважды голосовавшее против них на выборах. В этой борьбе время на нашей стороне, поскольку исламские радикалы не способны заниматься государственным строительством и решать проблемы сегодняшнего дня. Единственная проблема, с которой они способны совладать, — это проблема американского присутствия. Если ее устранить, арабы и другие мусульманские народы достаточно быстро осознают, кто их истинный враг.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Государство Израиль представляет собой «очевидный отрыв от реальности», основанный «на коррупции, на насилии и на несправедливости». Произнеси эти слова кто-либо из американских лидеров, АДЛ* незамедлительно обвинила бы его в антисемитизме.

Но эти слова сорвались с уст бывшего спикера израильского Кнессета, озабоченного будущим своей страны. «Последний отсчет начался, — пишет Авраам

* Антидиффамационная лига, общественная организация, защищающая права еврейского народа. Среди достижений АДЛ — введение в юридическое употребление понятия «преступление ненависти».

Бург. — Гибель сионистского государства не за горами. Израиль, который не обращает внимания на палестинских детей, не должен удивляться тому, что они, снедаемые ненавистью, взрывают себя в еврейских поселениях».

Бург призывает высказаться «евреев диаспоры». Однако к его призыву прислушиваться не спешат.

Почему? Почему мы молчим, когда к нам обращается недавний лидер Кнессета? Начальник Генерального штаба израильской армии Моше Яалон сообщил израильским журналистам, что Шарон лично приказал взорвать палестинского лидера Махмуда Аббаса. Двадцать семь израильских военных пилотов отказались выполнить «бесчеловечный приказ» о бомбежке населенных пунктов. Израильские солдаты отказываются нести службу на оккупированных территориях.

Четверо экс-лидеров «Шин Бет»* — Ами Аялон, Карми Гилон, Яков Пери и Авраам Шалом — обвинили Шарона в том, что он ведет страну к катастрофе. «Мы катимся под гору, все быстрее и быстрее, — заявил Пери. — Если мы и дальше собираемся жить от меча, ничем хорошим это не закончится». Аялон и палестинский ученый Сари Нуссейбех опубликовали совместное заявление, призывая вернуть Израиль в границы 1967 года. Бывший министр юстиции Йосси Бейлин провел переговоры с бывшим коллегой из Палестины по вопросу о мирном сосуществовании двух народов. Колин Пауэлл направил им письмо с выражением поддержки. А что президент Буш? Почему мы не сообщили этим храбрым израильтянам, что они не одиноки?

Шарон сулил мир и безопасность. На деле он принес войну и ненависть — достаточно вспомнить провокацию на Храмовой горе в сентябре 2000 года. За

* Израильская служба безопасности, аналог американского ФБР. Известна также под аббревиатурой ШАБАК.

время его пребывания у власти погибли свыше 900 израильтян и 3300 палестинцев, в том числе сотни детей. Десятки тысяч были ранены. «Пламя войны» пожрало дома и оливковые рощи. Тем не менее, когда Говард Дин предложил «взвесить» американскую политику на Ближнем Востоке, демократы предупредили его о недопустимости подобных заявлений.

Израиль находится в глубоком кризисе. Он может отгородиться «стеной безопасности», захватить полностью Западный берег реки Иордан и запереть палестинцев в крохотных, непригодных для жизни бантустанах, которые неизбежно станут рассадниками терроризма. Или же Израиль может дать палестинцам то, чего требуют соглашения Осло, Кемп-Дэвида и Табы и план «дорожной карты», — территорию для создания собственного государства.

Выбор за Израилем. Но Америке требуется ближневосточная политика, сформулированная в США, а не в Тель-Авиве, не в АИП и не в АИРАС*.

Пока мы пожинаем на Ближнем Востоке плоды неоконсерватизма. Почти десять лет назад в своей работе «Бескровный прорыв» Ричард Перл и Дуглас Фейт предложили премьер-министру Нетаньяху отказаться от мирных договоренностей Осло и снова оккупировать Западный берег; впрочем, Фейт заметил, что «цена может оказаться неожиданно высокой». С течением лет сценарий Перла и Фейта утратил актуальность. Однако сегодня ситуация намного хуже, чем в обнадеживавшем 1994 году, до убийства Ицхака Рабина израильским экстремистом, оскорбленным в лучших чувствах политикой «обмена земель на безопасность».

По плану Шарона Израиль должен присоединить к своей территории все пять крупнейших поселений на

* Американско-израильская комиссия по связям с общественностью.

Западном берегу. Палестинцам возвращаться в свои дома запрещается. «Стена безопасности» охватит и Западный берег, а Иерусалим останется сугубо еврейским городом. Весной 2004 года президент Буш одобрил этот план, разработанный президентским советником по национальной безопасности и видным неоконсерватором Эллиотом Абрамсом. В июне того же года палата представителей 407 голосами против 9 поддержала этот план и заявила, что США «приложат все усилия к недопущению реализации каких-либо иных планов».

Америка отказалась от привычной роли «честного брокера». Президент Буш больше не восседает во главе стола, за которым ведутся переговоры; он теперь сидит за спиной Шарона. Это обстоятельство может служить политическим интересам президента и его партии, но оно противоречит интересам Америки, как и интересам тех израильтян, которые стольким пожертвовали ради безопасности своей страны, и тех палестинцев, которые столько выстрадали во имя создания собственного государства.

План Шарона отнюдь не является мирным планом. Это одностороннее решение проблемы, с которым не согласится ни одна арабская страна. Палестинский лидер, рискнувший подписать подобный документ, может заранее считать себя мертвецом. Подобно условиям Версальского мирного договора 1919 года для Германии, план Шарона фактически провоцирует новую, более масштабную войну.

На стороне Израиля превосходство в вооружении, но время и демографическая ситуация играют против него. Численность арабского населения в самом Израиле, на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа составляет 4,5 миллиона человек. Прирост населения среди арабов — едва ли не наивысший в мире. За пределами Палестины арабов становится все больше, ислам радикализируется, а проамериканские режимы ис-

пытывают нарастающее давление — или вообще оказываются в осаде.

Америка заинтересована в справедливом мире. Ведь когда канал «Аль-Джазира» демонстрирует всему миру убитых и раненых палестинцев, по которым нанесли удар произведенные в США вертолеты и истребители F-16, в сердцах 300 миллионов арабов вскипает ненависть не только к Израилю, но и к Америке, которая вооружает Израиль. Американцы, в особенности американцы-евреи, не разделяющие позиции неоконсерваторов, должны выступить в поддержку израильтян, которые не боятся призывать к миру. Как писал Берк: «Грех молчания в ситуации, когда нужно протестовать, делает мужчин трусами». Эти слова относятся ко всем нам.

ТОРГОВАЯ, АУТСОРСИНГ И РАБОЧИЕ МЕСТА

В мае 2004 года торговый дефицит США составил 48,3 миллиарда долларов, то есть приблизился к годовому показателю в 600 миллиардов долларов, а товарный дефицит устремился к отметке 700 миллиардов долларов. Фритредерский фундаментализм окончательно проявил свою несостоятельность. В феврале 2004 года газета «USA Today» сообщила, что «высокооплачиваемые американцы утратили энтузиазм в отношении свободы торговли, поскольку им угрожают “белые воротнички” из Китая, Индии и других стран». Ссылаясь на данные опроса, проведенного университетом штата Мичиган, газета утверждала, что за пять лет «среди американцев, зарабатывающих более 100 000 долларов в год, число поддерживающих свободу торговли сократилось почти в половину, с 57 до 28 процентов».

Демократическая партия осознает ситуацию. В ходе предварительных выборов 2004 года сенатор от

Северной Каролины Джон Эдвардс одержал победу нападками на торговую политику США как на основную причину утраты рабочих мест. Тот факт, что имеются две Америки — одна богатая и привилегированная, другая бедная и испытывающая лишения, — активно обсуждался средствами массовой информации и избирателями в последние дни предвыборной кампании.

Эдвардсу вскоре начал вторить сенатор Керри, обвинивший руководство компаний в подвигах Бенедикта Арнольда*, то есть в уничтожении рабочих мест для американцев. Керри также выступил против проекта САФТА, Центральноамериканского соглашения о свободе торговли, предложенного по аналогии с НАФТА президентом Бушем и его советником по торговле неоконсерватором Робертом Зелликом. Это был первый случай, когда Керри открыто порвал с «фритредерской фалангой» Конгресса.

Республиканская партия и Белый дом также начали задумываться. Когда председатель экономического совета при президенте Н. Грегори Манкив назвал аутсорсинг «новым удачным способом осуществления международной торговли», республиканцы с Капитолия предложили «господину фритредеру» вернуться в Гарвард. В «эпоху Буша» наиболее добросовестно задокументировали происходящее в Америке два журналиста — Лу Доббс с канала Си-Эн-Эн и Пол Крейг Робертс. Как не перестает напоминать Робертс, Бюро трудовой статистики рисует нам весьма неприглядную

* Бенедикт Арнольд (1741–1801) — герой Войны за независимость, позднее переметнувшийся к англичанам и передавший им за вознаграждение планы форта Вест-Пойнт. Имя Бенедикта Арнольда стало нарицательным именем изменника и предателя. Джон Керри часто использовал сравнение руководителей американских компаний с Бенедиктом Арнольдом в ходе предвыборной кампании 2004 года.

картину будущего страны. В своих прогнозах относительно рабочих мест на ближайшие десять лет БТС

«...подчеркивает, что 7 из 10 наиболее перспективных рабочих мест будут представлять собой должности, для занятия которых потребуется всего лишь краткий курс обучения без отрыва от производства. Это не высокооплачиваемые должности, и они не предусматривают производства товаров на экспорт; имеются в виду такие работы, как уход за больными и престарелыми и приготовление пищи, в том числе полуфабрикатов, такие профессии, как официант, уборщик, кассир, торговый представитель и продавец. Как пишет "Business Week", большинство наиболее востребованных профессий не потребуют высокой квалификации и окажутся низкооплачиваемыми».

Речь идет о будущем нашей молодежи и страны в целом. Если текущая торговая политика США радикально не изменится, практически все американские предприятия, производящие «торгуемые» товары, будут вынуждены покинуть страну в поисках более низких налогов, менее суровых правил и более дешевой рабочей силы. Китай, доход которого от торговли с нами приближается к 150 миллиардам долларов, превращается в новый «Солнечный пояс»*. Индия активно развивает аутсорсинг, переманивая к себе высокотехнологичные американские компании и лишая тем самым заработка американцев.

Ведение бухгалтерии, подготовка архитектурных проектов, программирование и обработка данных, страхование, финансовые и юридические консультации, налоговые и медицинские услуги — все эти занятия пере-

* Собирательное название штатов крайнего юга, юго-запада и запада США с благоприятным климатом и увеличивающейся плотностью населения.

стают быть уделом «коренных американцев». А если мы не предпримем соответствующих мер, аутсорсинг распространится и на такую область, как делопроизводство в штатах и в федеральном правительстве, в том числе в Управлении социального страхования.

В 2004 году компания «Сименс» объявила о сокращении большинства из 15 000 рабочих мест в США и Европе и открытии новых подразделений в Индии, Китае и Восточной Европе. Из 10 000 новых рабочих мест, о создании которых объявила корпорация «IBM», две трети будут созданы за пределами США. Согласно сообщению агентства «АП» в феврале 2004 года, профессиональные бухгалтеры в Индии подготовили в 2002 году 1000 американских налоговых деклараций; в 2003 году цифра составила 20 000, а в 2004 году, как ожидается, она будет варьироваться в диапазоне от 150 000 до 200 000 деклараций. Причина: в Индии бухгалтер в среднем получает 250–300 долларов в месяц, а в США его зарплата составляет 3000–4000 долларов.

Технические университеты, от университета штата Джорджия до Массачусетского технологического института, сообщают о неуклонном сокращении числа студентов. Как пишет Робертс, даже миллион новых рабочих мест, порожденных «бумом Буша» в 2004 году, приходится в основном на строительство, бары, рестораны, больницы и учреждения системы социального обеспечения. Мы не создаем новые рабочие места в промышленности, которая производит товары на экспорт, и это способствует увеличению торгового дефицита. В итоге, если политики не найдут способа обуздать этот чудовищный дефицит, проблема, как свидетельствует история, решится сама собой — не в нашу пользу.

Доллар будет падать до тех пор, пока дешевые импортные товары в магазинах не подешевеют до предела, а американские стандарты жизни не опустятся до

уровня тех стран, где сегодня изготавливаются наши товары первой необходимости. То, что Вашингтон и Гамильтон сумели оставить потомкам, поколение бэби-бумеров растрчивает с невероятной легкостью.

Даже президент Буш к весне 2004 года, когда аутсорсингом озаботились миллионы и когда Огайо, Западная Вирджиния, Пенсильвания и Мичиган оказались на грани краха из-за утраты рабочих мест, похоже, осознал, что НАФТА, САФТА и свободная торговля — путь, ведущий в никуда.

ДЕФИЦИТ БЮДЖЕТА И БОЛЬШОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Что касается сокращения налогов, тут Джордж У. Буш сполна оправдал доверие избирателей. Его поистине рейгановская приверженность этой политике была вознаграждена в 2003 году, когда, как он и предсказывал, в экономике страны началось оживление. Идеологические ценности, кандидатуры на должности членов Верховного суда и налоговая политика президента — вот те преимущества, которые по-прежнему обеспечивают Джорджу У. Бушу поддержку многих консерваторов.

Внутри Республиканской партии, как на Капитолийском холме, так и по всей стране, разворачивается схватка между «бюджетными ястребами», которые исповедуют традиционную веру в сбалансированные бюджеты, и «консерваторами большого правительства», которые ратуют за бесконечное снижение налогов и охотно повторяют слова Дика Чейни о том, что «дефицит не имеет значения». Пока экономика находится на подъеме, а бюджетный дефицит сокращается за счет увеличения налоговой базы, эта схватка пребывает «под спудом». Но как только случится новая рецессия, а бэби-бумеры начнут обращаться за социальными пособиями по возрасту и по состоянию здо-

ровья, мы окажемся на грани катастрофы, дефицит взлетит до небес, а скрытый конфликт внутри консервативного движения и Республиканской партии вырвется наружу и, быть может, скажется на экономической политике партии не менее губительно, чем уже сказался на политике социальной.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ

Если от успеха военной кампании в Ираке зависит успешность президентства Джорджа У. Буша, то для выявления заговора, который втянул нас в нее, воспользовавшись событиями 11 сентября как поводом, она еще более критична. Неоконсерваторы призывали к этой войне задолго до событий 11 сентября, они «скармливали» Белому дому свои идеи, «подпитывали» ими Пентагон и всячески демонизировали противников войны; все это сегодня общеизвестно. И, фигурально выражаясь, все яйца неоконсерваторов свалены ныне в одну корзину — багдадскую.

Более того, сегодня очевидно, что неоконсерваторы несут ответственность за грядущий раскол Республиканской партии, поскольку именно они выступают за открытые границы, за амнистию для нелегальных иммигрантов, за НАФТА, ВТО и аутсорсинг, за большое правительство и тактику умиротворения в культурной войне. Вдобавок неоконсерваторы своей мстительностью создали себе гораздо больше врагов, чем их было изначально внутри коалиции консерваторов и республиканцев.

Когда покойный Рассел Кирк заметил, что неоконсерваторы частенько путают столицу США с Тель-Авивом, Мидж Декстер обвинил «мудреца из Мекосты» в антисемитизме. Бывшего начальника Объединенного Центрального командования генерала Энтони Зинни упрекнули в том же грехе, когда он выгнал неоконсер-

ваторов из Пентагона. Роберт Новак, знаменитый репортер, давно и пристально изучающий взаимоотношения США и Израиля, регулярно удостоивается схожих обвинений от Нормана Подгореца и журнала «Commentary». Разыгрывание антисемитской карты — последний шанс неоконсерваторов.

В статье «Новый взгляд на рейгановскую внешнюю политику», опубликованной в журнале «Foreign Affairs», Уильям Кристол и Роберт Каган, отстаивая «благожелательную мировую гегемонию», упрекнули даже президента Рейгана — за то, что он всегда рисовал себе Америку «блистающим городом на горе».

Кристол и Каган насмеваются над этой «восхитительной старой метафорой» и пишут: «Политика сидения на холме и подавания примера стала на деле политикой трусости и бесчестия». А Подгорец не перестает нападать на Рональда Рейгана за то, что тот в 1983 году отозвал американских морских пехотинцев из Ливана — по словам Подгореца, «попросту взял и сбежал».

В декабре 2002 года, когда либеральные СМИ заставили Трента Лотта оставить пост лидера сенатского большинства (он изрек откровенную глупость на праздновании сто первого дня рождения Строма Термонда), Чарлз Краутхаммер, Дэвид Фрум и Йона Голдберг публично выразили свой восторг и принялись состязаться в стремлении первым всадить нож в спину Лотту.

Некоторые неоконсерваторы, как кажется, испытывают едва ли не патологическую ненависть к белым рабочим из южных штатов. «Говард Дин желает, чтобы на выборах голосовали белые мусорщики, — пишет Краутхаммер. — Именно это он, по всей вероятности, понимает, когда говорит, что ему нужны голоса парней с флагами Конфедерации, разъезжающих на пикапах». Когда на Дина обрушился Эл Шарпон, тот самый, что назвал боевое знамя конфедератов «американской свастикой», Краутхаммер не скрывал радости: мол,

урок пойдет Дину впрок, он подумает впредь, стоит ли упоминать об «этих южных йеху» и «упертых бунтовщиках и расистах».

Очевидная глупость, не правда ли? В Южной Каролине и Джорджии губернаторы лишились своих постов, не оправдав доверия избирателей своей позицией в отношении флага Конфедерации. Две трети жителей штата Миссисипи проголосовали за сохранение боевого знамени конфедератов в качестве знамени штата. А ведь эти люди обычно голосуют за республиканцев.

Ненависть Краутхаммера к южанам предугадал репортер «Weekly Standard» Крис Колдуэлл, в июне 1998 года высказавшийся со страниц «Atlantic Monthly»: «Самое принципиальное различие между южанами и всеми остальными — это различие в культуре. Южная традиция ставит во главу политики так называемые ценности — прежде всего христианские ценности». Отмахиваясь от этих ценностей как от «фольклорной традиции региональной субкультуры», Колдуэлл объявляет себя «призванным добиться того, чтобы традиционные ценности остались ценностями не партии большинства, но кучки твердолобых провинциалов».

«Южане держат республиканцев на поводке! — жалуется Колдуэлл. — Как такое могло случиться?» Он имеет в виду никсоновскую и рейгановскую стратегию, которая принесла республиканцам победу на пяти из шести президентских выборов с 1968 по 1988 год, причем две победы были одержаны с подавляющим преимуществом!

Правые придерживались единой внешней политики вплоть до падения Берлинской стены. Коалицию объединял антикоммунизм. Но когда «холодная война» завершилась, традиционалисты обнаружили, что расходятся во взглядах с партнерами по коалиции. Наши мнения категорически не совпадали. С тех пор

несогласие с «неоконсервативным уклоном», со собственными ему ненавистью к Ираку и любовью к Израилю, стало фактически приравняться к партийной измене. Накануне войны в Ираке в статье под названием «Консерваторы, но не патриоты» журнал «National Review» перечислил дюжину либералов, сторонников свободы торговли, и консерваторов, изгнанных из движения и оказавшихся «вне общества приличных людей», и обвинил их в ненависти к Америке и в предательстве:

«В консервативной среде наблюдаются явления, которых не оправдывают ни отчаяние консерваторов, ни их отчуждение от общества. Лишь наиболее смелые из них открыто признают, что желают поражения США в войне с терроризмом. Но они все думают о поражении, желают его, и обрадуются, если таков будет исход войны.

Они начали с ненависти к неоконсерваторам. Потом стали ненавидеть партию и президента. И наконец признались в ненависти к своей стране».

Среди ненавистников Америки, упомянутых в статье, были Новак, автор этих строк и пять авторов и редакторов журнала «Американский консерватор». Из дюжины «предателей» каждый хотя бы раз выступал со страниц «National Review».

К середине 2004 года стало ясно, что война в Ираке оказалась далеко не «прогулкой», как думали неоконсерваторы. Многие консерваторы, подобно Джорджу Уиллу, начали задумываться о том, стоило ли проливать кровь американских парней ради утопической цели — построения демократического общества в регионе, который никогда не знал демократии. Уильям Ф. Бакли, чей журнал «National Review» называл противников войны ненавистниками Америки и предате-

лями, признался в интервью «New York Times»: «Если бы я знал, в какой ситуации мы окажемся, я бы возражал против войны». Президент Буш и государственные секретари Пауэлл и Рамсфелд, как кажется, искали и продолжают искать способ закончить военную операцию, сохранив, что называется, лицо.

Для Уильяма Кристола это стало поводом окончательно порвать с консерватизмом. Он стал призывать к расправе с Пауэллом и Рамсфелдом и пригрозил покинуть партию и переметнуться к новым либералам.

«Если удастся достичь согласия с ястребами среди либералов и дать бой консерваторам, — заявил он «New York Times», — меня это вполне устроит». Ссылаясь на своего отца, который определял неоконсерватора как либерала, осознавшего реальность, Уильям Кристол определил нового либерала как «неоконсерватора, который осознал реальность Ирака».

Излагая свои политические приоритеты, Кристол добавил: «Я ставлю Буша выше Керри, а Керри выше Бьюкенена... Если вы читали последние номера “Weekly Standard”, там изложены взгляды, больше совпадающие с воззрениями “ястребов” среди либералов, чем с идеями традиционалистов».

Так оно и есть. Но ведь Керри поддержал поздние аборт, повышение налогов, гражданские общины, введение либералов в состав Верховного суда и голосовал когда-то за Тедди Кеннеди; почему же Кристол именно его предпочитает прочим консерваторам? Ответ прост — из-за Ирака и Израиля.

Подобно Кристолу, Керри настаивал на увеличении американского военного контингента в Ираке для реализации неконовского проекта по строительству империи. А на собрании спонсоров благотворительного проекта в Джуно-Бич, штат Флорида, Керри фактически принес клятву верности Израилю: «У меня стопро-

центные — именно стопроцентные — доказательства того, что я всегда поддерживал политику дружбы с Израилем».

Слова Кристола о том, что неоконсерваторы могут присоединиться к Керри, были признанием факта, о котором многие давно догадывались. Неоконсерваторы вовсе не консервативны. Они — оппортунисты и мошенники. В 1930-е годы они были левыми, затем поддерживали «Новый курс», строили в 1960-е годы «великое общество», а когда Никсон и Рейган стали одерживать впечатляющие победы — переметнулись к республиканцам. Они отказались от либерализма лишь потому, что увидели в консерватизме возможность возвышения; и рейгановская революция вознесла их к власти. Их герои — Вильсон, Франклин Рузвельт, доктор Кинг — все левые по своим убеждениям. В своих выступлениях они клеймят тех, кто с ними спорит и отваживается их критиковать, предателями, фашистами и антисемитами, что является традиционной тактикой левых. Их стратегия — бесконечная борьба, вплоть до вооруженной, за насаждение светской демократии и осуществление социальной революции в исламском мире — по сути своей является неоякобинской, позаимствованной не из американской, а из французской революции. В статье «Западная традиция — наша традиция» в специальном выпуске «Intercollegiate Review» к пятидесятой годовщине издания этого журнала Джеймс Куртц замечает:

«С самого начала (еще выступая как последователи Льва Троцкого и Лео Штрауса) неоконсерваторы рассматривали христианскую традицию как чуждую и даже угрожающую... Единственная западная традиция, которую они готовы защищать, есть традиция Просвещения. Они хотят распространить ее на весь мир и создать своего рода

американскую империю. Это проект вовсе не консервативный, но радикальный и вполне революционный. В общем и целом можно сказать, что с такими друзьями, как неоконсерваторы, западной цивилизации не нужны никакие враги».

Неоконсерваторы, прибавляет Куртц, «могут считать, что создают глобальную, универсальную цивилизацию, добиваются успеха дома и за рубежом; но все больше накапливается свидетельств того, что на самом деле распахнули двери варварам извне (то есть исламским террористам) и изнутри (то есть языческому пренебрежению ценностью человеческой жизни)». Куртц приходит к выводу, что наилучшая защита Запада от новых варваров — не империя, но христианская вера и традиция, каковые являются ключевыми элементами западной цивилизации.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Хотя миллионы консерваторов отвернулись от президента из-за его позиции по вопросам торговой политики, иммиграции, амнистии для нелегальных иммигрантов, большого правительства и вторжения в Ирак, Джордж У. Буш сохраняет поддержку 80–90 процентов республиканцев. На предварительных выборах у него не было достойного соперника, и почти все консерваторы будут голосовать за него в ноябре. Причина? Их несколько.

Джордж У. Буш — добропорядочный и богобоязненный человек, он и его супруга восстановили достоинство Белого дома, утраченное при Клинтоне. Он сдержал обещание сократить налоги, то есть укрепил свободу и безопасность американцев. Он возродил экономику, впавшую в рецессию при его предшественни-

ке. Он назначил достойных членов Верховного суда. Его нежелание соглашаться с международным произволом, выразившееся в отказе от Киотского протокола и от юрисдикции Международного уголовного суда, продемонстрировало патриотизм президента и стремление сохранить национальный суверенитет. После событий 11 сентября 2001 года он проявил мужество и сумел создать коалицию государств во главе с Америкой, разгромившую «Талибан» и изгнавшую «Аль-Каеиду» из Афганистана. На развалинах Всемирного торгового центра Джордж У. Буш выказал патриотизм, которого никогда не выказывал его отец. С сентября 2001 года по нынешний день он защищал свою страну от новых террористических атак. Настойчивыми дипломатическими усилиями он разоружил Каддафи и убедил саудовских шейхов порвать с имамами, призывавшими к джихаду против Америки. Во всех своих выступлениях он неизменно говорит о свободе.

Несмотря на то что он нередко разочаровывал консерваторов, разногласия последних с партией Джона Керри представляются куда более многочисленными и принципиальными. Эта партия не может предложить правым ничего. Есть и еще одна причина, по которой они будут поддерживать президента. Эту причину доходчиво сформулировал Барри Голдуотер, взойдя на трибуну партийного съезда в Чикаго в 1960 году: «Консерваторы, пора повзрослеть. Мы хотим вернуть партию себе, и однажды мы это сделаем».

Голдуотер отказался внести в предвыборный список имя Никсона из-за «Пакта пятой авеню» с Нельсоном Рокфеллером. Голдуотер говорил, что нам предстоит борьба за душу партии — но еще не сейчас, ведь сейчас время Никсонов. Сенатор Голдуотер начал свое выступление словами: «Мы — консерваторы. Республиканская палата — наш исторический дом. Наш дом». И все консерваторы верят этим словам.

Остроумец Тип О'Нейл как-то заметил, что все политики заняты исключительно местными делами. Но когда, раз в четыре года, разгорается схватка за национальное лидерство, местные интересы сменяются интересами племенными. Почти все «сыновья расколов и дочери конфронтаций» возвращаются домой. Сам Голдуотер, отвергнутый в 1964 году рокфеллеровскими республиканцами, увел за собой множество республиканцев и консерваторов. И они вернутся домой — к Джорджу У. Бушу.

С тех пор как в Вашингтоне обосновался Рейган, Республиканская партия стала партией идей. Именно внутри нее обсуждались направления развития страны и принимались судьбоносные решения. Клинтон, похвалявшийся сбалансированным бюджетом и реформой системы социального обеспечения, на деле являлся всего лишь «ратификатором» рейгановской политики, как свидетельствует бывший его помощник Дик Моррис.

И наконец, за последние десять лет в Верховном суде не появлялось вакансий. Президенту, которого изберут в ноябре, придется, вероятно, назначать нового председателя Верховного суда и определять состав суда. Если назначать будет Керри, новые члены суда окажутся продолжателями дела Уоррена, Дугласа, Бреннана, Блэкмана, Гинзбург и Маршалл. Если Джорджа У. Буша выберут на второй срок, а сенат, подтверждающий назначения судей, останется республиканским, вовсе не исключено, что новые члены суда станут продолжать дело Ренквиста, Скальи и Томаса и что будет положен предел пятидесятилетнему самоуправству суда и судебному произволу.

Что следует делать? Как заметил Барри Голдуотер в начале своей книги «Совесь консерватора»: «Древние, испытанные истины, которыми республика руко-

водствовала на протяжении столетий, хороши и для нас». И, как не уставал напоминать Рональд Рейган, существуют простые ответы, но не существует ответов легких. Каковы же эти простые ответы?

Мы должны отказаться от имперских амбиций, вернуть домой наших солдат, разорвать соглашения, входящие к временам «холодной войны», которая закончилась пятнадцать лет назад. Будучи величайшей в истории человечества республикой, Америка никогда не провозглашала и не станет провозглашать своей политикой самоизоляцию. Но мы должны отказаться от бесконечных интервенций. Мы должны покончить с практикой добровольного «встревания» в войны других народов, перестать защищать границы других государств и платить по чужим счетам, иначе мы проследуем путем, которым прошли до нас великие европейские империи, — и по той же причине. О кайзере Вильгельме говорили, что он не выносил, если где-либо в мире случался конфликт, а он в нем не участвовал. Подобные лидеры и их страны вечно балансируют на краю гибели. Нам следует чаще вспоминать предостережение Мэдисона:

«Из всех врагов свободы войны, по-видимому, нужно страшиться наипаче, потому что она является прародительницей всех прочих врагов. Войну ведут армии, на содержание которых требуются налоги и берутся займы, а армии, налоги и займы суть хорошо известные средства подчинения большинства меньшинству... Никакая нация не в состоянии сохранить свободу при непрерывных войнах».

Если Америка и стремится к чему-то, она стремится к свободе. В зловещем министерстве национальной безопасности, в ужесточении контроля в аэропортах и во введении системы цветowych степеней угрозы мы

усматриваем ущемление нашей свободы. Нам нужно возродить джефферсоновскую идею «мира, торговли и честной дружбы со всеми нациями, но обременительных союзов ни с кем не заключать».

Дабы восстановить экономическую независимость Америки, мы должны вспомнить заветы Гамильтона, гений которого обеспечил экономический суверенитет республики и проявился в ее конституции.

Дабы вновь стать единым народом, мы должны остановить «вторжение с юга» и укрепить наши границы, вернуть на родину тех, кто незаконно проник в нашу страну и не имеет права в ней находиться, и объявить мораторий на иммиграцию, как это было при предыдущих президентах, начиная с Кулиджа и заканчивая Джоном Кеннеди. Они дали «плавильному тиглю» время исполнить свою работу — и он их не подвел.

Дабы упорядочить федеральный бюджет, который представители обеих партий используют для покупки голосов избирателей, мы должны избрать в Конгресс мужчин и женщин с добродетелями Вашингтона и Адамса, имевших мужество произносить слово «нет». Эти люди, если понадобится, охотно пожертвуют своими политическими карьерами ради спасения республики.

Дабы победить в культурной войне, мы должны назначить новых судей, которые вернут деятельность Верховного суда в рамки конституции. Но более того нам требуется воля вести эту войну, ибо она решит, кто такие американцы, во что мы верим и к чему стремимся.

Когда его попросили убрать из армии генерала Гранта, чье поведение становилось все более вызывающим, Линкольн ответил: «Я не могу лишиться этого человека. Он умеет воевать». Америке нужны консерваторы, которые будут воевать, — как Роберт Тафт и Барри Голдуотер, как тот замечательный человек и великий президент, покинувший нас и отправившийся в «блистающий город на горе».

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции Осколки чести <i>Константин Ковешников</i>	5
---	---

ПРАВЫЕ И НЕ-ПРАВЫЕ

КАК НЕОКОНСЕРВАТОРЫ ЗАСТАВИЛИ НАС
ЗАБЫТЬ О РЕЙГАНОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ПОВЛИЯЛИ НА ПРЕЗИДЕНТА БУША

Благодарности	9
Введение	11
ГЛАВА 1. Демократический империализм и «военный президент»	25
ГЛАВА 2. Партия войны: люди, которые извратили американскую внешнюю политику	60
ГЛАВА 3. Враждебен ли ислам?	91
ГЛАВА 4. Война, в которой невозможно победить?	129
ГЛАВА 5. Крадущийся тигр, затаившийся дракон	178
ГЛАВА 6. Экономическая измена	212
ГЛАВА 7. Двуличие консерваторов	243
ГЛАВА 8. Слабеющий доллар, слабеющая страна	269
ГЛАВА 9. Отречение Конгресса и судебный произвол	286
ГЛАВА 10. Путь домой	319

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (095) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж**

**Справки по телефону:
(095) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Бьюкенен Патрик Дж.

Правые и не-правые

**Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской
революции и повлияли на президента Буша**

Ответственный редактор Е.Г. Кривцова
Выпускающий редактор О.К. Юрьева
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Технический редактор Н.А. Залозин
Корректор М.К. Однокова

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУПП ордена Трудового Красного Знамени
«Детская книга» МПТР РФ.
127018, Москва, Сущевский вал, 49.